

сентябрь – октябрь
5 (109) 2022 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**   **6**   **СИНЯВИНА Н.В., СЛЕПОКУРОВ В.С.**
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПОДХОДА
- 15**   **ДУБИН Р.Ш.**
ГЛОБАЛЬНЫЙ И ГЛОКАЛЬНЫЙ УРБАН-КОДЫ
КАК РАЗНОВИДНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ
СОВРЕМЕННЫХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ
- 23**   **ДЖАФАРОВА О.В.**
ГЕНЕАЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
- 32**   **ЯРЫЧЕВ Н.У.**
МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ КАТЕГОРИИ К ФЕНОМЕНУ
- 40**   **КОЛОМИЙЦЕВА Е.Ю., СКОРОХОДОВ М.В.**
КНИГА «РАДУНИЦА» СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА:
ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА
- 47**   **КАМИНСКАЯ Н.Д., ЭРТМАН Е.В.**
СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ
ТРАДИЦИЙ РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ
- 53**   **ПАНИОТОВА Т.С.**
УТОПИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ:
ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
- 63**   **ПИГАЛЕВ А.И.**
РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА МОДЕРНА КАК «ПЕРЕКРЕСТОК»
ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ УТОПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ
- 75**   **ЖЕЛТИКОВА И.В.**
КОНТУРЫ РОССИЙСКИХ УТОПИЙ, ИЛИ ГРАНИЦЫ
МЕЖДУ ПОЗИТИВНЫМИ И НЕГАТИВНЫМИ
ВООБРАЖАЕМЫМИ МИРАМИ

- 86 САРАЧУ Д.**
НИГИЛИЗМ КАК ВНЕДРЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МОДЕРНА
(НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА)
- 93 АНДРЕЕВА С.Л.**
ГУМАНИСТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ КОНЦЕПТА
«ВСЕОБЩНОСТЬ» В УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ
А.А. БОГДАНОВА И В. ХЛЕБНИКОВА
- 100 ИВАНОВ А.Г.**
УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ СОВЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО
АВАНГАРДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
- 110 РУБАН Д.А.**
ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УТОПИИ: КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ
ОБРАЗЫ И ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
- КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ**
- 120 ОНУЧИНА К.К., КУДРИНА Е.Л.**
ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ МЕДИАКОМПЕТЕНЦИИ
СТУДЕНТА ВУЗА: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ
- 133 МАЦУКЕВИЧ О.Ю., ЯРОШЕНКО Н.Н.**
ИНКЛЮЗИВНЫЕ КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАЗВИВАЮЩЕМ
ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
- 142 ЖУКОВ А.Д.**
ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ
КОМПЕТЕНЦИЙ В МЕДИАСРЕДЕ
- 150 КАЛУГИНА Т.Н., ЧИБИСГУЛЕВА Т.И.**
РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖДУНАРОДНОГО
ОНЛАЙН-СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ
- 159 ГЕКМАН Н.А., ДЕДЮШИНА Е.В.**
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ
- 164 ГЛАЗКОВ М.Н.**
БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА
В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1985–1991)
- РЕЦЕНЗИИ**
- 175 ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО Н.Е.**
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.М. ЛЕСОВИЧЕНКО
«ЕВРОПЕЙСКИЕ МУЗЫКАЛЬНО-КУЛЬТОВЫЕ КАНОНЫ»

September – October
5 (109) 2022
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

- THEORY AND HISTORY OF CULTURE**   **6**   **SINYAVINA N.V., SLEPOKUROV V.S.**
SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NATION STATE IN
THE CONTEXT OF THE INTERTEXTUAL APPROACH
- 15**   **DUBIN R.S.**
GLOBAL AND LOCAL URBAN CODES AS VARIETIES OF
CULTURAL CODES OF MODERN LARGE CITIES
- 23**   **DZHAFAROVA O.V.**
GENEALOGY AS A TOOL FOR STUDYING THE HISTORY
OF CULTURE AND THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE
- 32**   **YARYCHEV N.U.**
MEMORIAL CULTURE: FROM CATEGORY TO PHENOMENON
- 40**   **KOLOMIYTSEVA E.YU., SKOROKHODOV M.V.**
THE BOOK «RADUNITSA» BY SERGEI
YESENIN: RITUAL SYMBOLISM
- 47**   **KAMINSKAYA N. D., ERTMAN E.V.**
THE PRESERVATION AND TRANSLATION OF RUSSIAN
ARTISTIC TRADITIONS IN SOCIO-CULTURAL PRACTICES
- 53**   **PANIOTOVA T.S.**
UTOPIAN DIMENSION OF CULTURE:
THEORY AND SOCIAL PRACTICES
- 63**   **PIGALEV A.I.**
RUSSIAN CULTURE OF MODERN AS A "CROSSROADS"
OF WESTERN AND NON-WESTERN UTOPIAN TRADITIONS
- 75**   **ZHELTIKOVA I.V.**
THE OUTLINE OF RUSSIAN UTOPIAS OR BOUNDARIES
BETWEEN POSITIVE AND NEGATIVE IMAGINARY WORLDS

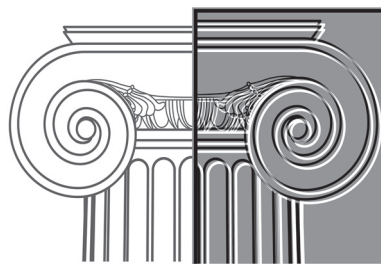
- 86 SARACHU J.**
NIHILISM AS THE INTRODUCTION OF THE PARADIGM OF MODERNITY (ON THE EXAMPLE OF THE WORK OF RUSSIAN WRITERS OF THE 19TH CENTURY)
- 93 ANDREEVA S.L.**
HUMANISTIC REFRACTION OF THE CONCEPT OF "UNIVERSALITY" IN THE UTOPIAN PROJECTS OF A.A. BOGDANOV AND V. KHLBNIKOV
- 100 IVANOV A.G.**
UTOPIAN IDEAS OF THE SOVIET MUSICAL AVANT-GARDE IN HISTORICAL MEMORY
- 110 RUBAN D.A.**
ECOLOGICAL ASPECTS OF UTOPIANISM: CARTOGRAPHIC IMAGES AND TOURISTIC EXPERIMENTS

CULTURAL PRACTICES

- 120 ONUCHINA K.K., KUDRINA E.L.**
HEALTH-SAVING MEDIA COMPETENCIES OF A UNIVERSITY STUDENT: ESSENCE AND CONTENT
- 133 MATSUKEVITCH O.Y., YAROSHENKO N.N.**
INCLUSIVE CREATIVE PRACTICES IN THE DEVELOPING SPACE OF RUSSIAN CULTURE
- 142 ZHUKOV A.D.**
FORMATION OF ETHICAL COMPETENCES IN THE SOCIAL MEDIUM
- 150 KALUGINA T.N., CHIBISGULEVA T.I.**
DEVELOPMENT OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS AN ELEMENT OF INTERNATIONAL ONLINE COOPERATION OF UNIVERSITIES
- 159 GEKMAN N.A., DEDYUSHINA E.V.**
USING ETHNOCULTURAL TECHNOLOGIES TO CREATE CELEBRATIONS.
- 164 GLAZKOV M.N.**
LIBRARY POLICY IN THE LAST PERIOD OF USSR EXISTENCE (1985–1991)

REVIEWS

- 175 DVININA-MIROSHNICHENKO N.E.**
REVIEW OF THE MONOGRAPH BY A.M. LESOVICHENKO "EUROPEAN MUSICAL AND CULT CANONS"

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПОДХОДА

УДК 81'42 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

Н. В. Синявина

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: cleo2401@mail.ru

В. С. Слепокуров

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: perviy_prorektor@mgik.org

Аннотация: В статье показаны возможности использования принципов и методов теории интертекстуальности при анализе социокультурного пространства национального государства. Вводная часть посвящена рассмотрению подходов к трактовке терминов «интертекстуальность» и «интертекст», обладающих поливариантным значением в зависимости от научной дисциплины (литературоведение, семиотика и т. д.). Авторы исходят из представления, что интертекстуальность выступает одной из важнейших категорий текста, а ее специфической характеристикой является нацеленность на выстраивание взаимосвязи каждого текста с другими текстами благодаря присущим им знаково-символическим системам. Далее подчеркивается, что экстраполирование принципов данного подхода на анализ социокультурного пространства национального государства, рассматриваемого как текст/метатекст, эвристично, поскольку позволяет выявить механизм взаимодействия между составляющими его (пространство) текстами этно- и региональных культур, между присущими им семиотическими системами, установить характер и установить характер и рассмотреть результаты их взаимовлияния. Авторы отмечают, что при использовании этого методологического приёма целью видится не столько выявление участников коммуникации, сколько определение качества взаимосвязей и причин взаимообусловленности межтекстовых и межсемиотических систем. Опираясь на метод анализа текстов М. Б. Гаспарова, указавшего в качестве текстопорождающих элементов мотив и след, далее авторы в качестве таковых рассматривают национальные символы/идеи и язык, религиозный фактор и культурную память. В заключение делается вывод о том, что трактовка социокультурного пространства национального государства как текста сразу ставит перед исследователем конкретные цели и задачи, связанные с выявлением его

СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор культурологии, профессор кафедры культурологии
Московского государственного института культуры

СЛЕПОКУРОВ ВИТАЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, первый проректор,
проректор по учебно-методической деятельности Московского государственного института культуры

SINYAVINA NATALIA VLADIMIROVNA – DSc in Cultural Studies, Professor of the Department of Cultural
Studies

SLEPOKUROV VITALY SERGEEVICH – DSc in Philosophy, Professor, First Vice-Rector, Vice-Rector for
Educational and Methodological Activities Moscow State Institute of Culture

© Синявина Н.В., Слепокуров В.С., 2022

языковых особенностей, формы и структуры, специфики используемой риторики, что позволяет концентрироваться лишь на этих аспектах, не уводя исследование в сторону.

Ключевые слова: интертекстуальность, интертекст, текст, социокультурное пространство, государство, код.

Для цитирования: Синявина Н.В., Слепокуров В.С. Социокультурное пространство национального государства в контексте интертекстуального подхода // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 6-14. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

SOCIOCULTURAL SPACE OF THE NATION STATE IN THE CONTEXT OF THE INTERTEXTUAL APPROACH

Natalya V. Sinyavina

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: cleo2401@mail.ru

Vitaly S. Slepokurov

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow Region, Russian Federation
e-mail: perviy_prorektor@mgik.org

Abstract: The article shows the possibilities of using the principles and methods of the theory of intertextuality in the analysis of the socio-cultural space of the national state. The introductory part is devoted to the consideration of approaches to the interpretation of the terms “intertextuality” and “inter-text”, which have a multivariate meaning depending on the scientific discipline (literary criticism, semiotics, etc.). The authors proceed from the idea that intertextuality is one of the most important categories of the text, and its specific characteristic is the focus on building the relationship of each text with other texts, thanks to their inherent sign-symbolic systems. It is further emphasized that extrapolating the principles of this approach to the analysis of the socio-cultural space of the national state, considered as a text/metatext, is heuristic, since it allows us to identify the mechanism of interaction between the texts that make up its (space) -ethno- and regional cultures, their inherent semiotic systems, to establish the nature and results of their mutual influence. The authors note that when using this methodological focus, the goal is not so much to identify communication participants, as to determine the quality of relationships and the causes of the interdependence of intertextual and intersemiotic systems. Based on the method of analyzing the texts of M. B. Gasparov, who indicated motive and trace as text-generating elements, the article further examines national language and symbols/ideas, religious factor and cultural memory. In conclusion, it is concluded that the interpretation of the socio-cultural space of the national state as a text immediately sets specific goals and tasks for the researcher related to the identification of its linguistic features, form and structure, the specifics of the rhetoric used, which allows you to concentrate only on these aspects, without taking the study aside.

Keywords: intertextuality, intertext, text, socio-cultural space, state, code.

For citation: Sinyavina N.V., Slepokurov V.S. Sociocultural space of the nation state in the context of the intertextual approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 6-14. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-6-14>

Современная гуманитарная наука для своих исследований ищет новые способы, основой которых выступает системный/междисциплинарный подход, позволяющий использовать в качестве инструментария разработанные смежными научными областями методы. Перспективным для анализа заявленной проблематики видится обращение к концепции Ю. Кристевой, введшей в научный оборот понятие «интертекст», благодаря которому стал возможен переход от «постформализма» (М. М. Бахтин) к теории постструктурализма. Основой последнего выступает «представление о всяком современном мышлении как о преимущественно «поэтическом», а «онтологизация понятия «текста» («повествования»), ставшего эпистемологической моделью реальности как таковой, неизбежно выдвинула на первый план науку о тексте» [6]. В контексте данной парадигмы культуру отдельных историко-культурных периодов (как и культуру в целом) можно трактовать как совокупность/сумму текстов, в которых зафиксированы (вербально или не вербально) присущие эпохе модусы мышления (мир как «безграничный текст» у Ж. Дерриды, «энциклопедия» у У. Эко, «космическая библиотека» у В. Лейча). Несмотря на относительную «молодость» данного подхода можно отчасти усмотреть его генетические связи с философией И. Канта. Например, перефразируя одно из основополагающих его понятий и обозначая социокультурное пространство национального государства как «произведение в себе», можно выделять «внутри повествования составляющие его единицы» и анализировать «связи между ними» [8, с. 7].

Поскольку термины «интертекстуальность» и «интертекст» поливариантны, а их объем и трактовка трансформируемы в зависимости от подхода и научной парадигмы, необходимо сделать некоторые уточнения, дабы избежать их разноречивых интерпретаций.

Осмысление интертекстуальности как феномена приходится на 1960–1980-е гг., когда в лингвистике и литературоведении обозна-

чился интерес к межтекстовому взаимодействию. Постепенно в границах данных научных направлений стала складываться теория текста, рассматривающая интертекстуальность как одну из основополагающих категорий художественного произведения (Р. Барт, Е. Е. Бразговская, М. М. Гиршман, А. Б. Есин и др.). В качестве теоретико-методологической базы интертекстуальности ряд исследователей указывает на подходы, предложенные Ф. де Соссюром (особенно, его теорию анаграмм), А. Н. Веселовским (в частности, теорию исторической поэтики), Ю. Н. Тыняновым (его учение о пародии), а так же – подход к рассмотрению литературного произведения в контексте полифоничности и хронотопа М. М. Бахтина. Особенно важным оказалось положение Бахтина о том, что любой текст (вербальный и невербальный) становится одним из элементов системы уже существующих текстов, приобретая статус интертекста и начиная диалог, длительность которого заранее определить невозможно. Именно эти идеи оказали воздействие на Ю. Кристеву, внедрившую в научный дискурс не только термин «интертекст», но и интертекстуальность «как обозначение общего свойства» [14].

Современные исследователи трактуют интертекстуальность как одну из важнейших категорий текста, специфическим качеством которой выступает ориентированность на выстраивание постоянной взаимосвязи каждого текста с другими текстами благодаря присущим им знаково-символическим системам [4]. Другими словами, интертекстуальность есть «необходимое предварительное условие для любого текста» [14] и различных видов «текстов в тексте», даже тех, что «с трудом поддаются формализации» [12, с. 48], а также – связи, выстраиваемые между ними, и механизмы воспроизводства/порождения старых/новых текстов, комплекс методов для их анализа.

От этих общих замечаний об интертекстуальности и интертексте и следует оттолкнуться при анализе социокультурного пространства национального государства.

Исторический путь любого государства есть процесс уникальный, характеризующийся присущей лишь ему темпо-ритмической организацией, поэтому формирование национальных государств происходило не одномоментно. Большая часть европейских национальных государств начинает складываться после подписания Мюнстерского и Оснабрюкского мирных соглашений в 1648 г. (известных как Вестфальский мир), которые юридически закрепляли независимость и автономность государственной власти на подконтрольной ей территории, неделимость и неприкосновенность последней для иностранных держав, возможность выступать в качестве самостоятельного субъекта в международном диалоге.

Другим процессом, способствующим возникновению национального государства, выступает осознание собственной идентичности, которая формируется не только в результате территориального обособления (что приводит к выработке национального языка, ценностно-смысловой системы), но и при обязательном внешнем (межэтническом) и внутреннем (внутриэтническом) диалоге. Поскольку лишь при коммуникации с Другим возникает представление о себе, создание единого экономического и информационного пространства, централизация аппарата управления. Национальному государству присуще стремление интегрировать населяющие его территорию этносы. Результатом данного процесса должно стать появление «народа» (со всем разнообразием коннотаций данного термина).

Начиная разговор о национальном государстве, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой соотнесения понятий различных уровней (нация, подразумевающая и этнос, и население, проживающее на территории национального государства; народ, государство, общество – культурный, политический, социальный уровень соответственно). Анализ состояния современного национального государства усложняется и процессами глобализации, нивелирующими государственные границы (например, фактическое отсутствие таковых между западноевропейскими стра-

нами). Некоторые государства, исходя из того или иного фактора (географического, экономического, ресурсного и пр.), создают различного типа национальные союзы (например, Евросоюз, союзное государство России и Белоруссии и т. д.). Одним из результатов глобализации следует считать и возникновение единого экономического и информационного пространства, патронирование и регулирование которого осуществляется транснациональными корпорациями, что также способствует нивелированию государственных границ.

Использование же принципа интертекстуальности (обладающего эвристическим потенциалом) в качестве методологической основы при анализе социокультурного пространства национального государства позволяет выявить механизм взаимодействия между составляющими его (пространство) текстами этно- и региональных культур, присутствующим им семиотическим системам, установить характер и выявить результаты их взаимовлияния. То есть, он направлен не столько на установление участников коммуникации, сколько на определение качества взаимосвязей и причин взаимообусловленности межтекстовых и межсемиотических систем. Другими словами, данный подход позволяет не только выявить составные части данного текста, но и попытаться установить его смысловую изначальность, которая есть «никоим образом не прошлое, но скорее будущее (исток как цель)» [15, с. 407].

Особенность функционирования текста связана с продуцированием специфического пространства, выступающего местом пересечения высказываний, цитат и образов из других текстов, систематизация которых детерминирована определенным мотивом (или идеей). «Это связано с принципиальной двойственностью интертекстуальной практики, которая, с одной стороны, представляет собой деконструкцию, т. е. вырывает знаки из их систем и разрушает их иерархию, а, с другой, предполагает реконструкцию, стремится к созданию знакового комплекса путем установления соответствий» [9, с. 117].

Исходя из сказанного, еще одной характеристикой интертекстуальности следует назвать *нацеленность на перекодирование изначального текста*. Можно считать, что ей присущ «феномен смысловой трансцендентности» [3, с. 347], возникающий не как результат совокупности аккумулированных в нем смыслов, а приобретение этой совокупностью новых качественных характеристик, превращающих ее в пространстве конкретного текста в систему. Другими словами, результатом взаимосвязи различных текстов этно- и региональных культур, каждый из которых содержит определенный смысл и семиотический код, становится продуцирование фронтальных зон, где и вырабатываются новые смыслы.

В данной ситуации не всегда представляется возможным установить изначальный текст и/или разграничить тексты разных этнокультур, но в отношении национального государства это не всегда и требуется. Для его эффективного функционирования достаточно «видеть» подобные фронты и анализировать их актуальное состояние, пытаясь соблюдать баланс между входящими в его состав этнокультурами.

Метод анализа текстов, предложенный Б. М. Гаспаровым, строится на осмыслении мотива как смысло- и текстопорождающего элемента. С его точки зрения, мотивом может выступать «любой феномен, любое смысловое “пятно” – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.» [2, с. 30–31]. Смысловое содержание мотива, попадая в пространство инотекста, подвергается трансформации, мотив «не остается равным самому себе», а его ценность проявляется «лишь в тех неповторимых сплавлениях с другими мотивами, которые возникают в данном сообщении в процессе его осмысливания» [3, с. 335].

Формирующийся интертекст априори наделен онтологичностью, поскольку именно она детерминирует механизм порождения бытия текста благодаря актуальному мотиву (комплексу мотивов)/идее (комплексу идей). «Онтологичность подразумевает в данном случае,

что интертекст конституируется в качестве продукта не рецепции разбираемого текста, но процесса текстопорождения» [13, с. 6].

Кроме того, с начала XX в. одним из важных элементов бытования национального государства выступают инфо- и медиа-сфера, детерминирующие многие актуальные процессы и оказывающие влияние на его развитие. Одним из центральных понятий здесь также выступает «интертекст» [14]. В связи с этим невозможно рассматривать интертекстуальность без влияния на нее интермедиальности. Можно говорить, что они выступают основополагающими и взаимосвязанными принципами построения национального социокультурного пространства, задающими границы продуцируемой на их базе официальной/индивидуальной идеологии/мифологии. Под интермедиальностью, термином, введенным А. Ханзен-Лёве, И. П. Ильин, в частности, подразумевает продуцирование полихудожественного пространства в контексте культуры, основу которого составляет художественный метаязык.

Этот подход также важен для рассматриваемой в статье проблематики, поскольку еще одна трактовка интермедиальности сводится к существованию в пространстве художественного произведения системы внутритекстовых взаимосвязей, основанной на взаимодействии различных видов искусства. Подобный подход существенно сужает фокус видения и может быть использован лишь в отношении конкретного художественного текста. Под метаязыком в данном случае следует иметь в виду национальный язык как одно из главных средств межтекстовой-межкультурной коммуникации и выработки единого семиотического кода.

Итак, мотивами/смысловыми «пятнами» для формирования национального социокультурного пространства выступают *национальный язык, национальные символы/идеи, единая религия, культурная память как собиранье*.

Национальный язык

Говоря о национальном языке, не следует забывать тезис постструктуралистов о недопустимости объяснения особенностей

национального мышления лишь его детерминированностью спецификой языка (его грамматических форм и категорий), на котором настаивали структуралисты (в частности, Э. Бенвенист). С точки зрения постструктуралистов, взаимосвязь грамматической системы – способа мышления – миропонимания в контексте национальной культуры имеет более сложную природу.

Для возникновения интертекстуальности необходим единый семиотический код, выступающий основой для культурного диалога входящих в него текстов этно- и региональных культур. Одним из доминантных кодов в данной ситуации, безусловно, выступает национальный язык. Утверждение, что становление сознания связано с речью, бесспорно, а значение слова можно трактовать как фиксированную функцию [11]. Ассоциативные цепочки, выстраиваемые в этом случае обладающими единым кодом участниками диалога, способствуют более точному восприятию передаваемого текста.

Национальные символы/идеи

Помимо национального языка следует указать и на необходимость формирования комплекса символов-маркеров, способствующих идентификации – как государства, так и его граждан (герб, гимн, государственный флаг, паспорт и пр.). Искусство и медиа-сфера способствуют их закреплению в массовом сознании. Для этого процесса характерно взаимовлияние различных видов художественной культуры и медиа-сфер, что приводит к межсемиотическим взаимосвязям, усложняющим содержание общенациональных символов. Нередко и они, и их визуальный образ базируются на присущих данной культуре традициях и канонах: имеющий длинную историю серп в гербе СССР; двуглавый орел в гербе современной России и т. д. Это приводит к продуцированию новых знаний через уже известные представления («текст в тексте»). Этот процесс способствует саморефлексии государства как системы, снятию напряжения между различными социальными группами

(особенно на начальном этапе формирования государства), возникновению целостности и, наконец, национального самосознания, что происходит лишь в тот момент, когда нация «делает себя объектом собственного восприятия» [1, с. 27]. Отражением национального самосознания может выступать национальная идея, аккумулирующая представление нации о собственных национальных интересах и единстве. Э. В. Ильенков отмечал, что «в виде идей всегда выражают себя разные потребности, созревшие внутри социального организма» [5, с. 87]. Ш. де Голль, в частности, подчеркивал, что лидер Франции должен олицетворять «некую идею о Франции».

Таким образом, национальная идея-текст способствует структурированию других текстов, отсеивая все, что вступает с ней в конфронтацию. То есть она задает вектор развития, становясь основой для консолидации общества и построения моделей его развития в будущем.

Единая религия

Одним из смыслообразующих элементов для формирования единого европейского социокультурного пространства до определенного момента выступал и религиозный фактор. Входявшие в состав европейских средневековых государств (в том числе, и на Руси) племена принимали христианство, которое в контексте выбранной методологии следует трактовать как текст с определенным семиотическим кодом, детерминировавшим все сферы жизни общества. Более того, возникновение Священной Римской империи немецкого народа справедливо считают попыткой восстановления древнеримской цивилизации, но с опорой на новое христианское мировоззрение. Через призму новой религии выстраивались взаимоотношения с соседними народами, христианство выступало идентификационным маркером в установлении границ «свой – чужой». По мере вхождения в состав средневековых европейских государств народов с иной религиозной принадлежностью (в частности, мусульман в Испании или Казань

ского и Крымского ханств в России, но чаще всего язычников) происходило и постепенное перерастание дихотомии «свой – чужой» в «свой – другой». Эти трансформационные процессы были часто связаны и с ориентированностью центра на сохранение этнического компонента во входящем в его состав новом тексте-культуре. В дальнейшем проводилась политика, направленная на ассимилирование и включенность сначала местной, этнически отличной от титульной нации, элиты, а потом и населения региона в целом в общегосударственное социокультурное пространство с сохранением религиозной принадлежности.

Культурная память как собрание

В данном случае есть смысл обратиться к теории нарратива, или повествования (Ж.-Ф. Лиотар, Ф. Джеймсон), исходящей из идеи возможности познания мира лишь в виде литературного дискурса, рассказа/истории о нем. Например, начальному этапу собирания русских земель часто были присущи только косвенные отношения с соседствующими племенами/народами/территориями; непосредственные контакты случались, но они, как правило, были кратковременными и не всегда успевали перерасти в диалог. То есть можно говорить о том, что вариативность видения и интерпретация жизни соседних племен/государств были детерминированы историко-культурными характеристиками эпохи (в частности, недостаточность осведомленности об их жизни). Интерпретацию же в контексте сказанного следует трактовать как автономный, самобытный текст (представление), продуцирование которого происходит в границах существующей ценностно-нормативной системы.

К одному из неотъемлемых компонентов памяти необходимо отнести *след*, трактовка которого также вариативна (чаще всего его рассматривают как знак, символ, код). Несмотря на смысловую многозначность, его априорность признается всеми подходами, поскольку след – как элемент памяти – всегда аккумулирует и конституирует соотнесенность временных периодов, выступает элементом структуриро-

вания истории (малой/частной и большой/всемирной). Более того, этот знак/символ/код пространственен, а, следовательно, наделен хронотопичностью и темпоральностью.

Таким образом, коллективную память можно рассматривать как текст, основанный на системе следов, актуализация которых детерминирована конвенциональными схемами, выработанными в данном сообществе.

Итак, функциональная значимость рассмотренных мотивов/смысловых пятен заключается в стремлении стереть границу, возникающую как результат столкновения полюсов любой дуальности (прежде всего, дихотомии «свой – чужой» в пространстве национального государства) и мешающую интеграционным процессам во всех сферах жизнедеятельности государства. То есть, «идея оппозитивного различия (difference) должна уступить место идее различия (differance), инаковости», благодаря чему возникает основа для сосуществования «множества не тождественных друг другу, но вполне равноправных» текстов/смыслов в пространстве общенационального текста [7, с. 37].

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на многозначность понятий «интертекстуальность» и «интертекст», использование данной методологии для анализа социокультурного пространства национального государства представляется, тем не менее, возможным. Даже несмотря на позицию ряда исследователей, полагающих, что общество и его история не могут рассматриваться как текст. Их опасения связаны с тем, что при подобном прочтении исчезает субъект (творческий субъект, субъект как автор текста и пр.). Однако современное социокультурное знание выделяет коллективного (группа, «социальный организм», «общественная совокупность» и пр.) и индивидуального (личность) субъекта человеческого действия [10]. В связи с этим следует говорить о возможности построения двух взаимосвязанных между собой подходов, каждый из которых будет дополнять друг друга. Кроме того, история науки демонстрирует, как правило, коллегиальность в выработке той или иной доктрины, что, бесспорно, лишь

усиливает эвристичность рассматриваемого подхода, поскольку нация есть явление коллективное. Открытие, особенно в естественных направлениях, действительно часто связано лишь с конкретной личностью, однако в дальнейшем происходит расширение знания о нем и имя первооткрывателя оказывается начальным звеном в цепочке ученых следующих поколений (например, закон Ньютона – Рихмана, открытие бозона Хиггса и кварков, давших возможность окончательно сформироваться Стандартной модели в 2000–2010-х гг.).

Таким образом, интертекстуальность детерминирована концептами «текст», «заимствование тем/сюжетов», «текстовый перевод», а ее качественными характеристиками выступают полифонизм и хронотопичность. Знаково-символические системы можно считать универсальными при формировании онтологической картины мира. Особенно успеш-

но это проявляется при анализе невербальных символических форм. Если социокультурное пространство трактовать как текст, то перед исследователем встают уже четко сформулированные задачи, связанные с выявлением его языковых особенностей, формы и структуры, специфики используемой риторики. На следующем этапе представляется необходимым провести анализ его синтаксической системы, поскольку она демонстрирует не только означаемое, но благодаря последнему артикулирует семио- и концептосферу. Кроме того, смысловая интерпретация текста социокультурного пространства национального государства коррелирует с контекстом общемирового пространства, что позволяет объяснить как специфичность предлагаемой интерпретации, звучащей извне или изнутри, так и выявить схожесть/различие характеристик локального текста и общемирового.

Список литературы

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретационную социологию. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя», 2000. 272 с.
2. *Гаспаров М. Б.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. Москва: Наука, 1994. 303 с.
3. *Гаспаров М. Б.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
4. *Застела К. С.* Интертекстуальность как составляющая художественного текста // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2009. № 101. С. 197–200.
5. *Ильенков Э.В.* Философия и культура. Москва: Политиздат, 1991. 464 с.
6. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм [Электронный ресурс] // URL: https://royallib.com/book/ilin_ilya/poststrukturalizm_dekonstruktivizm_postmodernizm.html
7. *Косиков Г. К.* Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Москва: Прогресс, 1989. С. 3–45.
8. *Кристева Ю.* Избранные труды: Разрушение поэтики. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
9. *Лахманн Р.* Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX–XX веков / Пер. с нем. А.И. Жеребин. Санкт-Петербург: «Петрополис», 2011. 400 с.
10. *Маркарян Э.С.* Избранное. Наука о культуре и императивы эпохи. Москва: Издательство «ЦГИ Принт», 2014. 656 с.
11. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 480 с.
12. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Пер. с фр.; Общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Издательство ЛКИ, 2008. 240 с.

13. Смирнов И. П. Порождение интертекста (Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака). Санкт-Петербург: Санкт-петербургский государственный университет, 1995. 193 с.
14. Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии [Электронный ресурс] // URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm>
15. Флоренский П. А. У водоразделов мысли / Комм. С. Аверничева. Москва: «Правда», 1990. Т. 2. 447 с.
16. Ханзен-Лёве А. Интермедальность в русской культуре: От символизма к авангарду / пер. с нем. Б.М. Скуратова, Е.Ю. Смотрицкого. Москва: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2016. 450 с.

References

1. Abels H. Interaction, identity, presentation. Introduction to Interpretive Sociology. St. Petersburg: Publishing house "Aleteya", 2000. 272 p. (In Russ.)
2. Gasparov M. B. Literary leitmotives. Essays of Russian literature of the XX century. M.: Nauka, 1994. 303 p. (In Russ.)
3. Gasparov M. B. Language, memory, image. Linguistics of linguistic existence. M.: New Literary Review, 1996. 352 p. (In Russ.)
4. Zastela K. S. Intertextuality as a component of a literary text // Izvestia of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen University, 2009. No. 101. pp. 197–200. (In Russ.)
5. Пыенков Е.В. Philosophy and culture. M.: Politizdat, 1991. 464 p. (In Russ.)
6. Ilyin I.P. Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism [Electronic resource] // URL: https://royal-lib.com/book/ilin_ilya/poststrukturalizm_dekonstruktivizm_postmodernizm.html (In Russ.)
7. Kosikov G. K. Roland Bart – semiologist, literary critic // Bart R. Selected works: Semiotics: Poetics. M.: Progress, 1989. pp. 3–45. (In Russ.)
8. Kristeva Y. Selected works: The Destruction of poetics. M.: ROSSPEN, 2004. 656 p. (In Russ.)
9. Lachmann R. Memory and literature. Intertextuality in Russian literature of the XIX-XX centuries / Trans. from German A.I. Zherebin. St. Petersburg: "Petropolis", 2011. 400 p. (In Russ.)
10. Markarian E.S. Favorites. The science of culture and imperatives of the epoch. M.: Publishing House "CGI Print", 2014. 656 p. (In Russ.)
11. Petrenko V.F. Fundamentals of psychosemantics. 2nd ed. St. Petersburg: Peter, 2005. 480 p. (In Russ.)
12. Piege-Gro N. Introduction to the theory of intertextuality / Trans. from French; General ed. and the introductory article by G.K. Kosikova. M.: LKI Publishing House, 2008. 240 p. (In Russ.)
13. Smirnov I. P. Generation of intertext (Elements of intertextual analysis with examples from the work of B.L. Pasternak) / I.P. Smirnov. S-Pb.: St. Petersburg State University, 1995. 193 p. (In Russ.)
14. Stepanov Y.S. "Intertext", "Internet", "intersubject": to the foundations of comparative conceptology [Electronic resource] // Izvestiya Akademii Nauk / Gl. ed. V.M. Gatsak. RAS. Department of Literature and Language // URL: <http://abuss.narod.ru/Biblio/stepanov1.htm> (In Russ.)
15. Florensky P. A. At the watersheds of thought / S. Avernitseva's Comment. M.: "Pravda", 1990. Vol. 2. 447 p. (In Russ.)
16. Hansen-Levet A. Intermediality in Russian culture: From symbolism to the avant-garde / translated from German by B.M. Skuratov, E.Y. Smotritsky. M.: Publishing House of RSUH, 2016. 450 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 22.08.2022

ГЛОБАЛЬНЫЙ И ГЛОКАЛЬНЫЙ УРБАН-КОДЫ КАК РАЗНОВИДНОСТИ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ СОВРЕМЕННЫХ КРУПНЫХ ГОРОДОВ

УДК 316.7 : 325.111 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

Р. Ш. Дубин

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: radd24@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается концепция глобальных и глокальных урбан-кодов, разработанная на основе концепции габитусов П. Бурдьё, концепта глокализации Р. Робертсона, концепций культурного кода Ю.М. Лотмана, У. Эко, Р. Барта и др. Урбан-код представляет собой габитуальное образование, посредством которого репрезентируется целостная система представлений определенной социальной группы (или социума в целом) о городе, городской среде, городском планировании и т. п. Современные урбан-коды представлены глобальными («совпадающими» с глобализационным трендом) и глокальными кодами; последние направлены на сохранение уникальности целостного образа тех или иных городов.

Ключевые слова: концепция габитусов П. Бурдьё, концепт глокализации Р. Робертсона, культурный код, глобальный и глокальный урбан-коды.

Для цитирования: Дубин Р.Ш. Глобальный и глокальный урбан-коды как разновидности культурных кодов современных крупных городов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 15-22. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

GLOBAL AND GLOCAL URBAN CODES AS VARIETY OF CULTURAL CODES OF MODERN MAJOR CITIES

Radik SH. Dubin

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: radd24@mail.ru

Abstract: The article discusses the theory of global (GUK) and local (GIUK) urban codes, developed on the basis of P. Bourdieu's habitus concept, R. Robertson's glocalization concept, concepts of the cultural code (Y.M. Lotman, U. Eco, R. Barth, etc.). The urban code is a habitual formation, through which an integral system of representations of a certain social group (or society as a whole) about the city, urban environment, urban planning, etc. is represented. Modern urban codes are represented by global ("coinciding" with the

ДУБИН РАДИК ШАМИЛЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

DUBIN RADIK SHAMILEVICH – doctoral student of Department of Cultural Studies, Faculty of State Cultural Policy, Moscow State Institute of Culture

© Дубин Р.Ш., 2022

globalization trend) and glocal codes; the latter are aimed at preserving the uniqueness of the holistic image of certain cities.

Keywords: P. Bourdieu's habitus concept, R. Robertson's glocalization concept, culture code, global and glocal urban codes.

For citation: Dubin R.S. Global and local urban codes as varieties of cultural codes of modern large cities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 15-22. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-15-22>

Процессы урбанизации, динамично развивающиеся в течение последних столетий, связаны с глобализационными трансформациями. Последние оказывают все более существенное влияние на социально-экономические, политические, демографические, культурные и иные условия жизни людей. Способствуя массовым перемещениям людей и идей, капиталов, образов жизни, их «смешению», глобализация формирует новые модели и стандарты – в том числе, в рамках пространственных практик, городского планирования и городской среды, ее визуального образа и эстетического восприятия. «Практически все глобальные города идут по пути воплощения идеи «интернационального» пространства города как основы своего имиджа. Если мы возьмем Нью-Йорк и Гонконг, то в их отдельных чертах мы найдем больше общего, чем отличий» [7, с. 144]. В связи с этим возникает необходимость глубокого и всестороннего анализа сочетанного влияния, оказываемого глобализацией и противостоящими ей процессами на динамику визуальных образов современных городов.

Предложенная нами интерпретация городских культурных кодов базируется на нескольких методологически значимых для нас источниках: концепции габитусов П. Бурдьё, концепте глокализации Р. Робертсона и трактовке культурного кода, разработанного Ю. М. Лотманом.

Французский социолог второй половины XX века Пьер Бурдьё – один из создателей теории практик – в своей работе «Наброски теории практики» [11] ввел в научный оборот понятие *габитуса*. Посредством габитуса, как организующего принципа действия, опреде-

ленные социокультурные условия, с одной стороны, самовоспроизводятся через своих «агентов» («реплицируются»), с другой – продолжают оказывать собственное воздействие на этих «агентов», то есть на индивидов и сообщества, выступающие субъектами данной «репликации» социальных и культурных обстоятельств.

Габитус (от латинского *habitus* – «привычный») обозначает такие привычные поведенческие практики, которые «варьируются не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [8, с. 178]. Согласно Бурдьё, габитус «прививает» своим коллективным агентам определенные мировоззренческие представления, придавая объектам – материальным или нематериальным – ту или иную «ценность», в том числе, культурную. (Одни объекты «ценятся» и соответственно высоко оцениваются, другие – наоборот) [14].

Несмотря на то, что первичным агентом габитуса выступает индивид, сами «привычные» практики представляют собой коллективное образование, своеобразный инструмент, способствующий тому, что те или иные условия постоянно воспроизводятся в общественной жизни. В рамках такого «коллективного агента», как правило, репрезентируются доминирующие привычные социокультурные подходы той или иной социальной группы и/или социума в целом. Именно поэтому, габитус, по словам Бурдьё, представляет собой образование одновременно «коллективное» и «субъективное» (но не индивидуальное!). Ведь габитуальные (*habitual*) практики есть

«процесс и результат усвоения (интериоризации) объективных социальных отношений, но, в то же время, собственный (субъективный) ресурс поведения агента, порождающий социальные практики» [3, с. 159].

Бурдьё удалось на множественных примерах продемонстрировать, как работает механизм воспроизводства социокультурной средой как средств собственного производства, так и условий, позволяющих проводить анализ воздействия этого воспроизводства на коллективного субъекта габитуса. Само «ощущение» как габитуса, так и определяемой габитуальной «ценности» объекта, по Бурдьё, передается через определенные габитуальные же институты. Этот процесс обычно начинается с семейного окружения, а затем закрепляется с помощью других институтов, таких как образование и трудоустройство. Эти институты постоянно укрепляют (а иногда реструктурируют и изменяют) исходные шаблоны культуры и социальности субъекта, то есть шаблоны, с помощью которых субъект относится к миру и другим людям. [14].

Бурдьё говорит также о специфических «культурных габитусах», развивающихся под воздействием историко-культурных условий, включающих смысловые, ценностные и эстетически значимые элементы [2, с. 18]. Некоторое «пересечение» этого подхода можно видеть с концепцией «культурных кодов», получившей развитие в современном гуманитарном знании, в трудах философов, культурологов, семиотиков, в том числе, в трудах Ролана Барта и Умберто Эко, а также – в работах выдающегося отечественного мыслителя Ю. М. Лотмана. В сборнике «Семиосфера», рассуждая о тексте культуры (под «текстом культуры» в семиотической системе Лотмана понимается не литературный и даже не художественный «текст», а шире – любой значимый культурный артефакт как таковой), Лотман выделяет в качестве особой его характеристики «перевод уже имеющегося сообщения в новую систему значений» [6, с. 172]. «В этом состоит универсальность такого понимания концепта “культурный код”, спо-

собность выполнять функции устойчивого и неизменного культурного субстрата при всей изменчивости и многообразии культурной субстанции» [4, с. 153].

Культурный код имеет собственную структуру, упорядочивающую восприятие текста культуры. Эту «структурирующую» функцию культурного кода подчеркивают как Ю. М. Лотман, так и У. Эко, писавший, что способом ее реализации выступают «правила сочетания, упорядочения символов» [10, с. 432]. Р. Барт же видит в культурном коде, прежде всего, компендиум коллективной памяти, ««культурные прецеденты, приобретенные сконцентрированный, парадигматический и иконический характер» [1, с. 248].

В целом можно сказать, что культурный код в определенной (но не в полной!) мере синонимичен таким понятиям, как «культурная традиция» и/или «культурная матрица»; последнее понятие рассматривают также как «наиболее общий культурный код для понимания текста определенной культуры» [4, с. 159]. Культурный код, как правило, не имеет некоего «официального», институционального оформления, да и не нуждается в нем, функционируя и развиваясь на уровне, скорее, коллективной психики и массовой перцепции артефактов культуры.

В качестве такого *культурного кода крупного города* мы рассматриваем *урбан-коды*. Термин «urbancode» получил распространение в коммуникативном пространстве современной культуры, но не в качестве академического понятия, а применительно к сфере повседневности: к моде, одежде, парфюму – т. е. к некоему городскому стилю жизни; существует также торговый бренд с таким названием. Мы же предлагаем расширить границы понимания термина, используя его применительно к современному городскому пространству как понятие, отображающее *габитуальное образование, посредством которого репрезентируется целостная система представлений определенной социальной группы (или, опять же, социума в целом) о городе, городской среде, городском планировании и т. п.* Урбан-код, как

и габитус в представлении П. Бурдые, с одной стороны выступает как некий синхронический «срез» подобных представлений, с другой – и сам может существенно влиять на эти представления, видоизменяя их, тем самым являя уже не синхронический, а диахронический аспект проблемы.

К важным характеристикам урбан-кода относится тот факт, что, будучи изначально неким «идеальным», нематериальным образованием, он находит свое воплощение в материальных объектах – элементах городского планирования и т. п. В то же время определенный «идеальный» аспект сохраняет свою значимость и при физическом воплощении урбан-кода: ведь в качестве основы здесь выступает человеческая мысль – решения архитекторов, планировщиков и др., принятые в соответствии с тем или иным устоявшимся урбан-кодом (или же в противостоянии ему).

В современных условиях – в первую очередь, в условиях активного глобализационного процесса последних десятилетий – можно говорить об уже сформировавшемся и многократно реализованном на практике *глобальном урбан-коде*. Говорить здесь о габитусе в том смысле, который вкладывал в этот термин П. Бурдые, позволяет нам, в том числе, выраженная ориентация городского планирования на доминирующие социокультурные ценности. Так, Дж. Кроуфорд, автор популярного в США труда «Города без автомобилей» [13], размышляя о городском планировании, утверждает: «Модели часто менялись с тех пор, как первые города были основаны десять тысяч лет назад. Изменения обусловлены множеством факторов, наиболее важными из которых являются *ценности, философия, системы управления, численность населения, художественная восприимчивость*». *Выделено нами.* – Р.Д. [12]. И только уже вслед за этими важнейшими факторами автор называет методы проектирования, методы строительства и транспортные технологии.

Глобальный урбан-код «глобален», прежде всего, в том смысле, что с высоким постоянством воспроизводится в самых разных

городах планеты вне зависимости от принадлежности тех или иных городов (как минимум, крупных) и представляемых ими стран к тем или иным общественным системам, политическим или экономическим блокам. Таким образом, базовые маркеры глобального урбан-кода являются характеристиками универсальными.

К числу таких маркеров относятся, например:

- 1) функционализм, практичность, рационализм;
- 2) многоэтажность и плотная застройка;
- 3) четкий геометризм, преобладание прямых линий;
- 4) материалы – бетон, стекло, металл;
- 5) часто – секуляризация религиозных объектов.

У каждого из этих элементов есть собственные характерные признаки. Например, фактор «практичности» во многом способствовал признаваемой сегодня широкими кругами общественности деэстетизации городского пространства в середине и во 2-й половине прошлого столетия во многих городах. Стремление к экономической эффективности приводило зачастую к призыву отказываться от архитектурных «излишеств» и подобной «непрактичной мишуры», связанной с серьезными материальными затратами. Такой подход особенно развивался в связи с глобализационными тенденциями, в частности, с тем, что на глобализацию была в свое время в значительной степени ориентирована застройка американских городов.

Для формирования эффекта «истинного» глобального урбан-кода важна взаимная согласованность составляющих его элементов. Так, критерий «практичности» реализовывался сам по себе уже в исторической ретроспективе, начиная со строительства первых городских укреплений. Жители окрестностей, как правило, собирались в одном «огороженном» (то есть защищенном в военном отношении) месте именно с целью защиты от возможного нападения врага, и такое решение было, несомненно, и «практичным», и «рациональ-

ным». Рост этажности городских построек, использование определенных материалов – все это в свое время было обусловлено, в первую очередь, экономическими факторами, а не следованием какому-то «коду», тогда как сегодня эти маркеры уже почти на уровне коллективного бессознательного воспринимаются именно и непосредственно как элемент системы.

В то же время не все из указанных маркеров являются строго обязательными в качестве элементов обсуждаемой системы. Так, секуляризация культовых построек (путем, например, превращения церквей и храмов в музейные и культурные комплексы) больше характерна для западных стран, откуда, собственно, и берут свое начало глобализационные процессы. В большинстве стран Азии, даже в тех современных городах, где глобальный урбан-код присутствует со всей очевидностью, этот маркер достаточно часто либо выражен незначительно, либо не выражен вовсе. Исламские и буддистские культовые строения – мечети, буддистские храмы, ступы и статуи Будды и др. – сохраняют, как правило, свое значение именно в качестве культовых сооружений.

И это – один из поводов задуматься о существовании не только определенных глобальных тенденций в городском планировании и строительстве, но также и о явно присутствующих сегодня в мире тенденциях противоположных (в сочетании с глобальными). Крупные мегаполисы планеты в подавляющем большинстве – даже при активно репрезентируемом в их городской среде глобальном урбан-коде – сохраняют в то же время черты собственного своеобразия, уникальности и индивидуальности, что позволяет ставить вопрос не только о «глобальном», но и о «глокальном» урбан-коде.

Само понятие «глокальности», в котором зримо соединяются такие, казалось бы, несовместимые категории как *global* (глобальный, «общеземной») и *local* (местный, региональный), тесно связано с концепцией «глокализации», разработанной когда-то британским социологом Роландом Робертсоном. Первонач-

ально термин «глокализация» использовался японскими бизнес-компаниями. В 1980 году Р. Робертсон использует его уже как академическое социологическое понятие в нашумевшей впоследствии статье, опубликованной в журнале «Harvard Business Review». Понятие это, по Робертсону, призвано отобразить, прежде всего, единовременность наблюдаемых в сегодняшнем мире, хотя и контрастирующих друг с другом, тенденций – «универсализирующих» (которые можно рассматривать и как центристские, поскольку в них действительно отображается стремление различных объектов к некоему единому центру) и «партикуляризирующих» (центробежных). «Глокализация ... фиксирует, что рост значимости континентальных и глобальных уровней происходит вместе с ростом значимости локальных и региональных уровней. Более того, понятие глокализации подчеркивает взаимозависимость глобальных и региональных уровней» [9, с. 5].

Н. Н. Кожевников и Н. Л. Пашкевич видят в глокализации, прежде всего, стратегию – а именно такую стратегию, которая удачно сочетает в своих рамках общемировые и региональные ориентации и интересы коллективных субъектов политических, экономических, культурных и т. п. отношений. В этом смысле ими понимается воспринимаемое уже как почти синонимичное термину «глокализация» понятие «новый регионализм». От привычного «регионализма» прошлого века «новый регионализм» отличается тем, что, во-первых, организуется скорее как сетевая, нежели иерархическая структура (инициация, принятие и реализация решений «снизу», а не «сверху»). Во-вторых, существенно расширяются его рамки, включая в себя уже не только экономическую проблематику, но также более общие вопросы общественной и культурной жизни [5, с. 111–115].

В применении к социокультурным процессам глокализация, по Робертсону, означает проявление региональной («локальной») культуры, традиционных для нее норм и ценностей, ее артефактов, противостоящих

во многом агрессивному и чрезмерно стандартизированному влиянию глобализационных трендов. Это же противостояние мы наблюдаем, в сущности, и в развитии городской среды большинства крупных современных городов. Исходя из вышеозначенного понимания глокальности, мы рассматриваем глокальный урбан-код в качестве антиномичного глобальному урбан-коду.

Важно еще раз подчеркнуть, что глобализационные и «глокализационные» процессы в культуре городского планирования остаются именно «единовременными». Выступая на поверхностный взгляд противоречащими и даже противоположными друг другу, на деле они практически (за исключением отдельных случаев) не являются настоящими антагонистами. Напротив, здесь следует говорить скорее о взаимовлиянии и взаимном обогащении, углублении. Современный крупный город сложно представить без тех примет, которые мы обозначили как маркеры глобального урбан-кода. Однако не менее сложно вообразить и такой город, который в погоне за полным соответствием стандартам глобализации полностью утратил бы собственное своеобразие и уникальные черты той региональной культуры, которую он представляет.

Если посредством глобального урбан-кода как габитуального образования репрезентируются ценности, непосредственно связанные с современными глобализационными процессами, то главной функцией глокального урбан-кода выступает сохранение уникальных, индивидуальных, «узнаваемых» характеристик целостного образа того или иного города – визуального, эстетического и т. п.

В этом смысле понятие о глокальном урбан-коде тесно связано с представлением о городском брендинге. При этом последний может рассматриваться как компонента (либо даже как частный случай) первого. Соответственно, как и в традиционном брендинге, характеристики конкретных глокальных урбан-кодов (в особенности глокальных кодов тех городов, которые действительно представляют собой в высокой степени уникальную

и индивидуальную городскую среду) оказывается в столь же высокой степени уместно представлять посредством коротких и емких метафорических слоганов, отображающих основные характеристики этой уникальности. Примеры:

- Афины – «современная античность». Характерная особенность данного кода: сочетание современных тенденций с последовательным курсом городских властей на сохранение античного культурного и архитектурного наследия и в целом – образа «колыбели западной цивилизации».
- Дубай – «1002-я ночь, или арабская футуросказка». Элементы данного урбан-кода – акцентированная роскошь, фантазматичность, представленная в первую очередь почти шокирующими, «фантастическими» элементами будущего в современной городской среде, и выраженный экологизм. На «глокальный» эффект здесь работает и поддерживаемое городскими властями сохранение как собственно «дубайского», так и общеарабского наследия городской культуры – в виде, например, «аутентичных» исторических кварталов Аль-Фахида и Хатта («Деревня наследия») или множества мечетей, функционирующих именно как религиозные – а не музейные – центры.

Как можно заметить, большинство указанных выше характеристик глобального урбан-кода совпадает с характеристиками архитектуры эпохи модерна, выделяемыми такими ее представителями, как В. Гропиус, Ле Корбюзье, М. ван дер Роэ и др. По нашему мнению, это объясняется таким же совпадением хронологических рамок начала «взрывного» развития глобализации и развития именно этого направления в архитектуре. Позднее, уже на пике глобализационных процессов, доминирование модернистской архитектуры в современных городах постепенно сменяется все более активным использованием в городской застройке постмодернистских

течений – таких, например, как деконструктивизм. С одной стороны, постмодернистская архитектура, по самому факту своего широкого, даже общемирового, распространения, также может рассматриваться как связанная с глобализацией. С другой стороны, общая направленность всего постмодернистского направления в искусстве базируется на фундаментальном принципе раскрытия уникальной индивидуальности культурного объекта, что прямо противоречит максимальной нацеленности на стандартизацию и унификацию, столь характерные для глобального урбан-кода. Мы видим в этом расхождении свидетельство соотнесенности постмодернистской архитектуры не только с глобализационными, но одновременно и с «глокализационными» тенденциями развития мировой культуры; больше того, само это единство по видимости противоположных устремлений наиболее характерно именно для «глокального» дискурса, в рамках которого, в отличие от дискурса глобального, допустимы всевозможные и разноуровневые «компромиссы».

Сравним, например, здания, построенные по проектам Захи Хадид – одной из самых ярких представительниц деконструктивистской архитектуры – в Москве и в Дубае. И московский бизнес-центр «Пересвет-Плаза» («Dominion Tower»), и дубайские «Танцующие

башни» несут в себе узнаваемый отпечаток авторского почерка З. Хадид, но в то же время каждый из них гармонично вписывается в визуальный «глокальный» образ тех городов, которые они представляют. В «Dominion Tower» можно заметить отголоски раннего советского конструктивизма (несмотря на то, что именно против конструктивистских идей изначально направлен архитектурный деконструктивизм): наряду с плавными, округлыми линиями, «закругленностью» углов и т. п. здесь все-таки доминируют прямолинейные образы, достаточно жесткий «скелет» здания и четкое разделение всей конструкции на конкретные элементы. Тогда как «Танцующие башни» в Дубае отличает прежде всего именно плавность, «текучесть» линий, их пластичность и общая «сглаженность», постепенность переходов между элементами. Все это вместе создает тот самый фантазматический, почти сказочный эффект действительно двигающихся, «танцующих» зданий.

Можно резюмировать, что глобальный и глокальный урбан-коды, являясь вариантами культурных кодов современных городов, представляют собой такие габитуальные образования, которые соответствуют глобализационным (первый) и «глокализационным» (второй) тенденциям в развитии современных городов.

Список литературы

1. Барт Р. Империя знаков. Москва: Праксис. 2004. 144 с.
2. Бурдые П. Исторический генезис чистой эстетики // Новое литературное обозрение. 2003. №60.
3. Выдрина А.С. «Габитус» Пьера Бурдые как теоретическая основа анализа некоторых видов брендов // Социосфера. 2020. № 2. С. 159–161.
4. Гудова М.Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции / Intellect. Innovations. Investments. 2022. № 4. С. 151–159.
5. Кожевников Н.Н., Пашкевич Н.Л. Глокализация: концепции, характерные черты, практические аспекты // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2005. №3. С. 111–115.
6. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
7. Пучков М. В. Глобализация и идентичность в архитектуре современных городов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2013. № 3 (116). С. 140–147.
8. Рубцова О.В. Значение категории «габитус» в социальной философии Пьера Бурдые // Исторические,

- философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 178–180.
9. Сергеева Н.С. Концепция глокализации и ее трактовки в экономической теории // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 11 (157). С. 5–11.
  10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис». 1998. 432 с.
  11. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice*. Vol. 16. Cambridge: Cambridge University Press, 1977.
  12. Crawford J.H. A Brief History of Urban Form. Street Layout Through the Ages [Электронный ресурс] // URL: <https://www.carfree.com/papers/huf.html>
  13. Crawford J.H. *Carfree Cities*. - International Books, 2000. 323 p.
  14. Gillespie L. Pierre Bourdieu: Habitus [Электронный ресурс] // URL: <https://criticallegalthinking.com/2019/08/06/pierre-bourdieu-habitus/>

References

1. Bart R. *Empire of signs*. Moscow : Praxis. 2004. 144 p. (In Russ.)
2. Bourdieu P. Historical genesis of pure aesthetics // *Journal of New Literary Review*. 2003. №60. (In Russ.)
3. Vydrina A.S. “Habitus” by Pierre Bourdieu as a theoretical basis for the analysis of some types of brands // *Sociosphere*. 2020. No. 2. pp. 159–161. (In Russ.)
4. Gudova M.Yu., Yuan M. The concept of “cultural code”: levels of significance // *Intelligence. Innovation. Investment / Intelligence. Innovation. Investments*. 2022. No. 4. pp. 151–159. (In Russ.)
5. Kozhevnikov N.N., Pashkevich N.L. Glocalization: concepts, characteristic features, practical aspects // *Bulletin of the Northeastern Federal University*. 2005. No.3. pp. 111–115. (In Russ.)
6. Lotman Yu. M. *Semiosphere*. SPB: Iskusstvo-SPB, 2000. 704 p. (In Russ.)
7. Puchkov M. V. Globalization and identity in the architecture of modern cities // *Izvestiya Ural Federal University. Ser. 1, Problems of education, science and culture*. 2013. № 3 (116). Pp. 140–147. (In Russ.)
8. Rubtsova O.V. The meaning of the category “habitus” in the social philosophy of Pierre Bourdieu // *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice*. 2017. № 4 (78). Pp. 178-180. (In Russ.)
9. Sergeeva N.S. The concept of glocalization and its interpretation in economic theory // *Bulletin of the Samara State Economic University*. 2017. № 11 (157). Pp. 5-11. (In Russ.)
10. Eco U. *Missing structure. Introduction to Semiology*. St. Petersburg: LLP TC “Petropolis”. 1998. 432 p. (In Russ.)
11. Bourdieu P. *An essay on the theory of practice*. Volume 16. Cambridge: Cam Bridge University Press, 1977. (In Russ.)
12. Crawford J.H. A Brief History of Urban Form. Street layout over the centuries [Electronic resource] // URL: <https://www.carfree.com/papers/huf.html>
13. Crawford J.H. *Cities without cars*. - International Books, 2000. 323 p.
14. Gillespie L. Pierre Bourdieu: habit [Electronic resource] // URL: <https://criticallegalthinking.com/2019/08/06/pierre-bourdieu-habitus/>

*

Поступила в редакцию 10.07.2022

ГЕНЕАЛОГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 929.5 : 930.25 : 008

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-23-31>

О. В. Джафарова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, Российская Федерация

e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

Аннотация: Разработка проблемного поля индивидуальной культурной памяти является сегодня одним из самых захватывающих аспектов в изучении исторического пласта культуры повседневности. Внимание к дневникам, письмам и прочим источникам личного происхождения трудно переоценить. Разумеется, генеалогический поиск как таковой, как и в нашем случае, отталкивается от подобного личного источника, в данном случае – фотографии ориентировочно 1910 года. Источниковедческий анализ архивных документов – ревизских сказок, метрических книг, исповедных росписей, подворных и посемейных переписей – позволил не только расширить представление исследователя о собственной родословной, но и создать контекстную картину культуры повседневности XVIII – начала XX вв., углубив краеведческую хронологию прихода села Шульгино с окрестными деревнями более чем на 200 лет. С большой степенью уверенности можно сказать, что поиск искомым семи колен предков помогает процессам самоидентификации и, очевидно, стрессоустойчивости человека в современном мире, формированию чувства причастности к культуре и к истории страны в целом. В рамках работы впервые вводится в научный оборот масса архивных документов.

Ключевые слова: генеалогия, крестьянский быт, Тульская губерния, история культуры, история рода, семейные фотографии, культура повседневности, ополчение 1812 года, источниковедение, метрические книги, ревизские сказки, исповедные росписи.

Для цитирования: Джафарова О.В. Генеалогия как инструмент изучения истории культуры и культуры повседневности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 23-31. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-23-31>

GENEALOGY AS A TOOL FOR STUDYING THE HISTORY OF CULTURE AND THE CULTURE OF EVERYDAY LIFE

Olga V. Dzhafarova

Russian Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

e-mail: olgavrodionova@yandex.ru

ДЖАФАРОВА (РОДИОНОВА) ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат культурологии, доцент, доцент
Российской Академии народного хозяйства и государственной службы

DZHAFAROVA (RODIONOVA) OLGA VITALEVNA – Sc in Cultural Studies, associate professor, associate
Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Джафарова О.В., 2022

Abstract: The development of the problematic field of individual cultural memory is today one of the most exciting in the study of the historical layer of the culture of everyday life. The attention to diaries, letters and other sources of personal origin cannot be overestimated. Of course, the genealogical search as such, as in our case, is based on such a personal source, in this case a photograph of approximately 1910. Source analysis of archival documents: revision tales, registers of births, confession lists, household and family censuses allowed not only to expand the researcher's understanding of his own genealogy, but also to create a contextual picture of the culture of everyday life in the 18th-n. XX centuries To deepen the local history chronology of the arrival of the village of Shulgino with the surrounding villages for more than 200 years. With a high degree of confidence, we can say that the search for the desired seven tribes of ancestors helps the processes of self-identification and, obviously, the stress resistance of a person in the modern world, the formation of a sense of belonging to the history and culture of the country as a whole. As part of the work, a lot of archival documents are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: genealogy, peasant life, Tula province, cultural history, family history, family photographs, culture of everyday life, militia of 1812, source studies, parish registers, revision tales, confessional paintings.

For citation: Dzhafarova O.V. Genealogy as a tool for studying the history of culture and the culture of everyday life. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 23-31. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-23-31>

Лирическое отступление про исторические источники

Ревизские сказки – документы государственные, светские, в них указывалось название деревни, сельца, села, города, а также уезд и губерния. До отмены крепостного права (19 февраля 1861) обязательно писали имя хозяина. Знание о бывшем господине тоже дает много интересной информации: находилась ли земля в руках одной семьи, как была получена, кому и по какой причине передана, кем был сам барин или барыня, жили ли они в поместье или в городе, чем еще владели, кто жил по соседству. Словом, мир заиграет совсем новыми красками, раскрасив сухие факты.

Ревизские сказки – это перепись податного населения, то есть всех, кроме дворян. Всего ревизских сказок (сказка в данном случае – запись рассказанного) проводилось десять – с 1720 по 1858, причем четкого промежутка лет не определялось; так шестая и седьмая ревизии проводились с разницей в 5 лет, а между седьмой и восьмой прошло 18 лет. Про это «Мертвые души» Н. В. Гоголя: люди давно умерли, а ревизии все нет, следовательно, по бумагам они живы и подать с них платить надо. Верно и обратное: за 18 лет много народу народилось, а люди все еще не учтены.

Большая часть населения Российской империи была неграмотна, поэтому и сказка была сказкой, записанной со слов говорящего, а говорящий может забыть, а может и соврать. Трудно представить, но дни рождения тогда не отмечали, скорее уж день ангела, день поминовения святого тезки, возраст помнился приблизительно. Особенно это заметно, когда ведешь пристальный розыск членов одного рода. Получается, что за срок между ревизиями кто-то состарился на 5 лет, а кто-то на все 10, найдутся и помолодевшие. Подать платили только с мужчин вне зависимости от возраста, их называли душами. За женщинами душ не числили и подать с них не платили, от этого в некоторых ревизиях женщин не учитывали, они требовались только для общего представления о численности населения. Из-за этого обстоятельства новорожденных сыновей могли и не указать, детская смертность держалась на очень высоком показателе, а написанное в сказке считалось верным до следующей ревизии, а когда она еще будет, никто проверять и менять не станет. Что нам дает сказка в поиске наших далеких дедушек? Состав семьи, кто жил на этом дворе (число могло доходить человек до 15), кто в каком родстве друг с другом состоял, как менялся состав семьи

от сказки к сказке (смерть, отдачу в рекруты фиксировали, до поры указывали, откуда брали невесток и куда выдавали замуж дочерей).

Очень много информации содержится в документах церковных: метрических книгах и исповедных росписях, а там своя территория – приход, епархия, консистория. В метрических книгах религиозная община фиксировала все акты гражданского состояния. Исповедные росписи, как видно из названия, указывали, кто явился, а кто нет и по какой причине на исповедь. Принято считать, что к исповеди ходили практически еженедельно, это не совсем верно. В самом конце XIX, а еще пуще в начале XX века, религиозные общины сделали все возможное, чтобы религия не ушла из повседневной жизни людей. Католическая церковь поддержала, а вернее – вдохновила профсоюзное движение; ислам стал частью самоопределения в постколониальную эпоху. С православием у нас в стране так не случилось: церковь, точнее, религия вообще была отделена от государства после Революции, подвергнута гонениям и только к концу XX века в той или иной степени вернула утраченные позиции. Именно тогда для поддержания контакта стала вводиться практика частых исповедей, причастий. В XVIII–XIX вв. все было несколько иначе: благородное сословие бывало у причастия раз в год, а то и реже; крестьяне в норме должны были приходиться к исповеди и причастию четыре раза в год, во время крупных постов. В канун Троицы (июнь / июль, 50 дней после Пасхи) подавалась Исповедная роспись, с 1834 года она стала обязательной для заполнения приходским священником. Что мы можем узнать из этого документа и где оступиться? Самое главное – состав семьи; приходили все вместе, включая стариков и младенцев, но (опять это НО) возраст указывали, как помнили или как хотели показать, имя священник также записывал на слух и мог ошибиться. Ничего не общалось и об отсутствующих, обычная запись «по нерадению» нам мало что проясняет. Но состав семьи – это очень важно, особенно в период долгого отсутствия ревизских ска-

зок. Да и весь набор просторечных имен нам встретится именно здесь, и надо приложить много фантазии, чтобы догадаться, как же звали человека изначально.

Так чего же проще, можно подумать, возьмем метрические книги и дело с концом. Да, но... Метрической книге можно верить на все 100 %, но в каждом отдельном случае и очень скептически относиться в целом. А это как? А вот так. Встречаем мы запись о смерти человека, в ней все четко – день, месяц, год смерти и погребения, кто проводил обряд отпевания, служил на кладбище и на каком. Но вот возраст указан со слов родни, а значит – очень приблизителен. Отдельная увлекательная, хотя и мрачноватая тема – причина смерти, ее указывали обязательно. Помимо очевидных – корь, оспа (здесь очень начинаешь верить в целительную силу вакцин, когда видишь по 20–30 случаев за месяц в одной деревне), лихорадка, понос (дизентерия), встречаются и описательные: «от цвета тела» (видимо, желтуха, болезнь Боткина), а то и вовсе философское: «по долгу естества».

Двигаемся по жизни человека вспять, пытаясь по возрасту угадать (именно так) год его рождения, плюс минус 5 лет в обе стороны, и нам может повезти, а может – и нет. Не везет, если родители по какой-то причине находились не в родной деревне. Тогда случится интересное: местом рождения будет указана родовая деревня, а окрестили, где получилось, то есть, выражаясь современным языком, местом рождения ребенка указывается адрес постоянной регистрации его родителей, а само свидетельство о рождении выдано хоть в Заполярье. В случае с метриками надо ухитриться догадаться, где это условное Заполярье могло случиться (а для этого надо довольно четко себе представлять спустя 100–200 лет возможные маршруты перемещения предков), а где это едва ли возможно.

А нам повезло: человек родился именно там, где жил и умер, эта дата тоже совершенно верна, указан и день рождения, и день крещения, и крестные, и крестивший, и все обстоятельства жизни матери. Метрическая

книга фиксирует, был ли ребенок родным или приемным, рожден ли в браке или незаконнорожденный. В деревнях незаконнорожденных было относительно немного, в городе, в мещанской среде, гораздо больше. Возможно, поэтому на долгие годы закрепился стереотип греховного города и идиллической деревни. Бывало, что истинный отец ребенка выступал в роли его крестного, положение женщины это мало спасало.

Третьим важным пунктом в наших метрических поисках является, конечно же, заключение брака. Для XIX века обычным возрастом было 18–20 лет для юноши и 16–18 для девушки, разница в возрасте между женихом и невестой была минимальна, по крайней мере, для первого брака. Мог ли случиться последующий брак? Да, повторный брак для мужчины был частым явлением, женщины нередко погибали в родах. Разводы в крестьянской среде не практиковались, вдова могла выйти замуж, но таких случаев встречается мало.

Гроза двенадцатого года настала, кто тут нам помог

Эта часть поиска стала для меня наиболее волнительной, все же еще в студенческие годы сферой моих интересов был русский XIX век, первая его четверть, а там уж куда без войны двенадцатого года. Тот интерес увенчался диссертацией о декабристах как явлении культуры, почти все, прошедшие по декабрьскому делу, – герои 1812 года. Конечно, образ их, как и всего XIX века, очень романтизирован. «Вы были дети и герои, вы все могли», – писала о них М. И. Цветаева в стихотворении «Генералам 1812 года», там еще про Тучкова Четвертого. А тут – такая встреча, «сосед он по имению нам!» Ну не нам, а нашим барам и не по имению, а по уезду, так что с того...

Глинка так описывал в «Очерках о Бородинском сражении» встречу с ополченцами: «23-го, на другой день, пришло из Москвы 12000 московского ополчения. Их привел граф Марков. На этом войске было две коренных принадлежности Руси: *борода и серый кафтан*; третья и важнейшая принадлежность

Руси – христианской – был крест. Он блистал на планке ратников. <...> Любовь к Отечеству вызвала мирных поселян на священное ратование. Нельзя было смотреть без чувства на такой избыток доброй воли. Появление этих войск перенесло нас далеко в старые годы. Один офицер, записки которого остались ненапечатанными, говорит: «Казалось, что царь Алексей Михайлович прислал нам свое войско!» [12, с. 34]. «Мирные поселяне», «священное ратование» – слова призванные показать не только торжественность момента, но и отличие ополченцев от войска, словно это не реальные люди, а былинные воины из Древней Руси.

Потрясающе, что боевого офицера не смущает, что у ополченцев толком нет оружия, нет нормального для такого случая обмундирования, а ополченцы, к слову, принимали участие в Бородинском сражении, в Битве народов, дошли до Парижа и Дрездена, в частности, Тульский полк.

За давностью лет любое историческое событие превращается в миф, который трактуется в угоду текущему моменту. Из крошечных оговорок и проходных деталей в литературных произведениях, воспоминаний участников что-то волей-неволей вынимается, но опять же с риском поворота в любую сторону. А как на самом деле? Можно ли восстановить?

Вот Николай Тургенев представляет себе крестьянскую жизнь: «Простые хозяева, дети природы, живут под одной кровлею с невинными свинками, им не нужна роскошь; не нужны зеркала; они смотрятся в прозрачные ручейки, но здесь нет ручейков; ну все равно: в гнилое болото, в грязный канал» [1, с. 133]. А наш барин секунд-ротмистр Полуэхтов десятью годами раньше на нескольких страницах ревизской сказки перечисляет выменянных поодиночке людей, почти, по Грибоедову: «Амуры и Зефиры все распроданы поодиночке!!!» Становление армии богатырей и самое полное осуществление крепостного права и рабства пришлось на одно и то же время – вторую часть правления Екатерины Великой.

Или вот, скажем, правила регулярной войны предполагали, что шли всегда четкой коробкой – каре. В случае прямого попадания или артиллерийской атаки команды «Ложись!» или «Врассыпную!» не существовало. Напротив, необходимо было сомкнуть ряды, невольно затаптывая раненых, и идти дальше. Резервы находились в поле действия артиллерии противника. Вспомним полк князя Андрея из «Войны и мира», который теряет до трети состава, не вступив еще в бой; к слову, и сам князь Андрей получает смертельную рану, находясь в резерве. Его долгое раздумье над крутящимся ядром связано с негласным обычаем, требовавшим от офицера не кланяться ядрам, то есть не наклонять голову, не говоря уже о том, чтобы бросаться на землю. Максимально возможное укрытие для солдат – приказ «Сесть», для которого тоже, впрочем, находилось объяснение: «Они подневольные».

А вот с этого места поподробнее. Война 1812 года была провозглашена Отечественной и народной с амвона церкви, об этом не писал только ленивый (как в различных воззваниях, так и в позднейшей литературе). Однако как набор в ополчение, так и максимально усиленный рекрутский набор проходил стандартно по принуждению. Несколько пришедших своей волей крестьян были биты как беглые и отправлены обратно к барину, ему было виднее, кому сподручнее идти воевать. Важно, что и рекрутский, и ополченский набор (а их было много не только в войну 1812, но и в компанию 1805, конечно, и в Первую мировую, и т. п.), был экономически крайне не выгоден для помещика. Отдать здорового (проверяли, хотя и своеобразно), молодого тяглового (т. е. платящего оброк, подушную и прочую подать) на непонятно, сколько лет с угрозой невозвращения не хотелось никому. Рекрут уходил на 25 лет, позже на 15, потом на 10 лет, получая через определенный срок возможность очередного, а потом и бессрочного отпуска. За женатым в полк могла следовать жена. В любом случае рекрут уже не крепостной, его семья и дети переводятся в категорию «дети солдатские», по ним даже Ревизская сказка особая. Бывали

случаи, когда после службы солдат или унтер-офицер (это максимум, до которого мог дослужиться рекрут), возвращался домой, но крепостным он снова не становился, в армии его учили грамоте. Многие же уже не чувствовали связи с прежней жизнью и пополняли ряды горожан или бродяг. Помещик получал налоговые льготы за содержание семей отставных солдат и нижних чинов.

Брат Мины Никитича Петр дослужился до унтера лет за 5, больше никто таких высот не достиг. Родившись 20 декабря 1841 [4], Петр Никитич словно прожил несколько жизней: крепостного, рекрута, Бутырского полка первой стрелецкой роты унтер-офицера, крестьянина-собственника. Три раза женился [6], раз от раза жены были все моложе и моложе. Перечисляя в подворной переписи 1912 года [7] своих детей, заявил, что не имеет представление о том, где теперь живет его дочь, девица 40 лет (его тогдашней жене, Дарье Степановне, 45). Видел освобождение крестьян и все русские революции. Умер 8 марта 1918 года в совсем уже другую эпоху.

Сложно вывести какую-то статистику по служилым людям. У Комовых двое возвратились, двое – нет, среди ополченцев соотношение такое же. Хотя ополченец рекруту не ровня, он из крепостной зависимости не выходит, его призывают на условно краткий срок для данной стратегической надобности. Например, ополченцев двенадцатого года призывали именно на отечественную часть и это ничего, что приказ об их роспуске застал их уже в Европе, откуда они и возвратились году к 1816, вместо 1813. Потери ополченцев не учитывались: убит, ранен, убежал – равно оценивалось как «выбыл», и помещику выдавалась специальная квитанция о том, что он понес материальный убыток и освобождается от ближайшего рекрутского набора на столько-то человек. Естественно, что после войны этими квитанциями стали спекулировать, чтобы избежать рекрутского набора. Если учесть, что жена Александра Силовича в сказке 1816 года названа солдаткой, то можно предположить, что муж ее просто остался

в армии, однако сам он назван невозвратившимся и квитанция на него была выписана.

Ополченцы тогда, как в более поздние времена, – это не годные к строевой службе по болезни или возрасту. Рубежными возрастными для ополченцев были 17–45 лет; в основном ориентировались на рекрутские требования, там по правилам от 12 сентября 1812 года, обозначено 18–40. Павловичи любили мундиры, для Тульского полка они были прекрасны, только не хватило времени их пошить и пошли в своем. Не хватило вооружения, поэтому винтовка была одна на пятерых, а подготовка по рекрутской программе вместо полугодия заняла пару месяцев, взяли рогатины, топоры и косы. Сетовали командиры на их дисциплину, но при Бородине и вообще в битвах, по словам тех же командиров, ополченцы вели себя героически.

Увидев имя Саввеля Семенова [5], я очень удивилась: документ указывал его возраст в 18 лет, наш Савва родился 18 апреля 1895 [10], таким образом, в 1812 ему только исполнилось 17. Не поверив сама себе, просмотрела все ревизские сказки полковницы Толбугиной по Алексинскому уезду. Поскольку по другим уездам она не заявлялась, очевидно, что относящаяся к Тульскому уезду деревня Енино включена сюда. Савва Семенов был один, наш, приписала ему барыня годик и отправила. Возвращение из ополчения не давало никаких льгот по податям или лично-му освобождению, в исповедной ведомости 1813 Саввы нет, это значит, что он побывал в Заграничном походе, скорее всего, дошел до Дрездена и вернулся домой к 1816 году. О том, что он герой Отечественной войны, знали только его родители, а теперь, спустя 200 с лишним лет, и я.

Наши баре

Приход села Шульгино довольно уникальное место. Часто одной деревней владело 3–4 человека, что и понятно: в России не было майората, т. е. передачи всего имущества старшему сыну (в Европе про это «Кот в сапогах» и Крестовые походы – попытка избавиться

от пассионарной силы младших сыновей), и все движимое и недвижимое имущество делилось между всеми детьми. Таким образом, имения, совсем как прежде удельные княжества, дробились до бесконечности.

Здесь же вотчина сложилась разом и очень поздно, весь приход села Шульгино с деревнями Баранцево, Давыдовская и Енино был пожалован сразу прапорщику лейб-компания (гренадерская рота Преображенского полка) Ефиму Лукьяновичу Зотову 31 декабря 1841 вместе с потомственным дворянством. За что жаловались земли лейб-компанцам в 1841, догадаться не трудно, чуть раньше именно они возвели на трон цесаревну Елизавету Петровну. Годом раньше у бывшего верейского крестьянина Ефима Зотова родилась дочь Мария, она и унаследовала эти земли после безвременной кончины родителя в 1846. Других детей у Ефима Лукьяновича Зотова не было, и только что появившийся дворянский род исчез вместе с замужеством Марии Ефимовны. Она вышла замуж за Дмитрия Борисовича Полуэхтова. Род Полуэхтовых (Полуэхтовых) старый и служилый, возводится ко временам Дмитрия Донского, когда один из татарских воинов после Куликова сражения перешел на русскую службу. Земель у Полуэхтовых было много, но все в компании с какими-то родственниками, а тут небольшой, но свой удел. В отличие от своих предков Дмитрий Борисович служил недолго. В 1763 году застает его секунд-ротмистром конной гвардии, в 1767 ротмистром, к 1782 он уже вдовец, Мария Ефимовна умерла годом ранее. Причина ранней отставки, возможно, кроется в смене правительницы, а, возможно, в том, что дворянам даровано теперь право не служить. Как бы то ни было, Дмитрий Борисович активно занят хозяйством, переводит крепостных на оброк, в Енино – по 3 рубля 70 копеек в год с души [8]. И хотя в ревизии 1795 [9] владелицей названа девица Варвара Дмитриевна Полуэхтова, делами по-прежнему руководит сам Дмитрий Борисович. Обычно его называют строителем каменного храма Покрова Пресвятой Богородицы в Шульгино. Однако уже в 1803 году

заглавие метрической книги [3] называет его покойным, поэтому вряд ли он мог присутствовать при освящении церкви в 1804 году во плоти. Как бы то ни было, во многих справочниках возраст прихода и деревень в округе определяются именно этой датой, а это, как стало ясно в ходе исследования, совсем не так. Среди упоминаемых обычно детей Полуэхтова Варвары нет, из чего можно сделать вывод, что умерла она еще до замужества и была дочерью Марии Ефимовны.

Младшая дочь, наследовавшая вотчину в качестве приданого, полковница Александра Дмитриевна Толбугина, урожденная Полуэхтова, по-видимому, дочь от второго брака. Муж Александры Дмитриевны принадлежал к старинному роду, основные владения которого находились в Крапивенском уезде Тульской губернии. Полковница Толбугина играет важную роль в истории моей семьи в период войны 1812 года. Она поставила под ружье 21 ратника ополчения [19, с. 201–202]. Для сравнения: наш сосед по уезду знаменитый Тучков Четвертый – только двоих. Тут не обошлось без детектива: количество не вернувшихся по ревизской сказке 1816 года [11] и по спискам ополченцев не совпадает.

Толбугиной наследовали Коробьины, они же, по-видимому, владели некоторым количеством земель в соседней Калужской губернии. Коробьины – наши последние бары, с ними связаны все события второй половины XIX века: последние Ревизии, освобождение крестьян, выкуп земель, революция. Пока не могу понять, как наши земли к ним перешли, было ли это вновь приданым или продажей, но сам род Коробьиных восходит также к татарскому воину, перешедшему на службу князю Рязанскому, а позже выдавшему его князю Василию II Московскому. Краеведы Тульской, Рязанской и Калужской областей подчеркивают, что дети боярские этих земель редко проникали в земли московские, сохраняя свои, едва ли не феодальные, владения в исконных границах. В таком случае и Коробьины, и Полуэхтовы – нетипичный случай, поскольку Шульгино с округой в XVIII веке

и раньше – часть Каширского уезда Московского государства или губернии.

Итак, село Шульгино Алексинского уезда Тульской губернии традиционно датируется по храму Покрова Пресвятой Богородицы 1803/04 годом, в который он был освящен. Краевед А. Г. Зайцев [14], посвятивший последние 20 лет реконструкции истории своего рода и попутно создавший наиболее рабочий инструментарий по генеалогии в ГАТО, сдвигает историю села на 1742 год [15, с. 138–139], за который сохранилась первая метрическая книга. Одноименная церковь тогда была деревянной, а уезд Каширский относился к Коломенской епархии Мстиславского стана. Подобная точность описания в самой ранней метрической книге позволяет продолжить поиски. В реестре метрических книг церковью Каширского уезда [18] указаны книги за 1739 и 1741 гг. Книги не сохранились, но отдельно указана книга из Енина (за 1739 год), что указывает на наличие церкви и там, к 1741 году церковь в Енино исчезает.

В Писцовых книгах [16, с. 23, 28, 273] 1623, 1624 гг. населенные пункты Шульгинского прихода (Баранцево, Давыдовская, Енино, Занино), включая само Шульгино, не упоминаются. Енино названо пустошью, значит, деревня здесь уже была до Смуты, а в книге 1627 г. уже деревней, которой владеет стольник патриарха Филарета, а позже и царя Михаила Федоровича, Степан Иванович Ислепьев [13, с. 279, 472], представитель старой московской знати; род известен с Ивана Калиты, его сродники Воронцовы и Вельяминовы.

В Писцовых книгах 1578/79 гг. [17, с. 1485–1486] селом (sic! Есть Никольская церковь) Шульгино владеют отец и сын Григорий Федорович и Галактион (в книге Лахтион) Григорьевич Павловы. Владельцем села Давыдовское, там Покровская церковь, указан Булгак Игнатович Зяблов, из новой грозненской знати, возвысившийся во время или после опричнины, во время общей ротации служилых родов [2, с. 38]. Упомянута Занинская пустошь, значит, поселение там было не то до опричнины, не то до очередного на-

бега крымчаков; Баранцево поле. Енино пока нет, но один из соседей имеет такое отчество Енин (Евгеньевич), что, по-видимому, и даст название деревне.

Таким образом, возраст нашей «родовой» деревни с уверенностью, по документам, можно сдвинуть на конец XVI в., а территорию будущего Шульгинского прихода – минимум на начало XVI в., и это второе открытие поиска.

Самым ранним документом по нашему роду была метрическая запись о свадьбе Аниния Даниловича и Татьяны Михайловны от 8 ноября 1742, молодым было лет по 15. Самая поздняя запись о свадьбе – 8 июня

1918 г. Ивана Фроловича Комова, внука Аниния Даниловича в 5-м поколении, и Любови Сергеевны Трещепловой из сельца Тайдаково, невесте всего 16. И вспомнилась мне Писцовая книга XVI века (тогда Тайдак был еще жив), а жене его с малолетними чадами отписали несколько деревень.

Вот такая история с фотографией у меня получилась. За обработанные 250 лет рода (исключительно по документам 1742–2022 гг.), 400 достоверных лет деревни (1623–2022) и 444 года всей округи (1578–2022) история семьи приросла 232 именами, и поиск еще не окончен.

Список литературы

1. Архив братьев Тургеневых. Дневники и письма Н.И. Тургенева (1806/1824). Санкт-Петербург 1911/1921, тт. 1–3.
2. Бенцианов М.М. «Лишние люди»: ротация состава Государева двора в русском государстве к. XV – с. XVI вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики № 1 (67) 2017
3. ГАТО Ф.3, Оп. 15, д. 1, л. 577
4. ГАТО Ф.3, Оп. 15, д. 38, л. 426
5. ГАТО Ф.39, Оп. 1, д. 146, л. 142 об.
6. ГАТО Ф.93, Оп. 1, д. 14, л. 682
7. ГАТО Ф.93, Оп. 4, д. 11, л. 27
8. ГАТО Ф.291, Оп. 14 т. 58, д. 4, л. 105 об. - 106
9. ГАТО Ф.329, Оп. 1, д. 5, л. 275
10. ГАТО Ф.1381, Оп. 1, д. 1, л. 122
11. ГАТО Ф.400, Оп. 1, д. 7; ГАТО Ф. 327, Оп.1, д. 7
12. Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. Москва, 1985.
13. Дворцовые разряды. Санкт-Петербург, 1851, т.2 (1628–1645)
14. Зайцев А.Г. Материалы для генеалогических исследований в фондах Тульского государственного архива [Электронный ресурс] // URL: http://www.svrt.ru/lib/mater_po_gen.pdf; http://www.svrt.ru/lib/revizii_tul_gub.pdf; http://www.svrt.ru/lib/ist_sel_tul_uezda.pdf
15. Зайцев А.Г. Метрические книги храмов Тулы и сел Тульской губернии за 1749–1919 гг. [Электронный ресурс] URL: http://www.svrt.ru/lib/met_kn_tul_gub.pdf
16. Обзорение писцовых книг по Московской губернии. Москва, 1840.
17. Писцовые книги XVI в. Санкт-Петербург, 1877.
18. Реестр метрических книг г. Каширы и округи ГАТО Ф.3, Оп. 18, д. 2а, л. 2, 4
19. Тульское ополчение 1812–1814 гг. Документы и материалы / Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле» /сост. М.Р. Беделев, И.Г. Бурцев. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2013.

References

1. Archive of the Turgenev brothers. Diaries and letters of N.I. Turgenev (1806/1824). St. Petersburg 1911/1921, vols. 1–3. (In Russ)
2. Bentsianov M.M. “Superfluous people”: rotation of the composition of the Sovereign’s court in the Russian state k. XV – c. 16th century // *Ancient Russia. Issues of Medieval Studies* No. 1 (67) 2017. (In Russ)
3. GATO F.3, Op. 15, d. 1, l. 577. (In Russ)
4. GATO F.3, Op. 15, d. 38, l. 426. (In Russ).
5. GATO F.39, Op. 1, d. 146, l. 142 rev. (In Russ)
6. GATO F.93, Op. 1, d. 14, l. 682. (In Russ)
7. GATO F.93, Op. 4, d. 11, l.27. (In Russ)
8. GATO F.291, Op. 14 v. 58, d. 4, l. 105 rpm – 106. (In Russ)
9. GATO F.329, Op. 1, d. 5, l. 275. (In Russ)
10. GATO F.1381, Op. 1, d. 1, l. 122. (In Russ)
11. GATO F.400, Op. 1, d. 7; GATO F. 327, Op.1, d. 7. (In Russ)
12. Glinka F.N. Letters from a Russian officer. Moscow, 1985. (In Russ)
13. Palace ranks. St. Petersburg, 1851, v.2 (1628–1645). (In Russ)
14. Zaitsev A.G. Materials for genealogical research in the funds of the Tula State Archive [Electronic Resource] // URL: http://www.svrt.ru/lib/mater_po_gen.pdf; http://www.svrt.ru/lib/revizii_tul_gub.pdf; http://www.svrt.ru/lib/ist_sel_tul_uezda.pdf (In Russ)
15. Zaitsev A.G. Metric books of temples of Tula and villages of the Tula province for. (In Russ). 1749–1919. [Electronic resource] URL: http://www.svrt.ru/lib/met_kn_tul_gub.pdf (In Russ)
16. Review of cadastral books in the Moscow province. Moscow, 1840. (In Russ)
17. Scribes of the 16th century. St. Petersburg, 1877. (In Russ)
18. Register of parish registers of Kashira and the district of GATO F.3, Op. 18, d. 2a, l. 2, 4. (In Russ)
19. Tula militia 1812–1814 Documents and materials / State. military-historical and natural museum-reserve “Kulikovo field”, [comp. M.R. Bedelev, I.G. Burtsev]. Tula: State. museum-reserve “Kulikovo field”, 2013. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 21.07.2022

М ЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: ОТ КАТЕГОРИИ К ФЕНОМЕНУ

УДК 008 : 316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

Н. У. Ярычев

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Чеченская Республика
e-mail: nasrudiny@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена осмыслению феномена мемориальной культуры в нескольких ракурсах. Во-первых, в терминологическом ракурсе, позволяющем ограничить смысловое поле употребления термина «мемориальная культура». Это представляется достаточно важным, поскольку в настоящее время и в российской, и в зарубежной исследовательской практике понятие мемориальной культуры используется либо без четкого определения его содержания, либо подменяется близкими, но не синонимичными понятиями (политика памяти, историческая политика, культура памяти и пр.). Второй ракурс, содержательный, связан с раскрытием сущностных черт мемориальной культуры, к которым мы отнесли: ретроспективность, публичность, синтетичность, медиативность, воспроизводимость, ритуализированность, презентативность, процессуальность.

Ключевые слова: прошлое, память, культурная память, мемориальная культура, культура памяти, политика памяти.

Для цитирования: Ярычев Н.У. Мемориальная культура: от категории к феномену // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 32-39. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

MEMORIAL CULTURE: FROM CATEGORY TO PHENOMENON

Nasrudi U. Yarychev

Chechen State University named after A. A. Kadyrova, Grozny, Chechen Republic
e-mail: nasrudiny@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the conceptualisation of the phenomenon of memorial culture from several perspectives. Firstly, it is terminological, which makes it possible to limit the semantic field of the term “memorial culture”. This seems to be quite important, because at present in both Russian and foreign research practice, the concept of memorial culture is used either without a clear definition of its content, or is substituted by close, but not synonymous concepts (memory policy, historical policy, culture of memory, etc.). The second, substantive angle is related to the disclosure of the essential features of remembrance culture, including retrospectivity, publicity, syntheticity, mediativeness, reproducibility, ritualization, presentability, and processivity.

ЯРЫЧЕВ НАСРУДИ УВАЙСОВИЧ – доктор педагогических наук, доктор философских наук, профессор, проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова»
YARYCHEV NASRUDI UVAYSOVICH – DSc in Pedagogy, DSc in Philosophy, professor, Vice-rector for academic affairs, A. A. Kadyrov Chechen state University

© Ярычев Н.У., 2022

Keywords: past, memory, cultural memory, memorial culture, culture of memory, politics of memory.

For citation: Yarychev N.U. Memorial culture: from category to phenomenon. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 32-39. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-32-39>

Современность отчетливо демонстрирует два сосуществующих и во многом противоречащих друг другу тренда – разнообразия и идентичности. Если стремление к разнообразию предполагает мультипликацию социокультурных форм и явлений, их связей, интракций, столкновений, то потребность в обретении идентичности, напротив, проявляется в стремлении «отличать “своих” от “чужих”, воспроизводить аутентичный опыт бытия, минимизировать конфликты между культурно близкими социумами, группами и индивидами» [12, с. 75–76]. Мемориальную культуру, которой посвящена настоящая статья, можно назвать инструментом реализации второго из обозначенных трендов, а именно – инструментом формирования/укрепления культурной идентичности и обеспечения социальной консолидации.

Категориальные основания осмысления мемориальной культуры

Понятие «мемориальная культура» было введено в современный гуманитарный дискурс и содержательно определено А. Ассман в работах «Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика» [2] и «Новое недовольство мемориальной культурой» [3]. Более того, именно А. Ассман обосновала особый статус мемориальной культуры как самостоятельного социокультурного феномена, обладающего единством содержания и форм объективации. По ее мнению, европейская мемориальная культура начала зарождаться только в 80-е годы прошлого века в связи с появлением так называемых «самокритических коммемораций» (включение в объем понятия «мемориализация» не только акта поминовения жертв внешних для государства и общества катастроф, напри-

мер, войн, землетрясений и пр., но и жертв собственных преступлений), которые привели к радикальному пересмотру ценностного и деятельностного содержания коллективных практик поминовения и к валоризации памяти как таковой. Именно в 80-е годы, по мысли А. Ассман, сформировался новый *темпоральный режим культуры*, то есть «комплекс культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» [3, с. 15].

О формировании в конце XX столетия особой стратегии обращения с прошлым писал и Ф. Артог. Он использовал понятие режима историчности, то есть «в узком смысле, способ, с помощью которого общество трактует свое прошлое и рассуждает о нем; в широком смысле, режим историчности служит для обозначения модальности авторефлексии человеческого сообщества» [1]. Описывая старый (ориентация на прошлое), новый (ориентация на будущее), христианский (ориентация на вечность) режимы историчности, Ф. Артог упоминал также четвертый режим, характерный для нашего времени, ориентированный на настоящее (точнее, на актуализацию минувшего) и рожденный как результат рефлексии человечества по поводу общемировых потрясений недавнего прошлого: «Нет сомнения, что преступления XX века с его массовыми убийствами и чудовищной индустрией смерти – это те потрясения, от которых пошли волны памяти, в конце концов, достигшие и в сильнейшей степени поколебавшие наши современные общества. Прошлое не “прошло”, и во втором или третьем поколении к нему обратились за ответом» [1].

Й. Рюзен также связывал трансформацию современного режима историчности (в его

терминологии – исторического нарратива) с необходимостью выработки новой темпоральной парадигмы как реакции на травмирующие события новейшей истории: «... историзация представляет собой культурную стратегию преодоления разрушительных последствий травмирующего опыта» [9, с. 56].

В целом можно говорить о том, что научное европейское сообщество, так или иначе связанное с мемориальной тематикой, интерпретирует актуальность (условно – последние 30–40 лет) как время зарождения новой мемориальной парадигмы, терминологическая и смысловая конкретизация которой варьируется от исследователя к исследователю. При этом базовое понятие и фундирующее явление такой парадигмы, мемориальная культура, на теоретическом уровне проработана достаточно слабо. Даже А. Ассман, посвятившая мемориальной культуре несколько фундаментальных работ, не дала ей четкого и однозначного определения, обозначив лишь три значения, в которых понятие мемориальной культуры может использоваться:

- 1) как интегративное понятие, фиксирующее рост и демократизацию интереса к прошлому;
- 2) как процесс и результат освоения прошлого какой-либо социальной группой и формирование на этой основе коллективной идентичности, системы ценностей и форм поведения;
- 3) как этическое измерение освоения (изучения, интерпретации, анализа) прошлого [3].

В контексте нашего исследования под *мемориальной культурой* будет пониматься «совокупность устойчивых, воспроизводимых способов познания, интерпретации, описания, сохранения, трансляции прошлого, репрезентируемых в различных формах публичной и приватной коммеморативной деятельности» [3, с. 98]. В контексте нашей исследовательской логики мемориальная культура понимается не только как специально организованные, институционально подкрепленные виды мемориальных практик, но и как различные формы спонтанной коммеморации и бытовой мемориализации.

«Мемориальная культура» в системе смежных мемориальных понятий

В современной научной риторике термин «мемориальная культура», с одной стороны, используется крайней редко, а, с другой – достаточно часто заменяется близкими, но не тождественными понятиями.

Так, например, М. Л. Шуб в качестве синонима мемориальной культуры (в нашем ее толковании) использует понятие «культура памяти». Культура памяти предстает в ее исследованиях системой стратегического взаимодействия с прошлым – как на уровне его сохранения, аккумуляции, так и на уровне распространения. Структурно культура памяти очень близка к нашей интерпретации морфологии мемориальной культуры. Она интегрирует как официальные (СМИ, коммеморации, система образования и пр.), так и неофициальные, стихийные формы мемориальной активности [13, с. 57].

А. В. Святославский в своих научных текстах также довольно активно использует понятие культуры памяти, которое хоть и связано с мемориальной культурой, является в его интерпретации более общим, охватывающим явления, не имеющие непосредственного отношения к намеренному увековечиванию памяти, в том числе и феномен социального забвения. Культура памяти, полагает ученый, объединяет «как деятельность по увековечению современной мемориализатору культуры, так и реконструкцию прошлой (ушедшей) по отношению к современности культуры» [11, с. 9]. Как видно из определения, культура памяти включает в себя широкий спектр научных форм взаимодействия с прошлым – охрану наследия, реставрационные работы, музейное дело и пр.

Родственным понятию мемориальной культуры, согласно идеям А. В. Святославского, является понятие социально-культурной ностальгии, то есть «сознательного стремления индивидов и социальных групп возродить ушедшие в прошлое определенные социально-экономические, политические, культурные формы как наиболее оптимальные для данной конкретной культуры. Такая

ностальгия подпитывается определенной системой обращаясь в культуре исторических образов и представлений, вокруг которых ведется политическая борьба и борьба научных мнений – на предмет их соответствия реальностям прошлого» [11, с. 6].

Очень похожим образом понимает ностальгию в разрезе ее социального бытования С. Бойм, автор большого культурологического труда «Будущее ностальгии» [5]. Исследователь трактует ностальгию как форму борьбы с модернистским восприятием времени, гонкой индустриализации, бесконтрольным ускорением жизни, жадной прогресса: «Ностальгическое желание уничтожить историю и превратить ее в частную или коллективную мифологию, заново вернуться в другое время, будто вновь вернуться в какое-то место, отказ сдаться в плен необратимости времени, которая неизменно приносит страдание в человеческое бытие» [6, с. 18].

Среди понятий, часто употребляемых в одном ряду с понятием мемориальной культуры, можно встретить понятия «политика прошлого», «историческая политика» и «политика памяти».

В логике немецкого историка Н. Фрая, политика прошлого понимается как «политико-моральное, правовое, экономическое и педагогическое “преодоление прошлого” средствами политики, юстиции, науки, экономики и образования» [Цит. по: 2, с. 45].

Термин «историческая политика», возникший в европейском политическом дискурсе в 80-е годы прошлого столетия, «используется для обозначения определенного типа политики, эксплуатирующей образы прошлого» [7, с. 9]. Политологи К. Леггеви и К. Майер включают в объем понятия «исторической политики» не столько непосредственно мемориальные явления, сколько политический и управленческий контекст их бытования: «Историко-политические инициативы <...> не исчерпываются инсценированием “символической политики” и мероприятиями в системе политического образования; сюда же относятся нормативные акты административ-

ного и законодательного характера, а также мобилизационные кампании, проводимые государством и организациями гражданского общества и выходящие на уровень внешней политики и политики в области национальной безопасности» [Цит. по: 2, с. 89].

А. Ассман интерпретирует историческую политику в аналогичном ключе, дополняя ее, однако, экономическими факторами, которые во многом являются определяющими при решении тех или иных мемориальных вопросов (открытие памятника, создание мемориала и пр.).

А. И. Миллер трактует историческую политику как «особую конфигурацию методов, предполагающую использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» [8, с. 19].

Историческая политика представляется чрезвычайно объемным феноменом. Такая содержательная объемность и эластичность ее смысловых границ продиктована, на наш взгляд, отсутствием четких референций. В силу этого каждый исследователь вкладывает в данное понятие собственные коннотации – правовые, экономические, политические и пр. Единственное, пожалуй, что объединяет ученых, оперирующих данным термином, это понимание иерархического положения исторической политики как одного из проявлений (форм) мемориальной культуры.

О. Ю. Малинова, использующая в своих работах понятие «политика памяти», трактует ее как «деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – и законодательного регулирования» [7, с. 9].

Обозначенные выше термины (культура памяти, политика памяти, историческая политика, политика прошлого) – все они являются яркой иллюстрацией, с одной стороны, многообразия авторских подходов к осмыслению феномена прошлого как ресурса актуальных преобразований, с другой стороны,

они демонстрируют тренд, о котором мы уже упоминали, – терминологическую полифонию мемориальных исследований. Для гуманитаристики такая ситуация не является эксклюзивной, но, на наш взгляд, и продуктивной ее назвать достаточно сложно. На пути осмысления социального явления терминологическая избыточность нередко выступает препятствием, влекущим не только подмену понятий, но и подмену смыслов. Поэтому нам представляется важным не только четкое определение категориальных оснований исследования, но и фиксация содержательных границ изучаемых мемориальных феноменов.

Сущностные параметры мемориальной культуры

К сущностным параметрам мемориальной культуры можно отнести:

- ретроспективность (содержательная ориентация на прошлое, его мемориализация и актуализация);
- публичность (открытая презентация мемориальных действий, доступность непосредственного участия и/или эмоционального соучастия аудитории);
- синтетичность (синтез социальности и персональности: возможность вовлеченности в пространство мемориальной культуры как отдельной личности, так и социальной группы; синтез официальности и приватности: включение в объем понятия «мемориальная культура» как мемориальных действий, инициированных государственными, властными, социальными институциями, так и частных мемориальных инициатив);
- медиативность (включение в мемориальную деятельность различных посредников, объективирующих ее ценностно-нормативное содержание – музеев, памятников, фильмов, ритуальных действий и пр.; в последние годы все большую значимость в качестве инструмента репрезентации контента мемориальной культуры

приобретает цифровая среда во всем многообразии форм ее стихийного и регулируемого бытования [6, с. 29]);

- воспроизводимость (устойчивый характер мемориальных представлений и действий, закрепленных в культурных ценностях, нормах, практиках, моделях поведения, транслируемых из поколения в поколение в качестве эталонных образцов);
- ритуализированность (наличие алгоритмизированной основы мемориальной деятельности и/или мемориального нарратива, правил, предписаний, установленного порядка, лежащих в их основе и подлежащих повторению);
- презентативность (связь мемориальной культуры с ценностными, идеологическими установками настоящего, выступающего призмой оценки прошлого);
- процессуальность (выраженная деятельностная составляющая).

Собственно, мемориальная культура и представляет собой систему, во-первых, ценностных установок (план содержания), детерминируемых актуальным аксиологическим контекстом и детерминирующих отбор ретро-контента, необходимого для сохранения; во-вторых, – деятельности, направленной на визуализацию этих установок (план выражения). Т. Кулич сформулировал двойственность мемориальной культуры, определив в ней два смысловых уровня:

1) регулятивного (мемориальная культура как «система моделей наследования, передачи, запланированного или спонтанного забывания или подавления памяти в соответствии с интересами определенных социальных групп; в рамках идеологического использования прошлого мы говорим о «политизации памяти»» [Цит. по: 16, с. 63]);

2) идентификационного (мемориальная культура как источник общих коллективных воспоминаний, идентификационная платформа, повод для социальной интеграции и дистанцирования группы от сообществ с иной картиной прошлого).

А. В. Святославский делает акцент на доминировании деятельностного (коммеморативного) компонента в структуре мемориальной культуры. Он, собственно, под мемориальной культурой понимает культуру намеренных коммемораций, то есть «культуру увековечения, в основе которой лежит социокультурная деятельность, связанная с формированием такого явления, как памятник. В ходе такой деятельности происходит обращение к образам как прошлой, так и современной действительности, которые обрамляются, пользуясь понятием Хальбвакса, в “рамки памяти” особенностями порождающего памятник конкретного культурного дискурса» [11, с. 91].

Основными формами деятельности, реализуемыми в рамках мемориальной культуры, по мнению А. В. Святославского, являются коммеморация и реконструкция. Коммеморация выступает государственной политикой по сохранению в коллективной памяти знаковых событий и персон, реконструкция – инструментом воссоздания и/или реновации мемориальных объектов.

Акторами мемориальной культуры (экспертами мемориальной политики, субъектами реализации мемориальной деятельности) могут выступать, как было обозначено выше, и институции (прежде всего, государство), и общественные организации, и социальные группы, и частные лица.

М. Бернхард и Дж. Кубик разделили мемориальных акторов на несколько категорий в зависимости от выбранной ими стратегии обращения с прошлым:

«1) мнемонические борцы представляют свое видение прошлого как единственно верное и стремятся делегитимировать нарративы оппонентов, проводя границу «свой» – «чужой»;

2) мнемонические плюралисты не только принимают как факт наличие иных интерпретаций, но и признают их право на существование; они готовы вести переговоры с оппонентами;

3) мнемонические уклонисты по тем или иным причинам избегают активного участия в реинтерпретации коммеморируемого события;

4) обращенные в будущее убеждены, что разгадали загадку истории и обладают ключом к будущему; они так же агрессивны, как и «борцы», но в отличие от них действуют на основе веры в «истинность» своего знания не прошлого, а будущего» [15, с. 16].

В качестве вывода стоит отметить, что дальнейшее теоретическое (осмысление структуры, типологического разнообразия, функционального потенциала) и эмпирическое (определение специфики реального социокультурного бытования отдельных мемориальных практик) изучение мемориальной культуры представляется эвристичным направлением современных гуманитарных исследований. Именно мемориальная культура является лакмусовой бумажкой многих актуальных социальных, ценностных, нормативных трансформаций, наиболее востребованных трендов не только собственно в сфере мемориализации, но и в культурном пространстве в целом.

Список литературы

1. *Артог Ф.* Порядок времени, режимы историчности [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2008. № 3 (59). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html>
2. *Ассман А.* Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. 328 с.
3. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой [Электронный ресурс]. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A>
4. *Ассман А.* Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. Москва: Новое литературное обозрение, 2017. 310 с.

5. *Бойм С.* Будущее ностальгии; пер. с англ. А. Стругача. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 680 с.
6. *Зубанова Л. Б.* Медиа-репрезентации памяти: доминирующие коды прочтения травматичных событий в интернет-пространстве // Научный журнал «ДискурсПи». 2020. № 4 (41). С. 26–39.
7. *Малинова О. Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Политика. 2017. № 4 (87). С. 6–22.
8. *Миллер А. И.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке: Сборник статей. Москва: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.
9. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем: альм. интеллектуал. истории. Москва: Альфа, 2001. Вып. 7. С. 8–25.
10. *Сазонникова Е. В.* Мемориальная культура в конституционно-правовом аспекте // Вестник Воронежского государственного университета. 2009. №2. С. 33–38.
11. *Святославский А. В.* История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. Москва: Древлехранилище, 2013. 592 с.
12. *Синецкий С. Б.* Культурная политика в контексте противоречий разнообразия и идентичности // Вестник культуры и искусств. 2021. № 3 (67). С. 75–84.
13. *Шуб М. Л.* Культура памяти в структуре идентичности жителей индустриальных городов: моногр.; Челябинский государственный институт культуры. Челябинск: ЧГИК, 2021. 283 с.
14. *Ярычев Н. У.* Феномен коммеморации в структуре мемориальной культуры // Научные школы: Молодежь в науке и культуре XXI века: материалы научно-творческого форума, 18-19 ноября 2021. Челябинск: ЧГИК, 2021. С. 97–100.
15. *Bernhard M., Kubik J.* (eds.) Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration. Oxford: Oxford university press, 2014. 384 p.
16. *Vuković D.* Conflict of a memory culture in Western Balkans. Sted Journal. 2021, no № 3(1). pp. 57–68.

References

1. Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti. Untouchable Stock. 2008, no. 3 (59). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/ar3.html> (In Russ.)
2. Assman A. The long shadow of the past. Memorial culture and historical politics. Moscow, New literary review, 2018. 328 p. (In Russ)
3. Assman A. A new dissatisfaction with memorial culture. Moscow, New literary review 2016. URL: <https://culture.wikireading.ru/hD7PWSU85A> (In Russ.)
4. Assman A. Has the link of time broken down? The rise and fall of Modernity's temporal regime. Moscow, New literary review, 2017. 310 p. (In Russ)
5. Boym S. The future of nostalgia. Moscow, New literary review, 2019. 680 p. (In Russ)
6. Zubanova L. B. Media-representations of memory: dominant codes of reading traumatic events in the Internet space. Scientific Journal «Discourse Pi». 2020. № 4 (41). Pp. 26–39. (In Russ).
7. Malinova O. YU. The Commemoration of Historical Events as an Instrument of Symbolic Politics: Possibilities of Comparative Analysis. Politika. 2017, no 4 (87), Pp. 6–22. (In Russ.)
8. Miller A. I. Historical politics in eastern Europe in the early 21st century. Historical politics in the 21st century: A collection of articles. Moscow, New literary review, 2012. Pp. 7–32. (In Russ)
9. Ruesen J. Losing the consistency of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism and the discourse on memory). Dialogue with time: An almanac of intellectual history. Moscow, Alpha,

- 2001, Vol. 7. Pp. 8–25. (In Russ)
10. Sazonnikova E. V. Memorial culture in the constitutional-legal aspect. Vestnik of Voronezh state university. 2009, no2. Pp. 33–38. (In Russ)
  11. Svyatoslavsky A. V. Russian history in the mirror of memory. Mechanisms of historical image formation. Moscow, The treasure trove, 2013. 592 p. (In Russ.)
  12. Sinetsky S. B., Shub M. L. Cultural policy in the context of diversity and identity contradictions. Bulletin of Culture and Arts. 2021, no 3 (67), Pp. 75–84. (In Russ)
  13. Shub M. The Culture of memory in the industrial cities residents' identity structure. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 2021. 283 p. (In Russ)
  14. Yarychev N. U. Phenomenon of commemoration in the structure of memorial culture. Scientific schools: Youth in science and culture of the XXI century: materials of scientific and creative forum, November 18-19, 2021. Chelyabinsk, Chelyabinsk State Institute of Culture, 2021. Pp. 97–100. (In Russ.)
  15. Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration. Oxford: Oxford university press, 2014. 384 p.
  16. Vuković D. Conflict of a memory culture in Western Balkans. Sted Journal. 2021, no 3 (1). pp. 57–68.

*

Поступила в редакцию 12.06.2022

КНИГА «РАДУНИЦА» СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА: ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА

УДК 008 : 39 : 745

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

Е. Ю. Коломийцева

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: mguki135@list.ru

М. В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

e-mail: msk2002@rambler.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается первая поэтическая книга Сергея Есенина с необычным названием «Радуница» (день поминовения усопших) сквозь призму реализации в ней русской обрядовой символики. Поэт обращается к осмыслению вечного круговорота жизни и смерти, при этом делая акцент не на обреченность небытия, а на закономерную последовательную смену увядания и расцвета. Стихотворения Есенина проникнуты тонким пониманием православных обрядов и зафиксированных в фольклоре народных традиций. Символика же названия книги имеет большое значение не только для понимания этого конкретного есенинского замысла, но и для всего творчества поэта в целом – как знак реальности и возможности воскресения после гибели, веры в победу жизни над смертью, в преображение мира и человека, в нерасторжимую связь человека и природы.

Ключевые слова: «Радуница», Сергей Есенин, обрядовая символика, круговорот жизни и смерти, связь природы и человека.

Для цитирования: Коломийцева Е.Ю., Скороходов М.В. Книга «Радуница» Сергея Есенина: обрядовая символика // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 40-46. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

BOOK «RADUNITSA» BY SERGEY YESENIN: RITUAL SYMBOLS

Elena Yu. Kolomiitseva

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: mguki135@list.ru

КОЛОМИЙЦЕВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики Московского государственного института культуры

СКОРОХОДОВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

KOLOMIYTSEVA ELENA YURIEVNA – DSc in Philology, Head of the Department of Journalism, Moscow State Institute of Culture

SKOROKHODOV MAXIM VLADIMIRIVICH – CSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

© Коломийцева Е.Ю., Скороходов М.В., 2022

Maxim V. Skorokhodov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
e-mail: msk2002@rambler.ru

Abstract: This article discusses the first poetic book by Sergei Yesenin with the unusual title «Radunitsa» (commemoration of the dead) through the prism of the implementation of Russian ritual symbols in it. In it, the poet turns to understanding the eternal cycle of life and death, while focusing not on the doom of non-existence, but on the natural successive change of withering and flourishing. Yesenin's poems are imbued with a subtle understanding of Orthodox rituals and folk traditions recorded in folklore. The symbolism of the title of the book is important not only for understanding this specific Yesenin's idea, but also for the entire work of the poet as a whole as a sign of reality and the possibility of resurrection after death, faith in the victory of life over death, in the transformation of the world and man, in the indissoluble connection of man. and nature.

Keywords: «Radunitsa», Sergei Yesenin, ritual symbolism, the cycle of life and death, the connection between nature and man.

For citation: Kolomiytseva E.Yu., Skorokhodov M.V. The book «Radunitsa» by Sergei Yesenin: ritual symbolism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 40-46. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

«Родился я с песнями в травном одеяле...», – писал Есенин в одном из ранних своих стихотворений. Так уж суждено человеку, что рождение его сопряжено с неминуемой смертью. Таков отпущенный ему жизненный круг. И потому есенинские стихи и размышления о смерти – это понимание жизненного пути человека во всей его полноте, в радости бытия и трагедии смерти. Этот путь родственен пути природному, где расцвет и буйство красок сменяются увяданием и гибелью. Природный временной отрезок – это цикл повторяющийся: расцвет сменяется увяданием, а увядание – новым расцветом. На смену осени и зиме приходят весна и лето. И так повторяется вновь и вновь. В подобном круговороте нет обреченности небытия.

Об этом круговороте в природе – первая есенинская книга «Радуница», вышедшая в начале 1916 года, когда Есенину, приехавшему весной 1915 года в Петроград, где за полгода были опубликованы десятки его стихов, где его принимали в литературных салонах, где проходили его поэтические вечера, было двадцать лет. Тогда град Петра стал для Есенина тем местом, в котором был открыт его талант, где он получил первое признание. Именно там он стал поэтом.

Итак, «Радуница» – первая книга поэта. Название уникальное и необычное. Радуница – это день поминовения усопших, время, когда вспоминают умерших. Слово «Радуница» возникло как название есенинской книги не спонтанно. Еще живя в Москве и вынашивая замысел первой авторской книги, Есенин намеревался назвать ее «Радуница». Издать же книгу удалось в петроградском издательстве М. В. Аверьянова. Однако название осталось. Сохранил его автор и потом, существенно переработав книгу для второго и третьего изданий, вышедших в 1918 и 1921 годах. Раздел «Радуница» входил в книги Есенина «Собрание стихотворений» (том 1; 1922), «Избранное» (1922) и «Березовый ситец» (1925). Предполагался этот раздел и в неизданной книге «Руссеянь» (1920). Всё это свидетельствует о том, что название было выбрано поэтом далеко не случайно и было важно и актуально на протяжении многих лет, практически в течение всей его творческой жизни.

На необычность названия книги обратил внимание уже один из ее первых рецензентов Г. Деев-Хомяковский: «... непонятно, – писал он, – почему именно г. Есенин назвал сборник «Радуница», что понимается в смысле поминок на Фоминой усопших» [13, с. 76].

Есенин, выросший в крестьянской семье и получивший образование в земском училище и второклассной учительской школе, хорошо знал и православные обряды, и зафиксированные в фольклоре народные традиции. Он и сам не только исполнял народные песни и частушки, но и собирал фольклорные материалы. Потому и мы, чтобы глубже и полнее понять есенинский замысел, символику названия его первой книги, обратимся к русской фольклорной и православной традиции.

Итак, Радуница. Этот обряд и связанный с ним термин существовал многие столетия. По мнению М. Никифоровского, высказанному в 1870-х годах, «в христианское время великий пост сильно помешал языческим весенним торжествам и разделил праздник масленицы на две части, из которых одна перенесена к концу рождественского мясоеда, другая ко времени Пасхи и после нее» [7, с. 81]. Такое суждение во многом справедливо, однако нельзя не учитывать и раннехристианского исконного понимания Великого Поста как приготовления оглашенных к обряду крещения, который был не только символически, но и фактически, во времени, сопряжен с Пасхой. Крещение как умирание ветхого человека и воскрешение христианина идентично весеннему пробуждению природы и связанным с ним дохристианским обрядами. Здесь можно говорить о близости и наложении понятий. Неслучайно «радуница» упоминается и в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре», как «день поминовения усопших» [8, стб. 1947].

На временную соотнесенность масленицы и радуницы, на их особую значимость в народном календаре указывает приводимая И. М. Снегиревым старинная поговорка: «Выпили пиво на Масленице, а с похмелья ломало после Радуницы», а также фрагмент народной песни: «Зять ли про тещу пивца варил, / Пива наварил да ко Масленице; / Звал ли тещу ко Радунице, / А теща пришла накануне Рождества» [11, с. 50].

Чем же интересна Радуница и связанные с этим праздником обряды? Обратимся

к старым, еще середины XIX века, изданиям. А. В. Терещенко в 1848 году писал: «Радуница происходит от слова “радоваться”. <...> Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними» [12, с. 27]. И. М. Снегирев, основываясь на этнографических данных, отмечал в 1837 году: «Радуница, или Навий вторник, и Троицкая суббота соединялись в древности с окличками мертвых. <...> В Гжатске и вообще в Смоленской г<убернии> у простолюдинов в родительские собираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и девки свыкаться, оправдывая делом русскую пословицу: “Начинают за упокой, а кончат за радость”» [11, с. 214–215]. Оценивая двойственность, присутствующую празднику, В. И. Даль производит слово «радуница» и родственные ему от слова «рад», сомневаясь, однако: «но где же тут радость! Не от родитель ли? или от радеть!» [3, стб. 1467].

А. Н. Афанасьев определяет радуницу как «праздник обновляющейся весной природы, издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших; ибо с воскресением природы от зимней смерти соединялась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада» [1, с. 3–4]. И. П. Калинин считал радуницу «самым важным торжеством в честь усопших»: «... можно полагать, что он <праздник Радуницы – Е.К., М.С.> был остатком древнего дохристианского поминовения умерших...» [5, с. 188].

Рассмотрение радуницы, предложенное А. Н. Афанасьевым и И. П. Калининым, позволяет увидеть этот день как звено в цепи весенних обрядовых праздников. Подобные попытки систематизации предпринимались еще в первой половине XIX века. Встреча весны – Красная горка – Радуница – так выстраивал первые весенние праздники И. М. Снегирев. Первое марта – Встреча весны – Красная горка – Радуница – расширял этот перечень А. В. Терещенко. Таким образом, Радуница – один из весенних праздников, которому придавалось особое значение, что не в последнюю очередь было связано с его закрепленностью в календаре после Пасхи.

«Радуница в Великой России, – писал И. М. Снегирев, – посвящена поминовению родителей; ибо, по мнению народному, они радуются, если их поминают и приходят с ними христосоваться» [11, с. 48]. А. В. Терещенко его дополняет: «Многие думают, что души умерших встают во время поминовений из темниц (из гробов), радуются и слушают поминальную обедню в церкви за алтарем» [12, с. 28]. Описывая обрядовые посещения кладбищ на радуницу, С. В. Максимов отмечал: «Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне» [6, с. 426].

Рассматривая радуницу как день, когда поминальные обряды достигают своего апогея, В. Я. Пропп писал: «Смех на могилах в праздник всеобщего воскресения природы и воскресения божества означает, что мертвые не умерли» [9, с. 23]. Значение обряда исследователь видит в намерении приобщить умерших предков «к кругообороту жизнь – смерть – жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу» [9, с. 23]. Если в обычное время выходят из могил и тревожат живых только заложенные, то есть умершие неестественной смертью, покойники, то в период весеннего воскресения общаются с ныне живущими родственниками предки – основатели и хранители рода.

Радуница как поминовение усопших связана не только с мыслью о воскрешении, но и с культом основателя рода, с почитанием домашнего очага. Известно, что в древности покойников хоронили непосредственно в доме или вблизи от него. Таким образом, создавался единый комплекс, в центре которого пылал очаг, оберегаемый чтимыми предками, – основателями и хранителями рода.

Весенние обрядовые праздники символизируют победу жизни над смертью. Если более ранняя по календарю масленица связана с природной стихией и вместе с тем с активным, действенным участием человека в смене мертвящей зимы воскрешающей весной, то радуница знаменует обращенность к человеку, воскрешение в сознании живущих

умерших предков. И в этом проявляется активность человека в определении своей судьбы и судьбы ушедших предков, покровителей рода, которые, в свою очередь, также влияют на живущих. Человек, как отмечает А. К. Байбури в книге «Ритуал в традиционной культуре», превращает – посредством ритуала – естественные события в календарном изменении природы и в физическом состоянии человека в факты культуры, т. е. включает себя как активное действующее лицо в развертывание неподвластных ему в настоящее время процессов [2, с. 118].

Таким образом, слово «радуница» в названии есенинской книги имеет очень большое значение для понимания не только этого есенинского замысла, но и всего творчества поэта. Во-первых, радуница – это соединение в рамках одного дня, одного обряда христианского и дохристианского начал, соединение глубинное, основанное на общности в осмыслении праздника. Во-вторых, радуница символизирует обращенность к культу предков и домашнего очага. Дом как очаг и как символ вселенной и родина как дом, соединение через обращенность к предкам земного и иного миров – эти темы являются важнейшими для Есенина. В-третьих, радуница – это провозглашение возможности и реальности воскресения, вера в победу жизни над смертью, в преобразование мира и человека. Подобные мотивы, только намеченные в первой книге, особенно характерны для маленьких поэм Есенина революционного периода, они явно звучат и во многих других его произведениях.

И, наконец, радуница – это выражение неотделимости мира природы от мира человека, нерасторжимости смерти природной и смерти человеческой и воскресения природы и входящего в нее человека. Это также одна из центральных тем, раскрываемых Есениным на протяжении всего его творческого пути.

В книге «Радуница» в соответствии с ее общим замыслом раскрывается тема годового цикла в природе: рождения – умирания – воскресения. Почти все стихотворения книги

дают картину достаточно определенного периода, который обычно можно легко выявить на основе фрагментов пейзажа или по другим деталям. Например, в стихотворении «Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...» создается достаточно определенная картина золотой осени: «Вьются паутины с золотой повети. / Где-то мышшь скребется в затворенной клетки... / У лесной поляны – в свяслах копны хлеба, – Ели, словно копыя, уперлися в небо» [4, с. 38].

Порой для характеристики времени года автор использует указание на то, кем становятся крестьяне, выполняя определенную сельскохозяйственную работу: «Слушают сказ старика косари...» («Вить») или «Темным елям снится / Гомон косарей...» («Топа да болота»). Промежуточное положение занимают описания, в которых характеристики природы и человека неотделимы друг от друга. Сливаясь, эти описания дают единый образ: «Ой, вы, луга и дубравы, – / Я одурманен весной!» («Сыплет черемуха снегом...») или «Сядем в копны свежие под соседний стог» («Выткался на озере алый свет зари...»). В более редких случаях есть указание на конкретный день, обозначенный по народно-христианскому календарю: «Троицыно утро, утренний канон...» («Троица») или «Погадала красна девица в семик. / Расплела волна венки из повилик» («Кручина»). Иногда в стихотворении отсутствует какая-либо «земная» характеристика состояния природы, тогда ее заменяет «небесная». «Кроткая синева» неба и «легкокрылые облака» в стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» говорят о весенне-летнем периоде.

Вошедшие в есенинскую «Радуницу» стихотворения соотносятся с теплым временем года, точнее, с промежутком от весеннего до осеннего солнцестояния, когда продолжительность дня превосходит продолжительность ночи. Исключение – финал маленькой поэмы «Микола», в котором говорится о зимнем празднике «в честь угодника Миколы», приходящемся на 6 декабря (по старому стилю). В этом произведении дается довольно широкая временная характеристика: «Веток

бисерный извив» – «Высоко стоит злотравье» – «Собирайте милость Божью / Спелой рожью в закрома» – «Осень рощи подожгла» – «На снегу звенят колосья / За косницами берез» [4, с. 12–16], то есть последовательно проходят весна, лето, осень и наступает зима. Для стихотворений «Радуницы» в соответствии с ее названием центральным становится весеннее обновление, то есть воскресение природы, круговорот годового природного цикла, где за смертью следует новое рождение.

По-иному раскрывается эта тема в произведениях, где речь идет о человеке. В стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» евангельская история соотносится с современными поэту событиями. Автор описывает второе пришествие Христа, но это не мрачные апокалиптические картины, а сошествие Христа (которому грозит новое распятие!) на землю, знаменующее собой коренное преобразование всей земной жизни, новое радостное соединение земного и небесного, человеческого и божественного. Этим стихотворением Есенин противопоставляет характерным для начала XX века идеям о богооставленности человека, предлагая свое прочтение пророчеств Иоанна: «И в каждом страннике убогом / Я визнавать пойду с тоской, / Не Помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой. / И, может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях крылья херувима, / А под пеньком голодный Спас» [4, с. 317].

В стихотворении «Край родной! Поля как святцы...» природный мир является не только фоном, но и активным действующим лицом философских размышлений о смысле бытия, о странническом пути человека на земле. Земная жизнь человека представлена как краткий миг: «Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть» [4, с. 315]. Но этот миг становится вечностью, ибо человек соединен с божественным и природным мирами. Чувством этого единства и вечности наполняется «тихая тайна» затаенных «в сердце мыслей»: «С тихой тайной для кого-то / Затаил я в сердце мысли» [4, с. 315].

В стихотворении не используется слово «смерть», но тема кратковременности пребывания человека на земле явственно присутствует. Именно это стихотворение, переработанное автором, откроет книгу Есенина «Березовый ситец» (1925). В этом издании приведенные нами слова можно будет сопоставить с финалом последнего стихотворения книги – «Не жалею, не зову, не плачу...» (далее идут поэмы «Русь» и «Пантократор»): «Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листьев медь... / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процветать и умереть» [4, с. 164]. Это свидетельствует о том, что мысль о кратковременности пребывания человека в этом, земном, мире была характерна для разных периодов творчества Есенина, а тема страннического пути человека на земле имела особую значимость. Следует отметить, что в «Радунице» есть и произведение, заканчивающееся смертью героини, это стихотворение «Ты поила коня из горстей в поводу...», которое Есенин озаглавит позже «Подражанье песне».

В стихотворении «Поминки» поэт обращается к поминальной обрядности. В этом тексте воспроизведены приметы поминок на кладбище: «коливо» (поминальное блюдо), нищие, причитающие родственники, священник. Здесь, как и в приведенных выше произведениях, Есенин не использует само слово «смерть». Даже у мертвых есть свои «жилища», причем такие, которые посещают живущие на земле

люди. Так происходит сближение этого, земного, и нездешнего миров. Связующим звеном между двумя мирами становятся птицы – «небесные птахи». Они являются и обитателями земли, и небесными странниками. Так Есенин еще теснее связывает земной и небесный миры.

В стихотворении «Кручина» о смерти вновь не говорится, но ее предвещают приметы, которые наводят на девушку печаль: «На березке пообъедена кора, – / Выживают мыши девку со двора. / Бьются кони, грозно машут головой, – / Ой, не любит черны косы домовой» [4, с. 30]. Смерть предвещает и природа, поэтому волнуемая многочисленными предзнаменованиями девушка проникается мыслью о неизбежности своей быстрой кончины: «Ходит девушка по бережку грустна, / Ткет ей саван нежнопенная волна» [4, с. 30].

Если в тех стихотворениях есенинской книги «Радуница», которые посвящены весеннему пробуждению природы и описанию годового цикла, нет трагического ощущения, поскольку смерть является залогом скорого весеннего возрождения, то в произведениях, где говорится о смерти людей, звучат трагизм, грусть, печаль от невозполнимой утраты. Но вместе с тем в целом «Радуница» – книга не о страхе гибели, а о вечном круговороте жизни и смерти, осмысленном еще нашими предками и закрепленном в многочисленных обрядах, бережно вплетенных автором в литературную канву.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. Москва: Современный писатель, 1995. 396 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 237 с.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург, Москва: Товарищество М. О. Вольф, 1907. Т. 3. 1467 стб.
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 1. Москва: Наука; Голос, 1995. 672с.
5. Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума (б. Майкова), 1877. 216 с.
6. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

7. *Никифоровский М.* Русское язычество: опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. Санкт-Петербург: Типография духовного журнала «Странник», 1875. 125 с.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Санкт-Петербург: П. П. Соikin, 1912. 2464 стб.
9. *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1963. 143 с.
10. *Скорыходов М. В., Коломийцева Е. Ю.* Есениниана русского зарубежья: эмигрантская газета «Новое русское слово» – к 25-летию со дня смерти Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 4 (35). С. 10–20.
11. *Снегирев И.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Москва: Кучково поле, 2011. 543 с.
12. *Терещенко А. В.* Быт русского народа. Ч. 5. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1848. 619 с.
13. *Хомьяковский Г.* <Рецензия на книгу> «Радуница» С. Есенина // Друг народа. 1916. № 1. С. 76–78.

References

1. Afanasiev A. N. Poetic views of the Slavs on nature: the experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical tales of other kindred peoples. T. 2. Moscow: Modern Writer, 1995. 396 p. (In Russ)
2. Baiburin A. K. Ritual in traditional culture. St. Petersburg: Nauka, 1993. 237 p. (In Russ)
3. Dal V. I. Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg, Moscow: M. O. Wolf, 1907. Vol. 3. 1467 stb. (In Russ)
4. Yesenin S. A. Complete Works: in 7 vols. T. 1. Moscow: Nauka; Voice, 1995. 672 p. (In Russ)
5. Kalinsky I. P. Church-folk calendar in Rus'. St. Petersburg: Printing house of V. Kirshbaum (former Maikov), 1877. 216 p. (In Russ)
6. Maksimov S. V. Unclean, unknown and cross power. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership, 1903. 526 p. (In Russ)
7. Nikiforovsky M. Russian paganism: the experience of a popular presentation of scientific information about the pagan religion of the Russian Slavs. St. Petersburg: Printing house of the spiritual magazine "Wanderer", 1875. 125 p. (In Russ)
8. Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. T. 2. St. Petersburg.: P. P. Soikin, 1912. 2464 stb. (In Russ)
9. Propp V. Ya. Russian agricultural holidays: the experience of historical and ethnographic research. Leningrad: Leningrad University Press, 1963. 143 p. (In Russ)
10. Skorokhodov M. V., Kolomiitseva E. Yu. Eseniniana of the Russian Diaspora: the emigrant newspaper "New Russian Word" – on the 25th anniversary of Yesenin's death // Modern Eseninovedenie. 2015. No. 4 (35). pp. 10–20. (In Russ)
11. Snegirev I. Russian folk holidays and superstitious rites. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 543 p. (In Russ)
12. Tereshchenko A. V. Life of the Russian people. Part 5. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1848. 619 p. (In Russ)
13. Khomyakovsky G. <Review of the book> "Radunitsa" by S. Yesenin // Friend of the people. 1916. No. 1. P. 76–78. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 12.08.2022

СОХРАНЕНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ РОССИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИКАХ

УДК 008 : 39 : 745

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-47-52>

Н. Д. Каминская

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: ddp92@yandex.ru

Е. В. Эртман

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, Санкт-Петербург, Российская Федерация
e-mail: ertman07@mail.ru

Аннотация: Охарактеризованы художественные традиции в социокультурных практиках, определено их значение для развития современной социально-культурной сферы. Выявлены факторы, влияющие на эффективность сохранения и трансляцию художественных традиций, а также рассмотрен механизм реализации этих процессов, включающий аксиологический, информационный и воспитательный компоненты. Аксиологический компонент выражает непреходящие ценностные смыслы, которые представлены посредством художественных образов; информационный компонент аккумулирует значимую информацию об историческом периоде, в который возникла и развивалась традиция; воспитательный компонент стимулирует развитие социально одобряемых форм поведения, выстраивает нравственные ориентиры и оценочные суждения. Обозначена необходимость внедрения специализированных социально-культурных программ, направленных на изучение отечественных художественных традиций. Описан опыт трансформации лубочной традиции как примера реализации ценностных оснований художественного наследия в социокультурных практиках.

Ключевые слова: художественные традиции, социокультурные практики, сохранение и трансляция художественных традиций.

Для цитирования: Каминская Н.Д., Эртман Е.В. Сохранение и трансляция художественных традиций России в социокультурных практиках // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 47-52. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-47-52>

КАМИНСКАЯ НАДЕЖДА ДМИТРИЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, СПбГИК

ЭРТМАН ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, СПбГИК

KAMINSKAYA NADEZHDA DMITRIEVNA – CSc in Pedagogy, docent of the department of social-cultural activity, Saint-Petersburg State Institute of Culture

ERTMAN ELENA VLADIMIROVNA – CSc in Pedagogy, docent of the department of social-cultural activity, Saint-Petersburg State Institute of Culture

© Каминская Н.Д., Эртман Е.В., 2022

THE PRESERVATION AND TRANSLATION OF RUSSIAN ARTISTIC TRADITIONS IN SOCIO-CULTURAL PRACTICES

Nadezhda D. Kaminskaya

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: ddp92@yandex.ru

Elena V. Ertman

St. Petersburg State Institute of Culture, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: ertman07@mail.ru

Abstract: A characteristic is given to the artistic traditions in socio-cultural practices; their importance for the development of the contemporary socio-cultural field is defined. The factors, that affect the efficiency of preservation and translation of artistic traditions, are identified, and also the mechanism of these processes' implementation; which includes axiological, informational and pedagogic components, is considered. The axiological component is responsible for eternal value senses, which are presented through artistic images, the informational component accumulates meaningful information about the historical period, in which the tradition emerged and developed; the pedagogic component encourages the development of socially approved types of behavior, installs morale beacons and provides assessments. The necessity of the introduction of the specialized socio-cultural programs, aimed at the studying of Russian artistic traditions, is stressed. The experience of the transformation of artistic objects as products of socio-cultural practices is described – the lubok tradition as an example of incarnation of artistic heritage's value cornerstones.

Keywords: traditions, socio-cultural practices, preservation and translation of artistic traditions.

For citation: Kaminskaya N. D., Ertman E.V. The preservation and translation of Russian artistic traditions in socio-cultural practices. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 47-52. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-47-52>

Конец XX – начало XXI вв. ознаменовались утверждением новых парадигм в сферах культуры, информации, экономики, а также в общественной среде страны. Условия урбанизации и цифровизации, взаимозависимость территорий в экономическом отношении создают предпосылки для универсализации сложившихся социокультурных практик различных этносов, обладающих особым опытом художественных традиций. Следует отметить, что современные социокультурные практики отличаются высокой степенью преобразований культуротворческой деятельности отдельных групп населения, участвующих в них. Необходимым становится отслеживание значимых изменений, ориентированных на актуализацию национальной самобытности художественной деятельности в структуре социально-культурного процесса.

Современные условия определяют переосмысление значимости социально-культурной деятельности по формированию и развитию культурной оснащенности личности в сфере художественной деятельности. В культуру органично входит опыт жизнедеятельности людей, социально отобранный и ценностно-упорядоченный, прошедший этап проверки на морально-нравственное соответствие и актуальность. Только при реализации перечисленных факторов культура может передаваться из поколения в поколение, формируя новый опыт, создавая социально одобряемые образцы для подражания. Это обуславливается тем, что развитие внутреннего мира людей в целом коррелирует с динамикой их взаимодействия с внешней средой, что особенно актуально для процессов инкультурации и социализации молодого поколения [8, с. 30].

Художественные традиции этносов в контексте социально-культурных практик образуют краеугольный камень всего многообразия направлений, видов и форм культуры современного общества. Сохраняя до наших дней свое основополагающее значение, традиционная культура различных народов содержит в себе важнейшие свойства и качества этнического, в которых находит выражение исторический путь каждого народа [6, с. 136]. Не отрефлексированная передача традиции и строгое неукоснительное следование ей – черта общества, которое избегает перемен и стремится к консервации существующего состояния (или даже возврату к идеалам предков). Поэтому в эпоху современных динамичных изменений в ряде случаев политика сохранения традиций может выглядеть как закостенелый анахронизм, не способный вызвать отклик у молодых современников, в то время как некоторая трансформация культурного наследия в соответствии с изменяющимися условиями – отвечает стремлению к движению вперед и бережному отношению к ценностям культуры [1, с. 110]. Творческие люди, как «потребители», так и «созидатели», всегда вовлекались в социально-культурные практики. Первые начинали приобщаться в свободное время к книгам, чтению, новостному формату, рекламе и т. д. как к процессам просветительского, творческого и развлекательного характера. Вторые, мастера, поначалу – деятельные любители, а позднее – искусные профессионалы, создавали весь сектор художественных продуктов, ради которых прибывали на ярмарки их почитатели и которые впоследствии уже наоборот – повсеместно доставляли художественный продукт в деревенские избы, подобно тому, как в последние два века проникает в каждый дом радио, ТВ, интернет.

Механизм сохранения и трансляции художественных традиций зиждется на том, что на протяжении веков художественные традиционные форматы существенно трансформировались, в то время как структура их содержания изменялась мало, и сегодня должна

соответствовать таким критериям, как злободневность, актуальность, образность, аксиологичность, а эмоциональное воздействие основано на яркости, броскости, сюжетной насыщенности. Существенным является и то, что художественные традиции и в историческом ракурсе, и в настоящее время ориентированы на разные аудитории и тесно переплетены с действительностью, реальными событиями, волнующими зрителя. Важнейшими аспектами сохранения и трансляции художественных традиций выступают аксиологический, информационный и воспитательный компоненты. Аксиологический компонент выражает непреходящие ценностные смыслы, которые представлены посредством художественных образов и считаются в разнообразных культурных контекстах. Информационный компонент аккумулирует значимую информацию об историческом периоде, в который возникла и развивалась традиция, отражая и транслируя характерные черты эпохи. Воспитательный компонент воспроизводит наиболее существенные и социально одобряемые формы поведения, нравственные ориентиры и оценочные суждения. Указанные компоненты реализуются совокупно, уточняя и обогащая процесс сохранения и трансляции художественных традиций.

Одним из неповторимых явлений отечественной художественной культуры, хорошо иллюстрирующих процессы сохранения и трансляции художественных традиций, являются народные гравюры (лубок, народные картинки, «потешные листы»). Авторы народных гравюр через художественное творчество выражали свое отношение к реальности, истории, рассказывали о событиях понятным для всех слоев населения языком художественного изображения и текста. Такие социально-культурные явления как первая книга, библиотека, газета, карикатура, афиша, плакат, реклама, кинематограф, а также – деятельность, речь и образ ведущих, формат и язык СМИ развивались вместе с народными гравюрами и в недрах этого феномена, начиная с XVII века.

Понимание непреходящей ценности, самобытности народных картинок и народного искусства России в целом пришло только в XX веке. Художественная бесподобность, необычная композиция и её оригинальная трактовка, особое цветовое решение формировали художественные вкусы и потребности населения – сначала в царских семьях и монастырских общинах, затем у горожан всех сословий и крестьянства.

Российский лубок принадлежит сфере графического искусства, в котором основным изобразительным средством являются линия, штрих, и представляет собой изображение с подписью. Мастера-лубочники из разных видов графического искусства остановили свой выбор на технике гравюры. Великолепно вырезанные, ритмичные, аккуратные, ровные, мастерски выполненные четкие линии – такой вид художественной работы на деревянных досках требовал больших физических сил, значительных затрат времени. Лубок сохранил и «переработал» традиционные простейшие геометрические орнаменты, пришедшие из незапамятных времен, перенял плоскостное изображение, лаконичность образа, пятна декоративной раскраски, симметрию композиции, обратился к опыту иконописи, использованию дерева как материала. Сначала лубочные картинки стоили баснословно дорого, и лишь самые состоятельные почитатели могли себе позволить скупать их по несколько десятков, отводя в своих домах для них отдельные комнаты, развешивая их для красоты и для чтения. Бедные ограничивались одной-двумя картинками, и только значительно позднее избы также стали украшать лубком от потолка до пола; подобные устройства именовались «народной библиотекой».

В противоположность обыкновению – продаже книжного товара в лавках – распространение лубочных картинок приобрело образ визита самого продавца, наносимого покупателю. Не располагая сколько-нибудь существенным временем на протяжённое изучение картинок, покупатель полагался на обложку, заголовок, малый объем – все это должно было сразу его привлечь. В XIX веке тиражи

книг И. С. Тургенева, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстого в значительной степени уступали изданиям типографии И. Ивина (Кассирова), которая выпускала лубочные картинки. Ю. М. Лотман обращает внимание на процессы восприятия аудиторией лубочных картинок в целом: население, ориентированное на фольклор, имеет своеобразную позицию: «играет с текстом и в текст», его «слушает, читает, смотрит», воспринимает их в движении, через пение, выкрики. Игровая «действительность» через художественное пространство народных гравюр вызывает у аудитории отклик, который ближе по проявлениям к театральным постановкам [7, с. 486]. Природа лубка отличается полемичностью, а структура многослойна и содержательна при внешне простой и доступной форме; он откликается на социальные изменения, отличается независимостью суждений, формирует социально-значимые ориентиры. Если первые народные картинки имели религиозное содержание, то в дальнейшем посредством них стали разъясняться научные знания из географии, астрономии, ботаники, медицины, истории. Наряду с этим картинки вводили и новостной контент, сменяя сюжеты на сказочные, развлекательные и назидательные истории. Лубок выставлял на показ жадность, глупость, осуждал несправедливость, жестокость, угнетение, осуществляя воспитательную функцию. Реакция на сюжеты лубка и их художественное исполнение у официальных властей была неоднозначна. С начала XIX века, в первую очередь благодаря работе Н. М. Карамзина, народные картинки стали собирать и изучать. Творчеством простого народа заинтересовались и ввели в свой художественный мир В. А. Жуковский, А. С. Пушкин. Русский лубок вдохновлял художников, таких знаменитых, как В. Васнецов, В. А. Фаворский, И. Билибин, К. Петров-Водкин. С наступлением XX века народные картинки преобразовались сообразно веяниям времени. Лубочные произведения К. Малевича и В. Маяковского стали «переходом» к жанру плаката, зарождение которого пришлось на начало XX в. («Окна РОСТА»). Авторы плакатов,

а затем и рекламных материалов, употребляли художественно-графические, композиционные приемы, грубоватый юмор, ориентировались на сложившийся у аудитории ценностный и морально-идеологический комплекс, заимствуя накопленный опыт народных гравюр. Использовалось взаимодействие слова и изображения: слово в роли подписи, изображение поясняет слово, неразделимое единство изображения и слова в понимании и воздействии на публику [2, с. 97].

В современных условиях художественные традиции в социокультурных практиках необходимо рассматривать как значимое явление в контексте социального и экономического, которое представляет собой особый фактор развития регионов страны [4, с. 215]. В обществе одновременно происходит возврат к старым идеям и представлениям и возникновение оригинальных направлений в культуре. Подъем интереса к историческим событиям приводит к пересмотру отношения к отдельным элементам культурного и исторического наследия, способствует возрождению в социуме многих художественных традиции, делает вновь актуальным ряд ранее преданных забвению имён и фактов, технологий и т. д. Непосредственным материальным результатом этих изменений становится восстановление существенного количества объектов культурного и исторического наследия, что создаёт благоприятные условия сохранения художественных традиций. Только создание

и внедрение специализированных социально-культурных программ, направленных на сохранение и трансляцию, изучение и развитие исторических и культурных особенностей региона, может дать более эффективный результат воздействия традиционных художественных форм на все виды активности человека. Социально-культурные программы, реализованные учреждениями культуры, для активизации событийных и интерактивных мероприятий могут развиваться на основе специфических региональных творческих и просветительных традиций [5, с. 81]. Различные направления социально-культурной деятельности, в том числе художественной направленности, регенерируя воспитательное и художественное пространство, синергетически побуждают индивидов к вовлечению в творческий процесс в качестве создателей, собирателей, обучающихся и т. д. Особый интерес в данном контексте вызывает развитие социально-культурных технологий, которые способствуют актуализации ценностей художественных традиций этноса и развитию социально-культурных практик, творческого начала личности. На протяжении столетий уникальные мастера являлись единомышленниками, формирующими особые объединения и сплотившимися вокруг целого круга задач, нацеленных на воспроизведение и трансляцию идей, образов, колорита, композиции, вовлекающая разные группы российского общества в процесс творческой активности [3, с. 97].

Список литературы

1. Баева Л. В. Сохранение культурного наследия как воплощение ценности традиции // *Философия и общество*. 2012. № 1. С. 109–118.
2. Золотова Т. А., Плотникова Е. А., Ефимова Н. И. Традиции фольклора в отечественной культуре XX–XXI веков / Т. А. Золотова, Е. А. Плотникова, Н. И. Ефимова; ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2020. 154 с.
3. Каминская, Н.Д., Эртман Е. В. Реализация рекреационного потенциала этнокультурных центров // *Культура и образование*. 2020. № 2. С. 96–108.
4. Каминская, Н.Д., Эртман Е. В. Актуализация отечественного традиционного искусства средствами туристско-экскурсионной деятельности // *Сервису и туризму-инновационное развитие: материалы IX междунар. научно-практ. Конф.*, 24 марта. 2017 г./отв.ред. Т. С. Комиссарова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2017. С. 212–218.

5. Каминская Н. Д., Эртман Е. В. Социально-культурные технологии как фактор сохранения традиционного искусства в центрах народных промыслов // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2016. № 1 (26). С. 80–87.
6. Каминская, Н.Д., Эртман Е. В. Художественные традиции регионов как ресурс развития туристской деятельности // Сервису и туризму -инновационное развитие: материалы УШ междунар. научно-практ. конф., 25 апр. 2016 г./отв.ред. Т. С. Комиссарова. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2016. С. 135–140.
7. Лотман Ю. М. Об искусстве. Художественная природа русских народных картинок. Санкт-Петербург, Искусство, 2000. 704 с.
8. Сорокина Л. И., Прямова Н. А. Традиции народного искусства в современной культуре // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 23–30.

References

1. Baeva L. V. Preservation of cultural heritage as the embodiment of the value of tradition // Philosophy and Society. 2012. No.1. P. 109–118. (In Russ)
2. Zolotova T. A., Plotnikova E. A., Efimova N. I. Folklore traditions in Russian culture of XX–XXI centuries / T. A. Zolotova, E. A. Plotnikova, N. I. Efimova; FSBEI HE “Mari State University”, Yoshkar-Ola: Mari State University, 2020. 154 p. (In Russ)
3. Kaminskaya, N.D., Ertman E. V. Realization of recreational potential ethnocultural centers // Culture and education. 2020. No. 2. P. 96–108. (In Russ)
4. Kaminskaya, N.D., Ertman E. V. Actualization of domestic traditional art by means of tourist and excursion activities // Service and tourism-innovative development: materials of the IX international. scientific and practical. Conf., 24 March. 2017 / ed. T. S. Komissarov. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2017. P. 212–218. (In Russ)
5. Kaminskaya N. D., Ertman E. V. Socio-cultural technologies as a factor in the preservation of traditional art in the centers of folk crafts // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2016. No. 1 (26). pp. 80–87. (In Russ)
6. Kaminskaya, N.D., Ertman E. V. Artistic Traditions of the Regions as a Resource for the Development of Tourist Activities // Service and Tourism – Innovative Development: Materials of the USh Intern. scientific and practical. conf., 25 Apr. 2016 / ed. T. S. Komissarov. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2016. P. 135–140. (In Russ)
7. Lotman Yu. M. About art. The artistic nature of Russians folk pictures. St. Petersburg, Art, 2000. 704 p. (In Russ)
8. Sorokina L. I., Pryamkova N. A. Traditions of folk art in modern culture // Culture and Art. 2021. No. 3. P. 23–30. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 21.08.2022

УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

*В преддверии Всероссийской научной конференции
«Российский опыт конструирования будущего»
(Ростов-на-Дону, 26-28 октября 2022), организованной
Южным федеральным университетом при участии
Московского государственного института культуры*

УТОПИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРЫ: ТЕОРИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

УДК 008(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

Т. С. Паниотова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: tspaniotova@mail.ru

Аннотация: В статье дается краткий экскурс в историю формирования утопической традиции в российской культуре, которая включает как жанровые произведения, так и культурные тексты, не укладывающиеся в рамки жанра (народные легенды, политические трактаты, архитектурные проекты и т. п.). Прослеживаются этапы изучения утопии в нашей стране и за рубежом; объясняются причины взлета или падения исследовательского интереса к утопии в определенные периоды времени. Показано, что несогласие с выводом о «смерти утопии» выразилось в появлении многочисленных публикаций на тему утопии, организации конференций, собирающих на своих площадках исследователей со всего мира. Анализируются наиболее интересные проекты последних лет и актуальные направления утопических исследований. Среди них: взаимодействие утопии и антиутопии, соотношение утопического жанра и утопической интенции, утопической идеи и практики, российской и западноевропейской утопий. Может ли утопия превратиться в «критический инструмент» и участвовать в масштабных преобразованиях политических институтов и систем или ей суждено оставаться литературным жанром? Эти и многие другие проблемы обсуждались на научных кон-

---

ПАНИОТОВА ТАИСИЯ СЕРГЕЕВНА – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики Южного федерального университета

PANIOTOVA TAISIYA SERGEEVNA – DSc in Philosophy, Full Professor, Professor at the Department of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics, the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, the Southern Federal University

© Паниотова Т.С., 2022

ференциях в рамках развиваемого Институтом философии и социально-политических наук Южного федерального университета научного направления «Утопические проекты в истории культуры».

Ключевые слова: утопия, утопические проекты, культура, утопический социализм, утопия в России.

Для цитирования: Паниотова Т.С. Утопическое измерение культуры: теория и социальные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 53-62. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

UTOPIAN DIMENSION OF CULTURE: THEORY AND SOCIAL PRACTICES

Taisiya S. Paniotova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

e-mail: tspaniotova@mail.ru

Abstract: The paper gives a brief insight into the history of the utopian tradition in Russian culture. It includes both genre works and cultural texts that do not fit into the genre (folk legends, political treatises, architectural projects, etc.). The stages of studying utopia in our country and abroad are revealed; the reasons for the rise or fall of research interest to utopia in certain periods of time are explained. It is shown that the disagreement in the conclusion about the “death of utopia” was expressed in the appearance of numerous publications on utopia, the organization of conferences that gather researchers from all over the world. The most interesting projects of recent years and current directions of utopian studies are analyzed. Among them there are the interaction of utopia and dystopia, the correlation of utopian genre and utopian intention, utopian idea and practice, Russian and Western European utopias. Can utopia turn into a “critical tool” and participate in large-scale transformations of political institutions and systems, or is it destined to remain a literary genre? These and many other problems were discussed at scientific conferences within the framework of the scientific direction “Utopian projects in the History of Culture” developed by the Institute of Philosophy and Social and Political Sciences of the Southern Federal University.

Keywords: utopia, utopian projects, culture, utopian socialism, utopia in Russia.

For citation: Paniotova T.S. Utopian dimension of culture: theory and social practices. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 53-62. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-53-62>

Хотя термин «утопия» впервые появился в произведении Томаса Мора как обозначение идеального, а потому и недостижимого общества, мечта о лучшем мире родилась значительно раньше и была спутницей человечества на протяжении всей его истории. Как писал А. Свентоховский еще в начале XX века, «где только существуют нищета, несправедливость, страдание, – а существуют они всегда и везде, там должно проявиться также искание средств для искоренения причины зла» [11, с. 5]. Отсюда следует, что утопию можно понимать и шире – не только как литератур-

ный жанр или модель идеального общества, но и как некую утопическую интенцию, выражающую стремление к счастью, мечту о лучшем мире. Во все времена и в любой стране встречаются легенды о молочных реках, текущих в кисельных берегах, сказочных странах, скрытых «за морями, за долами», в которых нет ни царей, ни господ, и где люди живут долго и счастливо и т. д. Такими мирами богата русская народная культура – это легенды о Граде Китеже, о Беловодье; различные путешествия и хождения (Агапия – в рай, Зосимы – к рахманам). Воображаемые миры

обнаруживают себя в искусстве и религии, в мифах и праздниках, в поговорках и песнях. Мечты превращаются в факты реальной жизни, воплощаются в движения народного протеста, оформляются в лозунги, программы действий. Из всего этого складывается утопическая традиция, которая охватывает и формы народного утопизма, и литературные произведения, и политическую деятельность, образуя своеобразное измерение культуры.

Исследование утопий в содержательном плане и во взаимосвязи с социальной практикой позволило ученым воссоздать широкую панораму утопических поисков – как на уровне народного творчества, так и на основе специализированных текстов. На этом пути особенно преуспели литературоведы и историки. Если говорить о нашей стране, то следует вспомнить школу академика В. П. Волгина, создавшую в советский период солидную эмпирическую базу в виде опубликованных текстов социалистов-утопистов прошлого и аналитических работ по утопическому социализму. Разумеется, нельзя не отметить и ограниченность этой эмпирической базы: ее составили труды только тех авторов, которых можно было отнести к предшественникам научного социализма. Такой подход соответствовал традиции, заложенной Ф. Энгельсом в работе «Развитие социализма от утопии к науке». В русле этой традиции утопия рассматривалась исключительно как *донаучная форма знания*. Что же касается самих предшественников научного социализма, признавалось, что они гениально предвосхитили множество научных истин и черт будущего общества, однако были весьма далеки от правильного понимания путей и способов осуществления идеала. Социалистов-утопистов критиковали за оторванность от действительности и непонимание законов классовой борьбы.

В 1970-е годы к разработке проблем истории и теории *утопического социализма*, его связей с русским и европейским марксизмом и революционным движением подключились отечественные философы: А. И. Володин, Г. Г. Водолазов, В. А. Малинин, И. К. Пантин,

Е. Г. Плимак, В. Г. Хорос и др. Появились работы, посвященные природе утопического сознания (Э. Я. Баталов, А. И. Володин, Ч. С. Кирвель, И. Н. Неманов, В. П. Шестаков и др.). Основные дискуссии в это время велись о том, кто является родоначальником утопического социализма, каковы критерии «социалистического», в чем состоят особенности русского утопического социализма (революционного демократизма), какую роль он сыграл в возникновении марксизма в России. Резкой критике подвергались идеи об идейном родстве большевизма с бунтарством М. А. Бакунина, политикой заговора П. Н. Ткачева и практикой террора народовольцев.

Перестройка и последовавшая за ней «переоценка ценностей», падение Берлинской стены, «бархатные революции» в странах Восточной Европы, распад СССР перевели критику утопизма в иную плоскость. В утопии стали видеть «обветшалую идеологию», «спутницу тоталитаризма» и близкую родственницу марксизма-ленинизма. Прозвучал «реквием по утопии» [4]. Е. Л. Черткова назвала «приговором утопии» слова Ю. Н. Давыдова «В пределе это есть убийство, уничтожение, превращение в ничто всего, что используется при этом в качестве материала» [13, с. 167]. Так утопия в одно и то же время стала и «покойницей», по которой исполнялся реквием, и «убийцей», уничтожающей все живое, включая самого человека.

Анализируя эту ситуацию, испанский философ Ф. Аинса писал: «Хотя после 1989 г. стало привычным не доверять “снам разума” и попыткам давать готовые решения относительно скрытого завесой будущего, мы не можем согласиться с тем, чтобы именно сейчас, когда крайне необходимо представить возможность другого будущего и найти выход из давящего монотематического *impasse*, ... *единственное политически корректное мышление – утопический дискурс* (выделено мной, Т.П.) – был исключен из всяких дебатов» [1, с. 80]. Появившиеся в эти годы работы, которые давали, на наш взгляд, более взвешенную и объективную оценку утопии,

стали выражением этого несогласия. Среди них труды Э. Я. Баталова, В. А. Чаликовой, В. П. Шестакова и др.

Надо сказать, что и на Западе существовала определенная цикличность в изучении и оценках утопии. В 60–70-е гг. XX века здесь начинает складываться новое исследовательское направление *Utopian studies* (Исследования утопии). Массовые протестные движения в Европе и Америке, с одной стороны, и реалии «развитого социализма» – с другой, сыграли свою роль в создании двух международных организаций, объединивших усилия ученых, которые занимались изучением утопизма. В 1975 г. в Северной Америке появилось The Society for Utopian Studies (SUS), а в 1988 году группой британских ученых образовано Utopian Studies Society – Europe (USSE).

Нежелание принять «смерть утопии», согласиться с тем, что она не нужна и даже вредна, вылилось в ежегодное проведение научных конференций, собиравших на своих площадках исследователей со всего мира. Стали активно издаваться труды «гуру» утопии – Э. Блоха, Ф. Аинсы, Л. Сарджента, Е. Шацкого, Д. Сувина и др. Появились специализированный журнал *Utopian Studies* и информационный бюллетень *Utopus Discovered*, многочисленные материалы конференций со статьями известных ученых, смысл которых можно выразить словами Р. Якоби: «Спасти дух утопии, а не ее букву» [15, p.14].

С начала нового тысячелетия утопия на Западе становится еще более популярной. Немецкий философ П. Слотердаик в интервью 2000 г., отметив небывалый рост публикаций на тему утопии, задался вопросом: почему в недавнем прошлом «проблематичное понятие» сегодня обретает позитивную тональность, отождествляется с мечтой? Появляется своеобразная «мода на утопию», организуются художественные выставки: *Дух утопии* (2013) в Галерее Уайтчепел, Лондон; «Утопия и за ее пределами» (2016) в Центре современного искусства Кастелло Ди Ривара, Турин; *Пути к утопии* (2016), Королевский колледж, Лондон, и др.; строятся пятизвездочные го-

стиничные комплексы Utopia World; набирает популярность компьютерная игра «Мор. Утопия», и т. д. и т. п.

Среди успешных научных проектов последнего десятилетия можно назвать созданную учеными из Аргентины, Бразилии, Мексики и Испании Трансатлантическую сеть изучения утопий (2015). Группа HISTORIA под руководством Хуана Про из Автономного университета Мадрида последовательно реализовала серию исследовательских проектов: «История будущего: утопия и ее альтернативы в горизонтах ожидания современного мира (XIX–XXI вв.)» в 2016–2019 гг.; «Эмоциональные пространства: утопические места в современной истории» в 2019–2022 гг.; и в настоящее время осуществляется проект «Трансатлантические утопии: альтернативное воображение между Испанией и Америкой (XIX–XX вв.)».

Нельзя не сказать и о глобальном проекте португальских ученых *Utopia500*, созданном на волне подготовки XVII Международного конгресса Европейского общества исследователей утопии «500 лет утопий: мир идет туда, куда мы его ведем». Целью этого проекта стало продвижение утопических идей во всем мире как движущей силы социальных изменений и источника вдохновения для инновационных прорывов в науке и технике. Помимо популяризации идейного наследия утопистов прошлого проект охватил широкую палитру утопических исследований и практических акций. Среди них «Пан-топия», нацеленная на решение проблемы голода во всем мире; «Экотопия», связанная с защитой окружающей среды; «Утопический город Валонга», которому отводится роль площадки для реализации всевозможных утопических практик. Амбициозная программа мероприятий, посвященных юбилею, на протяжении всего 2016 года реализовывалась Католическим университетом Лувена (Бельгия) – города, где впервые была опубликована «Утопия» Т. Мора.

Огромный интерес к утопии наблюдается в Латинской Америке. В Бразилии журнал Re-

vista de estudios de cultura (REVEC) посвящает целый номер теме «Утопические и антиутопические проекции в истории», а аргентинский журнал *Revista Eslavia* – утопиям в России. В университете Буэнос-Айреса при кафедре славянской словесности создано и успешно функционирует общество Ф. М. Достоевского, проводятся конференции, посвященные утопии и ее деривациям.

Показательно, что последние конференции, проведенные Европейским Обществом исследователей утопии (USSE) и Обществом исследователей утопии (SUS), акцентировали внимание на практическом измерении утопии. Состоявшаяся в Брайтоне (Великобритания) в июле 2022 года конференция «Открытие утопии: новые направления в Utopian Studies» была посвящена радикальному утопическому мышлению и революционным практикам. Организаторы конференции, осознавая, что наше время «является переломным для утопистики», пытались дать ответ на вопрос о роли утопического мышления и практики в решении некоторых фундаментальных проблем нашего времени. «Наша цель, – говорилось в информационном письме конференции, – превратить концепцию утопии, ее долгую историю и споры, которые составляют эту историю, в настоящее». Ключевым понятием было выбрано центральное понятие философии утопии Эрнста Блоха «надежда».

Одна из самых цитируемых современных авторов Рут Левитас также трактует утопию как аналитический метод, связанный с воспитанием желания лучшего образа жизни. Этот метод, по мнению Левитас, позволит вернуть нас от мировоззренческих и эстетических взглядов на утопию в практическую сферу, когда утопия способна превратиться в «критический инструмент», позволяющий «расширить границы нынешних властных дискурсов» и участвовать в масштабных преобразованиях политических институтов и систем [16, p. xi].

На этом фоне более чем странно выглядят высказывания некоторых отечественных авторов о том, что «надо обратить внимание и на комичность (выделено

мною, – Т.П.) словосочетаний “актуальность утопии”, “реальное существование утопии” и даже “востребованность утопии обществом как социальной формы, наиболее ярко выражающей альтернативность истории» [7, с. 110–111]. Желает того автор этого высказывания или нет, но многочисленные конгрессы, публикации, выставки и фестивали по обе стороны Атлантики свидетельствуют как раз об обратном: утопическая тематика сегодня актуальна, как никогда. Вот как пишет об этом известный философ, заслуженный деятель науки Г. В. Драч: «Пожалуй, нет сегодня более востребованного понятия, чем понятие “утопия”, к нему обращаются не только философы, культурологи и социологи, но и политики, писатели и публицисты. И понятно почему. С этим понятием связана оценка как прошлого, так и настоящего, сама суть происходящих событий не только в нашей стране, но и, так сказать, в мировом масштабе» [2, с. 7].

Более того, приходится констатировать, что С. Неретина явно не дружит с историческими фактами. В уже цитированной ранее публикации автор утверждает: «Почему республику Утопию сочли реальным прототипом коммунистического общества, ясно: оно было воплощено в жизнь» [7, с. 116]. Но *что* именно было воплощено в жизнь? Идеи Мора или коммунистическое общество? Насколько нам известно, ни то и ни другое. Далее из указанной статьи можно, узнать, что «числить Мора среди родоначальников *научного социализма* (выделено мною, – Т.П.) можно только с социалистических позиций...» [7, с. 124]. Общеизвестно, что родоначальниками научного коммунизма всегда и везде считались К. Маркс и Ф. Энгельс, но никак не английский канцлер. Наконец, Светлана Сергеевна ссылается на некоего Петра Мученика, сведения из книги которого «О Новом свете» частично послужили материалом для «Утопии». Церковной истории известны несколько Петров-Мучеников: Петр-Авессаломит из Палестины, Святой мученик Петр Алеут, прославленный Православной церковью в Америке, и Петр Веронский, инквизитор Ломбардии. Ни один

из них не имеет никакого отношения к сочинению «О Новом Свете». Авторство текста *Mundus Novus*, изданного на латыни в нескольких европейских городах в 1504 году, приписывается Америго Веспуччи, спутником которого – по версии Мора – и был Гитлодей «в трех последних странствиях из четырех, про которые уже все повсюду читают» [5, с. 119–120]. А вот автором «Декад Нового Света» (*De Orbe Novo Decades*), первая из которых увидела свет в 1511 году, был итальянец Пьетро Мартире д'Ангьера, известный в Испании под именем Педро Мάρтир де Англерия. Там он был членом Совета по делам Индии, а позднее стал королевским историографом. И с прочими мучениками Мάρтира де Англерия роднит разве что первая часть фамилии, если ее перевести на русский язык (*mártir* – исп. мученик). Только зачем это делать?

Свою лепту в защиту утопии и разработку ее современного понимания вносит Южный федеральный университет – организатор серии конференций под общим названием «Утопические проекты в истории культуры» [3; 8; 9; 10]. Начало было положено в 2016 году, когда была проведена первая Всероссийская (с международным участием) научная конференция, посвященная 500-й годовщине выхода в свет «Утопии» Томаса Мора. Как уже говорилось, в этот год многочисленные конгрессы, фестивали, симпозиумы собирали огромные аудитории практически на всех континентах. И на ростовской конференции было зарегистрировано свыше 100 заявок ученых из Великобритании, Австралии, Аргентины, Испании, Чешской Республики, Литвы, Молдавии, Узбекистана, а также – из различных городов Российской Федерации. Не меньший интерес вызвала и вторая конференция (2018) «Город Солнца»: в поисках идеального локуса». Конференция была проведена в ознаменование 450-летия со дня рождения автора этого всемирно известного произведения. Следующая конференция (2020) «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» по причине пандемии проходила в онлайн формате. Она была посвящена 100-летию

романа «Мы» Е. Замятина. С каждым разом география участников становилась все шире, а состав участников – более представительным. В двух из трех проведенных конференций «вживую» приняли участие Председатель Европейского общества исследователей утопии Грегори Клейс (Великобритания), а также профессора из Испании, Чехии и других стран. И, наконец, в этом году в смешанном онлайн и оффлайн формате пройдет IV конференция «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего», соорганизатором которой является журнал «Вестник МГУКИ».

Все конференции задумывались как междисциплинарные, а потому в них приняли участие представители различных академических дисциплин: культурологи, философы, литературоведы, социологи, историки, политологи, искусствоведы и др. Акцент, сделанный на междисциплинарность, позволил преодолеть узко филологический подход, который долгие годы преобладал в утопических исследованиях. Стал доминировать анализ утопий и их разнообразных дериваций, выявление связи с порождающим их социокультурным контекстом, рассмотрение утопического наследия как депозитария оптимистических надежд и горьких разочарований. Ведь, как писал Ф. Аинса, «утопия и разочарование не противостоят, но взаимно поддерживают и корректируют друг друга, помогая в осуществлении своих моделей. Разочарование, корректируя утопию, усиливает ее основной элемент – надежду...» [1, с. 84].

Участники перечисленных конференций пытаются определить значение утопии для современного общества как механизма построения не только образов будущего, но и возможного настоящего. Утопия на деле способна стать настоящей лабораторией мысли и действия, в которой производятся мыслительные эксперименты с формами политической, экономической и социальной организации будущего. Такой подход вполне укладывается в исследовательское русло, проложенное много лет назад французским социологом

Раймоном Рюе. В отличие от утопического жанра, который ограничивается созданием моделей «специфически организованного мира, предвидимого в мельчайших деталях», утопический метод – это «способность воображать, модифицировать реальность с помощью гипотез, создавать порядок, отличный от реальности, что предполагает не отказ от реальности, а конкретизацию того, что “могло бы произойти”...» [17, р.9].

Так что же мы, отечественные ученые, можем предложить читателю в контексте новой парадигмы? Несмотря на наблюдаемый сегодня интерес к утопической проблематике, поддерживаемый в немалой степени и нашими усилиями, несмотря на немалое количество диссертаций, книг и статей, мы, к сожалению, уступаем западным исследователям в глубине погружения в тему и в широте научного курса. Трудно не согласиться с теми авторами, которые ранее писали, что наши исследователи слабо интегрированы в международную научную среду. Необходимо «более тесное взаимодействие российских исследователей утопии с зарубежными коллегами из “The Society for Utopian Studies” и “Utopian Studies Society”, участие в сериях конференций, проводимых этими организациями, а также осуществление публикаций в журнале “Utopia and Utopianism”» [6, с. 52]. Кто-то скажет, что в условиях санкций и «культуры отмены» последнее предложение не более чем «благое пожелание». Но, к счастью, это не совсем так: и ростовские ученые выступают с докладами на зарубежных конференциях, и иностранные коллеги участвуют в конференциях, организуемых нами.

Вызывает большую тревогу отсутствие фундаментальных работ по русской утопии. Они малочисленны, принадлежат преимущественно филологам и увидели свет в первое десятилетие нового тысячелетия. Как констатировал известный исследователь утопий В. П. Шестаков, «изучение русских утопий, по сути дела, только начинается. Здесь перед исследователями лежит большое поле деятельности. Еще недостаточно хорошо изучены те авторы русских утопий, тексты которых

сравнительно недавно стали доступны читателям. Большинство работ, посвященных этим утопическим произведениям, представляют их простой пересказ и носят описательный характер» [14, с. 8]. Таким образом, наиболее перспективным является перевод исследований утопии из области филологии, «в область культурологии, где больше возможностей анализировать этот предмет в историческом контексте. Такая “историзация” позволила бы возвратиться от общего академического теоретизирования к конкретным фактам возникновения утопий в России» [12, с. 39]. По сути, единственная культурологическая работа – это «Российские утопии: исторический путеводитель» Б. Ф. Егорова. Но и она, по мнению В. Шестакова, не вполне удовлетворительна в теоретическом и аналитическом отношении: «В современных работах об утопиях недостаточно пересказывать их сюжет... Необходим структурный анализ этих произведений, их сравнительно-типологическое исследование, изучение их связи с философскими и социальными течениями эпохи» [14, с. 9].

Но вернемся к предстоящей IV конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Российский опыт конструирования будущего». Эта конференция связана с тремя знаковыми событиями отечественной истории: 210 годовщиной со дня рождения основоположника русского крестьянского социализма А. И. Герцена, 100-летием образования СССР и 100-летием знаменитого «философского парохода». Эти, казалось бы, внешне не связанные между собой событийные даты объединяет общее смысловое поле: поиск лучшего будущего для России. Усомнившись после революций 1848–1850-х гг. в социалистических перспективах Западной Европы, А. И. Герцен обратил свой взор к России и увидел в крестьянской общине готовую ячейку социализма. Образование СССР стало частью самой великой утопии XX века (правда, не в герценовском варианте). В свою очередь, «философский пароход», бывший изгнанием (или бегством) российской интеллектуальной элиты из страны победившей утопии, дал тол-

чок рождению утопий «с того берега», авторов которых также крайне волновало будущее России. В тематике представленных докладов нашли отражение все три направления: заявлены доклады, посвященные взглядам Герцена на европейские социалистические теории, а также – предпосылкам политического утопизма русской радикальной интеллигенции и его влиянию на нравственную атмосферу российского общества конца XIX – начала XX века. Предполагается осветить утопические идеи в творчестве писателей-эмигрантов Г. Газданова и П. Н. Краснова; проанализировать утопические идеи в советском музыкальном авангарде, кинематографе, градостроительстве и архитектуре.

В завершение хотелось бы сказать, что, начиная с 2017 года, по итогам работы было издано 3 сборника материалов конференций¹

¹ См. об этом: Утопические проекты в истории культуры (к 500-летию «Утопии» Томаса Мора). Ростов-на-Дону: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. 308 с.; Утопические проекты в истории культуры. Материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Город Солнца»: в поисках идеального локуса» (к 450-летию со дня рождения Томмазо Кампанеллы). Ростов

по итогам утопических проектов в истории культуры. В них, помимо тезисов участников, опубликованы развернутые статьи известных специалистов в области утопических исследований, в том числе, Ф. Аинсы (Испания), Г. Клейса (Великобритания), Р. Иглесиаса (Испания), Т. Батыр (Республика Молдова), Е. Чертковой, М. Кяровой, Л. Морщихиной, И. Тузовского, Д. Мартынова и др. Достойное место в этом ряду принадлежит представителям ростовской философско-культурологической школы – Г. В. Драчу, Т. С. Паниотовой, В. Д. Бакулову, Е. В. Золотухиной-Аболиной, М. А. Романенко и др.

Еще более значимым фактом в трансляции ценностей отечественной культуры, на наш взгляд, станет предварительная публикация лучших материалов, поданных для участия в нашей конференции, на страницах журнала «Вестник МГУКИ».

на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2019. 272 с.; Утопические проекты в истории культуры. Материалы III Всероссийской (с международным участием) научной конференции на тему «(Не)возможные миры: настоящее и будущее в зеркале антиутопии» (к 100-летию романа «Мы» Замятина). Ростов-на-Дону–Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2021. 328 с.

Список литературы

1. Аинса Ф. Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке. Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки // Латинская Америка. 2012. № 8. С. 77–88
2. Драч Г.В. Предисловие // Паниотова Т.С. Утопические миры: избранные труды / отв. ред. и авт. предислов. Г.В. Драч. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета. 2022. – 352 с.
3. Драч Г.В., Паниотова Т.С., Романенко М.А. В поисках идеального локуса (обзор научной конференции «Утопические проекты в истории культуры») // Вопросы философии. 2019. № 6. С. 214–218.
4. Малухин В. Реквием по утопии // Знамя. 1987. № 10. С. 219–221.
5. Мор Т. Утопия / пер. с лат. Москва: Наука. 1978. 416 с.
6. Морщихина Л. А. Исследование феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2017. №2. С. 46–57.
7. Неретина С.С. Двойственная темпоральность Утопии // Человек. 2021. № 4. С. 109–132.

8. Паниотова Т.С. “Утопия”: жизнь после смерти (обзор научной конференции) // Вопросы философии. 2017. № 11. С. 213–215.
9. Паниотова Т.С., Драч Г.В., Романенко М.А. Возможность невозможного: прошлое, настоящее и будущее сквозь призму антиутопии (обзор третьей научной конференции “Утопические проекты в истории культуры”) // Вопросы философии. 2021. № 8. С. 213–218.
10. Паниотова Т.С., Корневский А.В. (Не)современные мысли и суждения о прагматике утопий // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 404–413.
11. Свентоховский А. История утопий / С разреш. авт. пер. Е. Загорский. Москва: В.М. Саблин. 1910. 427 с.
12. Суслов М.Д. Утопия как предмет современных исследований на Западе и в России // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №7 (108). С. 34–41.
13. Черткова Е.А. Специфика утопического сознания и проблема идеала // Идеал, утопия и критическая рефлексия. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1996. С. 156–188.
14. Шестаков В.П. Утопия как проблема российской ментальности // Международный журнал исследований культуры. 2012. №4 (9). С. 6–9.
15. Jacoby R. Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age. New York, Columbia University Press. 2005. 211 p.
16. Levitas R. The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming / ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford, Peter Lang. 2011. Pp. 47–68.
17. Ruyer R. L'utopie et les utopistes. Paris. PUF. 1950. 293 p.

References

1. Ainsa F. Utopia: Alternative models and forms of cultural expression in Latin America. New foundations of utopia “from” and “for” Latin America // Latinskaya Amerika. 2012. № 8. pp. 77–88. (In Russ.)
2. Drach G.V. Preface. In: Paniotova T.S. Worlds of Utopia : selected works / Edited and foreword by G.V. Drach. Rostov on Don -Taganrog , Southern Federal University Publ. House, 2022. 352 p. (In Russ.)
3. Drach G.V., Paniotova T.S., Romanenko M.A. In search of an ideal locus (review of the scientific conference “Utopian projects in the history of culture”) // Voprosy filosofii. 2019. No. 6. pp. 214–218. (In Russ.)
4. Maluhin V. Requiem for Utopia // Znamya, 1987. № 10. pp. 219–221. (In Russ.)
5. Mor T. Utopia. Moscow: Nauka, 1978. 416 p. (In Russ.)
6. Morshchihina L. A. The study of the phenomenon of utopia in modern Russia: Paradigmatic analysis // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 2017. № 2. pp. 46–57. (In Russ.)
7. Neretina S.S. The dual temporality of Utopia // Chelovek, 2021. № 4. pp. 109–132. (In Russ.)
8. Paniotova T.S. “Utopia”: life after death (review of the scientific conference) // Voprosy filosofii. 2017. No. 11. pp. 213–215. (In Russ.)
9. Paniotova T.S., Drach G.V., Romanenko M.A. The possibility of the impossible: past, present and future through the prism of dystopia (review of the third scientific conference “Utopian projects in the history of culture”) // Voprosy filosofii. 2021. No. 8. pp. 213–218. (In Russ.)
10. Paniotova T.S., Korenevsky A.V. (Not)timely thoughts and judgments about the pragmatics of utopias // Dialogue with time. 2019. No. 68. pp. 404–413. (In Russ.)
11. Sventohovskij A. History of Utopias. Moscow: V.M. Sablin, 1910. 427 p. (In Russ.)
12. Suslov M.D. Utopia as a subject of modern research in the West and in Russia // Bulletin of the Russian State

- Humanitarian University. Series: Literary Studies. Linguistics. Culturology. 2013. №7 (108). pp. 34–41. (In Russ.)
13. Chertkova E.A. Specificity of utopian consciousness and the problem of the ideal. In: *Ideal, utopia and critical reflection*. Moscow: ROSSPEN, 1996. Pp. 156–188. (In Russ.)
  14. Shestakov V.P. Utopia as a problem of the Russian mentality // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2012. №4 (9). pp. 6–9. (In Russ.)
  15. Jacoby R. *Picture Imperfect. Utopian Thought for an Anti-Utopian Age*. New York, Columbia University Press. 2005. 211 p.
  16. Levitas R. *The Imaginary Reconstitution of Society: Utopia as Method // Utopia Method Vision: The Use Value of Social Dreaming* / ed. by T. Moylan and R. Baccolini. Oxford, Peter Lang. 2011. Pp. 47–68.
  17. Ruyer R. *L'utopie et les utopistes*. Paris. PUF. 1950. 293 p.

*

Поступила в редакцию 27.08.2022

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА МОДЕРНА КАК «ПЕРЕКРЕСТОК» ЗАПАДНЫХ И НЕЗАПАДНЫХ УТОПИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

УДК 1(091):130.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-63-74>

А. И. Пигалев

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

e-mail: pigalev@volsu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу соприкосновения и взаимодействия утопий модерна с более ранними утопиями, присущими российской культуре до распространения западных утопических проектов. В общем случае идеология модерна, выйдя за пределы места своего появления, оказывала влияние не только на свои отставшие внутренние области, но и на общества, с которыми соседствовала, которые точно так же считались отсталыми и должны были ждать своей очереди на модернизацию. Подчеркивается, что западные утопические нарративы в качестве сопутствующего элемента модернизации по образцу уже состоявшегося модерна, столкнувшись с незападной утопической традицией, не могли не вызвать реакцию против внешних влияний. Исходя из этого, в первую очередь рассматриваются репрезентации власти при чередовании больших и малых утопических нарративов. Последующее исследование исходит из того, что модернизация в общем виде порождает синкретические утопические образы, которые, однако, часто опираются на архаические чаяния и противостоящие модерну представления. Этот синкретизм, сочетая модерн с традицией на «перекрестках» обществ модерна и премодерна, иногда приобретал привкус дистопии, но чаще он сводился к примирению некоторых противоположностей. Именно инклюзивный синкретический утопизм стал средством как отрицания, так и выборочного принятия новых форм культуры. В России такой синкретический утопизм реализовался на короткий срок в промежуточной области между крестьянской и модернизированной культурой и стремился сохранить основные черты изначальной культурной идентичности.

Ключевые слова: утопия, традиция, модерн, российская культура, тождество, различие, диалектика, софиология, синкретизм.

Для цитирования: Пигалев А.И. Российская культура модерна как «перекресток» западных и незападных утопических традиций // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 63-74. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-63-74>

RUSSIAN CULTURE OF MODERN AS A «CROSSROADS» OF WESTERN AND NON-WESTERN UTOPIAN TRADITIONS

ПИГАЛЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры философии и теории права Института права Волгоградского государственного университета
PIGALEV ALEXANDER IVANOVICH – DSc in Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Department of Philosophy and Legal Theory of the Institute of Law, Volgograd State University

© Пигалев А.И., 2022

Alexander I. Pigalev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
e-mail: pigalev@volsu.ru

Abstract: The paper is devoted to the analysis of the encounter and interaction of utopias of modernity with the earlier utopian tradition that was inherent in Russian culture before the dissemination of western utopian projects. In the general case the ideology of modernity, having exceeded the bounds of its natal place, influenced not only on its own backward inner spheres, but also on neighboring societies which were in exactly the same way considered to be backward and had to queue up for modernization. It is emphasized that the western utopian narratives as an accompanying element of the modernization guided by examples of already established modernity, having encountered with non-Western utopian tradition, could not but trigger a reaction against the extraneous influences. Hence, the representation of power during the alternation of grand and little utopian narratives is analyzed beforehand. The following scrutiny proceeds from the assumption that the modernization in the general case gives rise to the syncretic utopian imagination which, however, often relies on the archaic hopes and anti-modernist apprehensions. That syncretism, having combined modernity with tradition at a “crossroads” of modern and premodern societies, sometimes had dystopian flavor, but more often it boiled down to the reconciliation of certain opposites. Just the inclusive syncretic utopianism became a means of both rejection and selective acceptance of the new forms of culture. In Russia such syncretic utopianism came true for a short while as an existing in a borderland between peasant and modernized cultures and sought to retain the incipient cultural identity.

Keywords: utopia, tradition, modernity, Russian culture, identity, difference, dialectics, sophiology, syncretism.

For citation: Pigalev A.I. Russian culture of modern as a “crossroads” of western and non-western utopian traditions. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 63-74. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-63-74>

Даже в своих зрелых формах утопическое сознание обуславливается многими социокультурными факторами и взаимодействует как со своей, породившей его культурой, так и с культурами, которые существенно отличаются от нее, включая присущие именно им утопические традиции, тенденции и проекты. При этом по своему изначальному смыслу термин «утопия» всегда указывает на некоторую область пространства и времени, появление которой лишь иногда неизбежно. Чаще всего, оно становится возможным при наличии особых предпосылок, выполнении определенных условий и целенаправленного приложения усилий. При этом область пространства и времени, предсказываемая утопией, характеризуется не столько содержанием, которое в ней находится, сколько структурой этого содержания.

Поскольку утопия предлагает определенную модель совершенного человеческого общества, с ней связывается тип созданного

людьми общественного единства, которое в соответствии с теми или иными критериями, обусловленными культурой, признается *совершенным*. При этом следует, однако, учитывать, что совершенство может быть связанным либо с прошлым («золотой век»), которое уже не существует, либо с будущим, которое еще не наступило. В обоих случаях достижение идеального, совершенного состояния общества предполагает, что оно будет достигнуто либо само собой в соответствии с некоторым провиденциальным планом, либо только после приложения целенаправленных усилий людей.

Связь утопии с другими утопиями может описываться и осмысляться по-разному, но в современной философии существует уже достаточно разработанный теоретический аппарат и соответствующая терминология, выражающая эту связь в понятиях. Речь идет о понятии «нарратив» – «повествование»,

«рассказ» (от лат. *narrare* – «рассказывать», «повествовать», «сообщать»). Оно обозначает повествовательные структуры («рассказы»), которые характеризуют динамику смыслов и их системные связи в различные исторические периоды [6]. Общезначимые нарративы позволяют человеку понять окружающий мир и, придавая опыту одинаково понимаемый всеми смысл, делают возможной осмысленную деятельность и коммуникацию.

В общем случае важную роль играет разделение нарративов на большие и малые, причем общезначимыми или универсальными и, следовательно, главными являются именно первые. Иначе говоря, большие нарративы управляют способами репрезентации действительности, которые доступны социальным структурам, производящим и поддерживающим малые нарративы. Не менее существенна и связь нарративов с теми процессами, которые объединяет людей и проявляются в особенностях *социальной связи*. Соответственно, можно констатировать, что в силу своих всемирно-исторических, глобальных притязаний утопия – это потенциально большой, но до своего осуществления малый и альтернативный по отношению к существующему общественному устройству нарратив.

Такой нарратив должен быть отнесен к утопии, потому что, с точки зрения его авторов и сторонников, он еще не был легитимирован и не вступил в силу. С точки зрения противников утопии, она должна считаться лишь ложным, нелегитимным знанием (в форме малого нарратива), которое никогда не может быть легитимировано. Первоначально утопия не может не быть малым нарративом, но лишь до того момента, в который утопии удастся осуществиться. Опираясь на исторический опыт, нельзя не заметить, что реализоваться могут даже те утопии, которые кажутся совершенно нереалистическими сценариями будущего.

Как констатировал Н. А. Бердяев, «утопии гораздо более осуществимы, чем это кажется. Самые крайние утопии оказывались актуальнее и в известном смысле реалистич-

нее, чем умеренно-разумные планы организации человеческих обществ. Средние века в христиански трансформированном виде осуществляли утопию Платона. Нет ничего утопичнее теократии, но теократические общества и теократические цивилизации были осуществлены и на Западе, и на Востоке. Все большие революции доказывают, что именно радикальные утопии реализуются, более же умеренные идеологии, которые казались более реалистическими и практическими, низвергаются и не играют никакой роли» [1, с. 124].

Осуществившись, утопия перестает быть и альтернативным, и малым, и подчиненным нарративом, занимая господствующее положение в качестве уже большого нарратива и становясь новым источником общезначимых смыслов соответствующей культуры. В то же время, знание условий реализации утопии и возможность для носителей господствующего большого нарратива влиять на них контролируемым образом позволяет избежать ее наступления. Это противодействие оказывается особенно эффективным тогда, когда будущее для большей части общества начинает выглядеть уже не как утопия в ее изначальном смысле чаемого будущего, а как пугающая и нежелательная дистопия [9].

Открывающаяся неизбежность (или хотя бы возможность) связанных с такими прогнозами или проектами общественно-исторических катастроф означает еще одно изменение смысла утопии. Стимулом изменения изначального смысла утопии на противоположный является очевидный провал утопических ожиданий, демонстрирующий их неосуществимость, синонимом которой и становится понятие «утопичность» со всеми его отрицательными коннотациями. Утопия после краха связанных с нею ожиданий становится знанием не желаемым, но сомнительным и, в конечном счете, порицаемым и отрицаемым. При этом понятия «утопия» и «утопичность» становятся обозначениями ущербности и неосуществимости соответствующих нарративов в качестве сценариев будущего.

Такое изменение смысла утопии существенно понижает ее статус в общей иерархической системе знания: утопический дискурс, обусловленный этим изменением, неотвратимо превращается из большого нарратива в малый нарратив, который, к тому же, считается выражением ложного знания и даже незнания. После изменения смысла понятия утопии она относится к низшим уровням иерархии знаний, либо вообще выводится за ее пределы. В итоге цикл изменения статуса утопических проектов характеризуется переходом от создания утопии в качестве малого нарратива к ее превращению в большой нарратив и, в случае краха, ее возвращением к статусу малого нарратива, который, однако, отягощен дополнительными отрицательными коннотациями.

Идентичность утопии в качестве знания, утратившего свой высший статус, явным образом ставшего «утопическим» («нереалистическим», «неосуществимым») и вследствие этого – подчиненным, определяется не ее устойчивой сущностью, а подвижным различием, отделяющим ее от остального знания. В этом состоянии утопия чаще всего не имеет собственного голоса и не может репрезентировать себя, используя для этого свой собственный язык. В качестве подчиненного знания она репрезентируется исключительно через посредство господствующего знания, представляя именно в виде соседствующего с этим знанием образа подчиненного и безмолвного Другого.

Соответственно, важной задачей исследования такой утопии становится анализ динамики взаимоотношений с ней господствующего знания, истина и высший статус которого до определенного момента не вызывает сомнений. Особый интерес эта динамика имеет тогда, когда знание, противопоставляемое утопии, само – вопреки всем надеждам и ожиданиями – начинает обнаруживать утопические черты. Именно такие превращения происходят при взаимодействии культуры модерна и культур, идентичность которых основывается на традиции, остававшейся неизменной в течение очень долгого времени,

но затем начинает меняться под воздействием процессов модернизации.

В проблеме взаимодействия культур соприкосновение с модерном культур, преимущественно традиционных, имеет особое значение. Особенностью модерна является то, что он рассматривает себя в качестве универсального проекта, и его идеология изначально понимается как большой нарратив. Поэтому, однажды возникнув, модерн не остается в своих прежних границах и начинает распространяться, активно взаимодействуя с другими культурами. В этом процессе он стремится разрушить традицию и с помощью модернизации реформировать все традиционные культуры по своему образцу, который не слышит утопией именно вследствие приписываемого ему универсализма и уже имевшей место реализации, которая считается удачной.

В этом процессе идеология модерна, соприкоснувшись с традицией, относит все традиционные формы устройства общества к утопиям, разоблаченным ею уже одним фактом своего существования в качестве универсального проекта. Между тем универсализм самого проекта модерна оказывается под вопросом после достижения им состояния «смерти Бога» на поздней стадии своего развития. Это состояние иначе описывается как нигилизм и характеризуется отрицанием абсолютной и поэтому единственной точки зрения на действительность. Именно после достижения этого состояния в качестве начала саморазрушения универсализма модерна появляются первые признаки постмодерна. При этом модерн сталкивается с тенденцией интерпретации своей сущности в качестве теоретического обоснования столь же утопического или, точнее, дистопического проекта, каким он сам считал все предшествовавшие ему проекты.

Это означает, что модерн перестает быть большим нарративом и внутри модернизируемой культуры начинает превращаться лишь в один из многих малых нарративов, однако уже *при отсутствии большого нарратива*. В результате модернизируемая культура начинает выглядеть как «перекресток» изначально

ных, традиционных и привнесенных в процессе модернизации, утопических традиций, ни одна из которых в исторической ретроспективе модернизируемой культуры не имела шансов стать господствующей. В этом отношении история модернизации русской культуры не является исключением.

Особого внимания заслуживает тот поздний этап взаимодействия модерна с традицией в российской культуре, который начался в 1917 г. после победы в стране социалистической революции. Эта победа, подавив прочие возможности, привела к неизбежной, опосредованной, но выборочной модернизации, проходившей в процессе форсированной индустриализации. Такая модернизация имела результатом лишь частичную вестернизацию, которая, однако, не затрагивала фундаментальные принципы недавно установившейся, особым образом интерпретированной марксистской идеологии, по своему происхождению, бесспорно, западной. Соответствующая модель будущего выступала в качестве продукта науки и не была непосредственно связана с домарксистскими проектами коммунизма, которые уже самими основоположниками марксизма однозначно относились к утопии.

Не менее существенно и то, что в таком анализе не затрагивались разнообразные и многочисленные утопии, которые уже существовали в общественном сознании и народном бессознательном тогдашней России. Если говорить о главных сценариях будущего, то следует указать на народные, крестьянские, по своей сущности принципиально незападные утопии, определяющие отечественную утопическую традицию. Эти опирающиеся на свою культуру утопические ожидания заявили о себе в разных формах, но наиболее выразительно были выражены в творчестве так называемых новокрестьянских поэтов (Н. А. Клюева, С. А. Есенина, С. А. Клычкова и других, в настоящее время менее известных). Таким образом, незападная утопическая традиция была представлена не столько теоретически, философски, сколько поэтически, художественно.

В то же время было бы ошибкой думать, что крестьянское утопическое сознание в России было чисто языческим или сектантским. Оно было, скорее, синкретическим, совмещающим различные элементы, включая в себя и христианские представления. Известные из истории отечественной культуры социальные утопии, как пишет С. Д. Домников, «<...> отражают тип своего рода “народно-христианского” мировоззрения, в котором языческие и христианские мотивы неразрывно переплетены в едином мировоззренческом комплексе. Причем каждому из религиозных направлений отведена определенная ниша: крестьянская жизнь как естественно-природный процесс осмысливается преимущественно в категориях языческого сознания, социальные же характеристики развития крестьянского общества оказываются сферой постепенного “освоения” христианством» [3, с. 431].

В то же время принадлежность этих представлений к утопической традиции, а не к истории религиозного сознания или истории идеологии, обуславливается теми ожиданиями или чаяниями, которые с ними неразрывно связаны и делают их сценариями, которые, как предполагается, должны осуществиться в истории. При этом процессы модернизации имели свои особенности в зависимости от того, происходит ли модернизация в государствах с небольшими или обширными территориями. Во втором случае, соответствующем России, из-за наличия огромных пространств имеются возможности для экстенсивного развития, которое достаточно эффективно защищает традицию от разрушительных внешних воздействий и приводит к обособлению общественных групп. В результате появляются многочисленные культурные разрывы, которые с ходом модернизации не только не сужаются, но, напротив, обнаруживают тенденцию к прогрессирующему увеличению [3, с. 447–450].

Иными словами, речь идет о появлении предпосылок выражения главных смыслов народного бессознательного посредством нескольких малых утопических нарративов.

Однако это не представляло опасности в условиях утверждавшегося большого марксистского нарратива. Крестьянская утопическая традиция стала опасной отнюдь не тогда, когда ее сущность была впервые артикулирована в качестве различных малых нарративов. Парадокс заключается в том, что в попытках легализации своего понимания культурной идентичности эти нарративы вынуждены были признать отсутствие у малых нарративов собственного голоса. Необходимо было использовать если не язык ставшего господствующим большого нарратива (в рассматриваемом случае – марксизма), то язык, через посредство которого язык марксизма более или менее явным образом подразумевался бы.

В то же время, несмотря на все свои различия, многообразные формы крестьянского утопического сознания опирались на общую для всех них традицию. В сущности, незападная утопическая традиция в России представляла собой понимание желаемой совершенной культурной идентичности как некое будущее состояние, которое еще должно состояться (Китеж-град, Беловодье), но которое при этом сохраняло бы некое смысловое ядро традиции неизменным. В этой связи примечательно, что один из наиболее ярких выразителей крестьянского утопического сознания Н. А. Клюев посвятил В. И. Ленину не одно или несколько отдельных стихотворений, а целый цикл. Клюев обнаруживает у Ленина, в частности, «керженский дух» и «игуменский окрик в декретах» [5, с. 377]. Поэт сближает Ленина со старообрядчеством и находит основания для признания сходства крестьянского сознания с идеологией совершившейся социалистической революции.

Клюев славит «Красного Бога» [5, с. 379] и веру в него называет «львиной красной верой» [5, с. 379], призывает в нее креститься и, осознавая свою посредническую функцию, называет себя «послом от медведя к пурпурно-горящему Льву» [5, с. 408]. Наконец, он говорит об ощущении «<...> революции как величайшей красоты, мировой мистерии, как возношения чаши с солнечной

кровью во здравие кровной связи и гармонии со всеми мирами» [4, с. 146]. Между тем симпатии крестьянского утопического сознания к марксизму, довольно быстро становившемуся в России большим нарративом, могли основываться только на кажущемся совпадении главных интуиций (на самом деле, ошибочных или, скорее, обманчивых), которые касались будущего состояния человечества. Скорее всего, оснований для этих симпатий было больше, но сценарий достижения будущего совершенного состояния («гармонии») играет главную роль.

Марксистский коммунизм – как бесклассовое общество с общенародной собственностью на средства производства и полным социальным равенством – казался наиболее привлекательным для крестьянского утопического сознания и, вероятно, выглядел истинным и желанным царством свободы. Однако сближение крестьянского утопизма с марксизмом не было исключительно субъективным заблуждением и пониманием желаемого как действительного. Это сближение могло одинаково восприниматься (и действительно воспринималось) как объективный факт с разных идеологических позиций. Об этом свидетельствует, в частности, замечание такого тонкого и чуткого по отношению к нюансам наблюдателя, каким был немецкий писатель Томас Манн, хорошо знавший русскую культуру и проявлявший к ней неподдельный интерес.

При этом Томас Манн, описывая западную точку зрения на суть социалистической революции в России, выразил, как представляется, не только свое личное мнение. В 1922 г. он обратил внимание на то, что «западно-марксистский чекан, озаривший ясным светом великий переворот в стране Толстого (подобно всякому свету, озаряющему покров вещей), не мешает нам усмотреть в большевистском перевороте конец Петровской эпохи – западно-либеральствующей *европейской* эпохи в истории России, которая с этой революцией снова поворачивается лицом к Востоку. Отнюдь не европейски-прогрессистская идея уничтожила царя Николая. В нем уничто-

жили Петра Великого, и его падение расчистило перед русским народом путь не на Запад, а возвратный путь в Азию» [7, с. 598].

На уровне теории предпосылкой возможности сближения марксистской концепции коммунизма с крестьянским утопическим сознанием (и даже утопическим бессознательным) было и марксистское понимание связи нового со старым в процессе развития. Эта связь, как известно, описывается законом отрицания отрицания и предполагает повторение на высшей стадии развития свойств и черт низшей. При этом в марксистской диалектике считается, что старое повторяется лишь в новом и, таким образом, измененном виде. Однако при поверхностном понимании может возникнуть впечатление возможности возвращения именно к исходному состоянию. Это означает, что, допуская существование в прошлом некоторого «первобытного коммунизма», можно понимать его как прототип совершенного общественного устройства, которое должно быть восстановлено волевым усилием или возвратиться в неизменном виде в соответствии с законами истории.

Главное в так понимаемом утопическом совершенстве, предполагающем возвращение к архаике – гармоничное и, прежде всего, ненасильственное единение человеческого общества в качестве особенности социальной связи. На языке теории это предполагает указание на особую структуру межлических отношений, обеспечивающую культурное единство и, таким образом, культурную идентичность. В свою очередь, культурная идентичность невозможна без определенного решения общего вопроса об отношении к Другому – другому субъекту, другой культуре, чуждости вообще. В современной критике культуры модерна это предполагает однозначное понимание сущности различия и противоречия и, соответственно, способа соединения противоположностей в качестве *бинарных оппозиций* [10, с. 45–65].

Рассудочность бинаризма, его строгое следование логическим законам тождества и исключенного третьего означает безуслов-

ное отрицание даже частичной автономии Другого как противоположной стороны. Это указывает на неспособность увидеть идентичность Другого, либо, в лучшем случае, на тенденцию превращения Другого в копию Тождественного (как это описано в диалектике господина и раба у Гегеля). Именно осознание или, точнее, предчувствие неизбежности этого состояния в качестве результата исторического развития вызвало в России, как крестьянской стране, ожидаемую и устойчивую реакцию. Поэтому состояние «перекрестка» утопических традиций в России сначала ожидаемо выразилось в противостоянии крестьянского утопического сознания процессам модернизации и вестернизации.

Неприемлемыми в этих процессах считались социальный атомизм, индивидуализм, субъективизм, номинализм и материализм. Главное, что отторгалось с самого начала, причем, скорее всего, бессознательно – именно опора на бинарные оппозиции в понимании Другого и, следовательно, культурной идентичности. Однако марксистский коммунизм был вполне способен создать впечатление, что будущее общественное устройство должно основываться на непротиворечивых, инклюзивных способах ненасильственного объединения людей, которые выходят за рамки западной социально-политической и экономической традиции. В этом главная причина того, что после социалистической революции крестьянское утопическое сознание начинает парадоксальным образом сближаться с марксистской идеологией и тем самым – с западной социально-политической и экономической традицией в целом.

Это сближение не менее парадоксально проявилось в ярко выраженной активизации незападных утопических нарративов, которые исходили не из бинаризма, а из традиционного, мифологического, инклюзивного способа понимания различия и соединения противоположностей. Эта активизация и могла восприниматься как поворот «лицом к Востоку», с которым традиционно связываются инклюзивные формы единства (см.

о дискуссионных проблемах современных подходов к этой проблеме, в частности, в [11], [14], [15], [17], [18]). Сохраняя и подчеркивая эту тенденцию, крестьянское утопическое сознание не только не отвергло марксистскую идеологию, но и в течение некоторого времени демонстрировало стремление к слиянию с ней и тем самым – с западной традицией в целом.

Особенность такого образа будущего при понимании единства противоположностей в качестве небинарного (и тем самым инклюзивного) заключается в том, что Другому позволено быть рядом с Тожественным в качестве автономного, сосуществовать с ним. Это радикально отличается от того, что рассудочно-логический подход западных утопических традиций резко отделяет с помощью бинарных оппозиций. В результате соответствующее воображаемое общество будущего, не исключая Другого, но позволяющее ему сосуществовать рядом в качестве автономного, могло выглядеть ненасильственным и тем самым совершенным – в соответствии с критериями крестьянского утопического сознания. Обманувшись поверхностным сходством с марксистским идеалом, крестьянский утопизм властно заявил о себе, попытавшись поставить себя рядом.

Ситуация кажется более понятной, если рассмотреть ее с другой стороны и принять во внимание близость смягчающего резкие противоречия, инклюзивного единства крестьянских утопий со значительно более проработанными концепциями тогдашней отечественной философии, находившейся на раннем этапе своего развития. Ее смысловое ядро было явно ориентировано на концепцию соборности, «цветущей сложности», всеединства, что, в сущности, характеризует именно особое отношение к Другому. Это отношение переосмыслилось и обобщалось в софиологии как проекте инклюзивного единства. Софиология в отечественной философской традиции наиболее последовательно противостояла попыткам опереться на то, что В. С. Соловьев называл «отвлеченными

началами», принципиально важными для бинаризма философской традиции модерна.

Как писал С. Н. Булгаков, уделявший, наряду с П. А. Флоренским, особое внимание разработке концепций Софии и софийного единства, «чистый разум» преходящ, а его природа условна и относительна, – она связана с ограниченностью и условностью нашего восприятия мира вещей взаимно отталкивающихся, многого, которое не становится единым, а только объединяется и связывается. Разум и есть орудие такого объединения. Логическое единство разума соответствует внешнему, механическому единству мира. «Разум» философии не только не составляет высшего достижения в области софийного постижения мира, он есть вообще преходящая ступень. Он относителен, а не абсолютен, ибо мышление не есть Логос, а только логика, логика же преодолевается на высших ступенях проникновения в софийность мира» [2, с. 204–205].

Более того, Булгаков утверждал, что «логическое мышление соответствует лишь теперешнему, греховному, раздробленному состоянию мира и человечества, оно есть болезнь или порождение несовершенности. Достоевский в “Сне Смешного Человека”, произведении, поразительном по своему ясновидению, намекает на это металогическое мышление, свойственное безгрешному человеку» [2, с. 205]. Поскольку приведенные высказывания представляют собой выражение определенной позиции в связи с проблемами тождества, различия, противоречия и целостности, следует отметить, что у Булгакова, как, впрочем, и у В. С. Соловьева, Логос не противопоставляется Софии, не является полюсом бинарной оппозиции, а некоторым образом сочетается с нею.

Анализ в таком контексте позволяет сделать некоторые общие выводы, касающиеся взаимодействия утопических проектов в ходе соприкосновения традиционных культур с культурами состоявшегося модерна. При этом следует обратить внимание на характерную установку модернизируемой культуры, согласно которой бинаризм, предполагающий

напряженные отношения между полюсами бинарной оппозиции, не принимается безоговорочно. Бинаризм определенным образом переосмысливается, адаптируется и смягчается, в результате чего отдельные элементы традиционной культуры сохраняются.

Тогда, очевидно, появляется потребность в теоретическом обосновании возможности небинарного и тем самым, предположительно, ненасильственного соединения противоположностей. В этой связи нельзя не заметить, что именно с появлением острой необходимости в адаптации культуры уже состоявшегося модерна и ее компромиссного, возможно, даже синкретического сочетания с принципами традиционной культуры начинается резкая критика формальной логики, прежде немыслимая. Она проходит в атмосфере резко усилившегося интереса к новым формам диалектики, основные принципы которой возникли, как известно, очень давно, практически одновременно с философией.

В новоевропейской философии средством преодоления бинаризма культуры модерна стала именно переосмысленная диалектика, и особенно выразительными эти процессы были в Германии. Ее модернизация началась уже после того, как в Англии и Франции основные цели преодоления традиционной культуры были достигнуты, и она происходила под влиянием этих уже модернизированных культур. Что касается отечественной философской традиции, то можно утверждать, что, хотя русская философия также чаще всего противостояла бинаризму модерна, видящего повсюду резкие различия и противоречия, она также не отрицала эту культуру полностью. Однако в качестве альтернативы бинаризму отечественная философия, за редкими исключениями, обращается отнюдь не к диалектике в ее новоевропейских разновидностях.

Исходя из православного контекста, отечественная философия стремилась создать учение о слабо дифференцированном, невыразимом в строгих понятиях, *софийном* единстве, в котором, как и в диалектике, противоположности должны были разрешаться и при-

миряться. По сути, этим она артикулировала и выражала, в частности, интуицию ненасильственной социальной связи – совершенного общественного устройства, что было характерно для крестьянского утопического сознания. Этот сценарий будущего противостоял социальному атолизму, неустрашимой розни и жесткой конкуренции в качестве проявлений бинаризма. В этом смысле софиология пытается решать ту же задачу преодоления господства бинарных оппозиций, которую в западной философии решали новые формы диалектики.

Бинаризм присутствовал и в западной утопической традиции, в которой именно модерн выступал в качестве последней инстанции, решавшей, является ли то или иное социально-политическое (или экономическое) учение утопическим. Главным препятствием, поставившим под вопрос сохранение этой традиции в неизменном виде, стали первоначально осторожные, а затем все более настойчивые указания на возможность исчерпания самого проекта модерна. Они высказывались на фоне не подтверждавшихся и не подтвердившихся до сих пор прогнозов «конца истории». Заявление об исчерпании проекта модерна, выраженное как признание наступления эпохи постмодерна [16], закономерно ведет к предположению об утопичности того проекта, которому постмодерн пришел на смену.

В то же время заявления о возможной утопичности долгое время осуществлявшегося, но остающегося незавершенным проекта модерна [8], могут способствовать допущению возможности множества его разновидностей [12]. При этом все их следует считать равноценными. Такой итог является следствием того, что прежний дискурс западного модерна оказывается под угрозой утраты статуса большого нарратива не только в России. Он превращается лишь в один из дискурсов в неупорядоченном единстве малых нарративов в качестве «перекрестка». Таким образом, идеология постмодерна, на позднем этапе своего развития поставив под вопрос саму

возможность дальнейшего существования большого нарратива модерна, стерла границу между утопиями и проектами, которые считаются осуществимыми, включая сам модерн.

Особенность новой ситуации в культуре заключается в том, что философия постмодернизма выступает против бинаризма (наиболее выразительно в концепции деконструкции) точно так же, как и многие традиционные культуры в процессе взаимодействия с культурой модерна [13]. В обоих случаях это происходит путем размывания тождеств

и признание самодостаточности Другого. Однако такая инклюзивность, как считается, была присуща, в первую очередь, культурам, предшествовавшим модерну и еще не знавшим сложных механизмов дифференциации и опосредования. Вопрос заключается в том, всегда ли результатом преодоления бинаризма становится утопия возвращения к архаике с ее изначальной непосредственностью, или теоретически возможны и другие варианты. Это, очевидно, указывает на новые условия существования утопии.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека: Опыт персоналистической философии // Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря / Составл. и послесл. П.В. Алексева; Подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. Москва: Республика. 1995. С. 3–162.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения // Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 1 / Подг. текста, вступ. статья И.Б. Роднянской, коммент. В.В. Сапова, И.Б. Роднянской. Санкт-Петербург: ООО «ИНАПРЕСС»; Москва: Искусство. 1999. 416 с.
3. Домников С.Д. Мать-Земля и Царь-Город. Россия как традиционное общество. Москва: Алетейа. 2002. 672 с.
4. Клюев Н.А. Порванный невод // Клюев Н.А. Словесное древо. Проза / вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготов. текста и примеч. В.П. Гарнина. Санкт-Петербург: ООО «Издательство “Росток”». 2003. С. 145–150.
5. Клюев Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н.Н. Скатова, вступ. ст. А.И. Михайлова; сост., подготов. текста и примеч. В.П. Гарнина. Санкт-Петербург: РХГИ. 1999. 1072 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной психологии; Санкт-Петербург: Алетейа. 1998. 160 с.
7. Манн Т. Гете и Толстой. Фрагменты к проблеме гуманизма // Манн Т. Собрание сочинений. Т. 9 / Пер. с нем. Москва: Художественная литература. 1960. С. 487–606.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. Сост. А.В. Денежкин. Пер. с нем. Б.М. Скуратова. Москва: Праксис. 2005. С. 7–31.
9. Claeys G. Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. Oxford, UK: Oxford University Press, 2017. XII, 556 p.
10. Currie M. Difference. London; New York: Routledge. 2004. X. 145 p.
11. Dorter K. Can Different Cultures Think the Same Thoughts?: A Comparative Study in Metaphysics and Ethics. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2018. X, 276 p.
12. Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden; Boston, MA: Brill. 2003. Part I–II. Part I. XII, 488 p. Part II. VIII, 489–1055 p.
13. McCort D. Going beyond the Pairs: The Coincidence of Opposites in German Romanticism, Zen, and Deconstruction. Albany, NY: The SUNY Press. 2001. X, 224 p.
14. Nisbett R.E. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently . . . and Why. London; Boston, MA: Nicholas Brealey Publishing. 2005. XXIV. 263 p.

15. *Seaford R.* The Origins of Philosophy in Ancient Greece and Ancient India: A Historical Comparison. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 2020. XIV. 369 p.
16. *Sim S.* The End of Modernity: What the Financial and the Environmental Crisis is Really Telling Us. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2010. XII. 220 p.
17. The Psychological and Cultural Foundations of East Asian Cognition: Contradiction, Change, and Holism / Ed. by J. Spencer-Rodgers, Kaiping Peng. New York: Oxford University Press. 2018. XXII. 638 p.
18. Worldviews and Cultures: Philosophical Reflections from an Intercultural Perspective / Ed. by M. Note et al. Berlin et al.: Springer. 2009. VI. 211 p.

References

1. Berdyaev N.A. On Slavery and Freedom of Man: An Essay in Personalistic Philosophy. In: Berdyaev N.A. The Realm of Spirit and the Realm of Caesar. Compil. and afterword by P.V. Alekseyev, prepress and annotations by R.K. Medvedeva. Moscow, Respublika Publishers, 1995. Pp. 3–162. (In Russ.)
2. Bulgakov S.N. The unfading light: contemplations and speculations. In: Bulgakov S.N. Preimage and image, works in 2 vols, vol 1, prepress and intro. by I.B. Rodnyanskaya, annotations by V.V. Sapov and I.B. Rodnyanskaya, St. Petersburg, Inapress Publishers Ltd., Moscow, Iskusstvo Publishers, 1999. 416 p. (In Russ.)
3. Domnikov S.D. Mother earth and Tsar-city: Russia as a traditional society, Moscow, Aleteia Publishers, 2002. 672 p. (In Russ.)
4. Klyuev N.A. The torn seine. In: Klyuev N.A. The word tree. The prose, intro. by A.I. Mikhailov, compil., prepress and annotations by V.P. Garnin. St. Petersburg, Rostok Publishers Ltd., 2003. Pp. 143–150. (In Russ.)
5. Klyuev N.A. The heart of the Unicorn: rhymes and poems, foreword by N.A. Skatov, intro. by A.I. Mikhailov, compil., prepress and annotations by V.P. Garnin. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Academy for the Humanities, 1999. 1072 p. (In Russ.)
6. Lyotard J.-F. The Postmodern condition. Translated from French by N.A. Shmatko. Moscow, Publishing House of the Institute for the Experimental Psychology, St. Petersburg, Aleteia Publishers, 1998. 160 p. (In Russ.)
7. Mann T. Goethe and Tolstoy. The fragments on the problem of humanism, in: Mann T. Collected works, vol. 9. Translated from German. Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1960. Pp. 487–606. (In Russ.)
8. Habermas J. Modernity: an unfinished project, in: Habermas J. Political works, compil. by A.V. Denezhkin, translation from German by B.M. Skuratov. Moscow, Praxis Publishers, 2005. Pp. 7–31. (In Russ.)
9. Claeys G. Dystopia: A Natural History: A Study of Modern Despotism, Its Antecedents, and Its Literary Diffractions. Oxford, UK, Oxford University Press, 2017. XII, 556 p.
10. Currie M. Difference. London, New York, Routledge, 2004. X, 145 p.
11. Dorter K. Can Different Cultures Think the Same Thoughts?: A Comparative Study in Metaphysics and Ethics. Notre Dame, IN, University of Notre Dame Press, 2018. X, 276 p.
12. Eisenstadt S.N. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden, Boston, MA, Brill, 2003. Part I–II. Part I. XII, 488 p. Part II. VIII, 489–1055 p.
13. McCort D. Going beyond the Pairs: The Coincidence of Opposites in German Romanticism, Zen, and Deconstruction. Albany, NY, The SUNY Press, 2001. X, 224 p.
14. Nisbett R.E. The Geography of Thought: How Asians and Westerners Think Differently . . . and Why. London, Boston, MA, Nicholas Brealey Publishing, 2005. XXIV, 263 p.
15. *Seaford R.* The Origins of Philosophy in Ancient Greece and Ancient India: A Historical Comparison. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 2020. XIV, 369 p.
16. *Sim S.* The End of Modernity: What the Financial and the Environmental Crisis is Really Telling Us. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2010. XII, 220 p.

17. The Psychological and Cultural Foundations of East Asian Cognition: Contradiction, Change, and Holism, ed. by J. Spencer-Rodgers, Kaiping Peng. New York, Oxford University Press, 2018. XXII, 638 p.
18. Worldviews and Cultures: Philosophical Reflections from an Intercultural Perspective, Ed. by M. Note et al. Berlin et al., Springer, 2009. VI, 211 p.

*

Поступила в редакцию 28.08.2022

КОНТУРЫ РОССИЙСКИХ УТОПИЙ, ИЛИ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ПОЗИТИВНЫМИ И НЕГАТИВНЫМИ ВООБРАЖАЕМЫМИ МИРАМИ

УДК 316.754, 82-1/9

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

И. В. Желтикова

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, Орел, Российская Федерация
e-mail: inga.zheltikova@gmail.com

Аннотация: Проблема различения утопии и антиутопии – это в первую очередь проблема принятия или неприятия смоделированного писателем или философом мира. При таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический. На примере российских утопий, начиная с 18 века и до современности, демонстрируются три подхода к оценке социальных моделей: внутренний, авторский и читательский. Внутренний подход предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми. В этом случае при антиутопической модели герои заявляют свое несогласие с существующим порядком вещей, противопоставят ему. Внешний подход строится на читательской или авторской оценке описываемой реальности, при этом авторская позиция чаще всего демонстрируется при помощи иронии и сарказма, а читательская оценка никак не выражается в самом тексте произведения.

Ключевые слова: утопия, антиутопия, российские утопии, критерий оценки.

Для цитирования: Желтикова И.В. Контуры российских утопий, или границы между позитивными и негативными воображаемыми мирами // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 75-85. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

THE OUTLINE OF RUSSIAN UTOPIAS OR BOUNDARIES BETWEEN POSITIVE AND NEGATIVE IMAGINARY WORLDS

Inga V. Zheltikova

Orel State University named after I. S. Turgenyeva, Orel, Russia
e-mail: inga.zheltikova@gmail.com

Abstract: The problem of distinguishing between utopias and anti-utopias is primarily the problem of acceptance or rejection, modeled by a writer or philosopher of the world. The question of who exactly evaluates the fictional world as utopian or dystopian remains open in this approach. The author of the article demonstrates three approaches to assessing social models – internal, author's and reader's. As an example, consider Russian utopias of the 18th–21st centuries. That the world of utopia/dystopia is evaluated by the people

---

ЖЕЛТИКОВА ИНГА ВЛАДИСЛАВОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева

ZHELTIKOVA INGA VLADISLAVOVNA – CSc in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies of Orel State University named after I. S. Turgenyeva

© Желтикова И.В., 2022

who inhabit it. In this case, with a dystopian model, the characters declare their disagreement with the existing order of things, oppose it. The external approach is based on the reader's or the author's assessment of the described reality, while the author's position is most often demonstrated with the help of irony and sarcasm, and the reader's assessment is not expressed in any way in the text of the work.

Keywords: utopia, dystopia, Russian utopias, evaluation criteria.

For citation: Zheltikova I.V. The outline of Russian utopias or boundaries between positive and negative imaginary worlds. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 75-85. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-75-85>

Введение

В этой статье речь пойдет об утопическом дискурсе, концептуализация которого, как и подходы к его изучению, несмотря на длительную историю исследования, остаются обсуждаемыми научными проблемами. В современном русском языке слово *утопия* и производные от него употребляются более чем в пятнадцати различных значениях [9]. Как объект изучения утопия интересует *литературоведов*, стремящихся выявить жанровые признаки и видовое разнообразие утопических произведений [24], политических и социальных *философов*, изучающих «утопическое» и «утопизм» как особую мировоззренческую установку, противостоящую реализму [19] и научному мышлению [6], *футурологов*, видящих в утопических проектах попытки моделирования будущего, *историков*, изучающих появление утопических настроений в конкретный временной период в определенной социальной среде, *архитекторов*, проектирующих городскую среду и изучающих историю моделирования городского пространства.

Здесь мы будем говорить об утопии как о построении идеальной социальной модели, находящей выражение по преимуществу в литературных текстах. Мы согласны с Негли Г. и Патриком Д. в понимании утопии как размышления о социальном и политическом устройстве совершенного общества [24]. Мы видим в утопии социальный феномен, появляющийся в позитивных коллективных ожиданиях, связанных с возможностью установления оптимального общественного порядка, существования мира, близкого к идеалу [10].

Мы обращаемся в этом небольшом исследовании к проблеме границ, которые разделяют утопии и противоположные им произведения.

Эта тема вызвала и продолжает вызывать живой интерес в связи с тем, что напрямую касается социального функционирования утопии. Для нас важно видеть в утопии не просто фантазирование и теоретизирование по поводу возможных миров, не просто поиск социального идеала, а саморефлексию социума, осознание проблем коллективного общежития, возможности наступления такого социального порядка, который если бы и не демонстрировал лучший из возможных миров, то был бы максимально приближен к этому состоянию. Неслучайно в классических утопиях критика существующего строя служит прологом к описанию идеального общества. Автору важно не только смоделировать идеал, но и объяснить, почему предложенный вариант мира лучше, чем имеющийся. По этой же причине мы считаем, что антиутопии имеют ту же природу, что и утопии: это тоже результат моделирования миров, только автор антиутопии идет от противного и объясняет, чего не должно быть в обществе, стремящемся к идеалу.

На данный момент в исследованиях утопического дискурса – наряду с термином «утопия» – употребляется ряд терминов для маркировки произведений, изображающих мир, противоположный утопическому: «негативная утопия», «дистопия», «антиутопия», «какотопия», «контрутопия» и «роман-предостережение». Многие авторы обращаются к разграничению значений этих терминов, высказывая аргументы в пользу своей интер-

претации. Так, Э. Я. Баталов считает, что в основание субжанровой классификации должно быть положено позитивное или негативное отношение самого автора к описываемому обществу [3]. Он предлагает называть «утопией» первичное авторское моделирование совершенного общества, «контрутопией» считать проект, создаваемый в оппозицию к утопическому, но необязательно изображающий несовершенное общество, а вот заведомо нежелательное, но возможное общество определять как «негативную утопию». В ней Баталов и его последователи различают «дистопию» – сатирическое изображение традиционных для утопий социальных порядков, «какотопию» – оригинальный вариант «плохой страны».

Э. Я. Араб-Оглы [2] считает целесообразным различать «позитивные утопии», «утопии негативные» и «антиутопии». В антиутопии демонстрируется практическая реализация утопических проектов, указывается их сущностное противоречие человеческой свободе.

Е. Щацкий [21] и Б. А. Ланин [7] используют все эти термины как синонимы английскому термину «дистопия». Ланин выделяет десять черт, характеризующих антиутопический дискурс, к числу которых относится и антитеза утопии, и высмеивание утопических идеалов (карнавальность, аллегоричность), и самостоятельное моделирование несовершенного общества [8, с. 38–161].

Советские фантасты братья Стругацкие считают, что правильнее говорить не об антиутопии, а о «романе-предостережении» [17]. Этот термин более соответствует произведениям, авторы которых изображают несовершенное мироустройство, поскольку они делают это не для того, чтобы убедить читателя в том, что в таком обществе плохо жить, а для того, чтобы дисгармоничная модель не была реализована в действительности.

Как можно заключить, разница в трактовке терминов для обозначения картины реальности, противоположной утопической, возникает в связи с конкретными исследовательскими целями. Для нас проблема различения утопии и ее противоположности – это

в первую очередь проблема позитивного или негативного моделирования социума. В позитивном варианте автор сосредотачивает свое внимание на возможности бесконфликтного общества и его конфигурации, в негативном размышляет о проблемах и препятствиях при создании идеального социального порядка. Именно поэтому мы будем придерживаться общего термина «антиутопия» для обозначения всего комплекса моделей неидеального общества. В этой статье мы предлагаем сосредоточиться на таком аспекте различения утопии и ее противоположности, как принятие или неприятие смоделированного писателем или философом мира. Именно этот ракурс позволяет оценить социальное моделирование с интересующей нас позиции. Однако при таком подходе остается открытым вопрос о том, кто именно оценивает вымышленный мир как утопический или антиутопический: сами населяющие мир герои, автор или читатель?

Многие исследователи утопий полагают, что утопии непременно изображают статический [1; 20], застывший [7] в своем совершенстве мир, а в антиутопиях обязательно присутствуют герои, чей конфликт с существующим социальным порядком обнаруживает для читателя недопустимость описываемых отношений [13]. Однако можно назвать целый ряд произведений, которых особенно много в русской литературе, чьи миры достаточно подвижны, но сохраняют близость к идеалу; в других же герои не вступают в конфликт с окружающей их реальностью и только авторские комментарии (иногда вкладываемые в уста «наблюдателя») указывают читателю на антиутопический характер представленной картины.

Мы предлагаем для маркировки произведения как утопического или антиутопического использовать оценку смоделированного мира с трех позиций: во-первых, с позиции самих населяющих воображаемый мир людей (внутренняя оценка), во-вторых, с позиции автора, дающего оценку описываемого мира (авторская оценка), в-третьих, с учетом возможной оценки общественной модели читателями (внешняя оценка).

Материалы и методы

Основной задачей, стоящей перед нами, является подтверждение гипотезы о приемлемости и эвристической состоятельности предложенной нами оценки утопических произведений. В процессе работы мы опирались на герменевтический анализ текстов, подбор которых осуществлялся на основании присутствия в содержании социального моделирования в качестве одной из центральных тем. Аналитико-синтетический метод позволил нам выделить в текстах социально-политическую проблематику и аксиологический аспект для обнаружения внутренней оценки воображаемых миров. Сравнительный и исторический анализ были использованы при выявлении читательской оценки социальных моделей.

В качестве материала для анализа мы остановились на российских утопиях, написанных в период с 18 века до современности. В число этих произведений вошли следующие: «Путешествие в землю Офирскую г-на С. шведского дворянина» М. М. Щербатова (1784), «Сон» А. Д. Улыбышева (1819), «Правдоподобные небылицы, или Странствие по свету в ХХІХ веке» Ф. В. Булгарина (1824), «Город без имени» (1839), «4338-й год» (1840) и «Последнее самоубийство» (1844) В. Ф. Одоевского, «Что делать?» Н. Г. Чернышевского (1836), «Ночь перед свадьбой, или Грузия через 1000 лет» (1845) и «Тарантас» В. Ф. Соллогуба (1845), «В мире будущего» Н. Н. Шелонского (1892), «Рай земной или Сон в зимнюю ночь. Сказка-утопия ХХVІІ века» К. С. Мережковского (1903), «Красная звезда» (1908) и «Инженер Мэнни» (1910) А. А. Богданова, «Республика Южного Креста» В. Я. Брюсова (1906), «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» А. В. Чайнова (1920), «Мы» Е. Замятина (1920), «Котлован» А. П. Платонова (1930), «Час Быка» (1957) и «Туманность Андромеды» (1968) И. А. Ефремова, «Полдень 21 век» (1962), «Попытка к бегству» (1962), «Обитаемый остров» (1969), «Гадкие лебеди» (1987), «Град обреченный» (1989) А. и Б. Стругацких, «Сто лет тому впе-

ред» (1978) и «Поселок» (1980) К. Булычева, «Москва 2042» В. Н. Войновича (1986), «Геном» (1999) и «Танцы на снегу» (2001), «Звезды холодные игрушки» (1997) и «Звездная тень» (1998) С. Лукьяненко, «Кысь» (2000) Т. Н. Толстой, «День опричника» (2006), «Сахарный кремль» (2008) и «Теллурия» (2013) В. Г. Сорокина, «Другой путь» Б. Акунина (2013). Конечно, представленный список не выглядит оптимальным и может быть изменен как в сторону расширения, так и сужения. При его формировании для нас важным было наличие в анализируемом произведении описания социального устройства и размышлений о его идеальности или, напротив, недопустимости.

Социальная модель глазами героя произведения

Рассматривая избранные произведения с первой позиции, то есть «глазами их героев», мы видим, что большинство вышеперечисленных произведений могут считаться утопиями, поскольку жители вымышленных миров не просто не приходят в противоречие с социальной действительностью, но и часто специально подчеркивают оптимальность существующего порядка. Приятно удивлен социальной гармонией и разумными законами неведомого общества и мудростью его правителя гость земли Офирской: *«Если чем она и достойна примечания – сие есть: мудрым учрежденным правлением, в коем власть государская соображается с пользою народною, ... в коем законы соделаны общим народным согласием, ... правительств немного и многочисленно, но и дел мало, ибо внушенная с детства в каждого добродетель и зачатия их не допускает; в коем вельможы не пышные, не сластолюбивые, искусные, трудолюбивые, похвальное честолюбие имеют соделать счастливыми подчиненных им людей»* [23, с. 26–27]. Не отстает от «г-на С. шведского дворянина» и Бенедикт, житель постапокалиптического Кузмичевска, тоже радующийся мудрости своего правителя: *«Есть у нас малые мурзы, а Федор Кузьмич, – слава ему, – Набольший Мурза, долгих лет ему жизни. Кто сани*

измыслил? Федор Кузьмич. Кто колесо из дерева резать догадался? Федор Кузьмич. Научил каменные горшки долбить, мышей ловить да суп варить. Дал нам счет и письмо, буквы большие и малые, научил бересту рвать, книги шить, из болотной ржавы чернила варить, палочки для письма расщеплять и в те чернила макать. Научил лодки-долбленки из бревен мастерить и на воду спускать, научил на медведя с рогатиной ходить... Только медвежью шкуру да мясо взять себе не могли: малые мурзы зорко надзирают. Не дело простому голубчику медвежью шкуру носить. И то понять надо: как же мурзе без шубы в саях ездить? Живо обморозится. А мы пешком бегаем, нам жарко...» [18, с. 18].

Технические новшества видятся залогом социального благополучия не только путешественникам в светлое будущее из «Сна» Улыбышева, «4338-го года» Одоевского, но и построссийским гражданам «Сахарного Кремля» и «Теллурии» Сорокина. «В мире будущего» Шелонского наука выступает освобождающей социальной силой. По словам Николая Атоса, жителя 2892 года, «*фабричное производство было необходимо потому, что человек не умел сам производить для себя все необходимое. Через это люди вынуждены были обмениваться услугами... Следствием этого было неравенство между людьми: одни более работали для других, чем эти последние для них. Наш принцип несколько иной: каждый человек сам производит для себя все, что ему надо. Он независим, он свободен*» [22]. В «Теллурии» Сорокина генная инженерия, информационные технологии тоже сделали гигантский шаг вперед, только это никак не отразилось на социальном порядке. В одной из новелл от лица меленькой девочки рассказывается о преимуществах использования в сельском доме мощного планшетного компьютера – «колобка»: «*Семье колобок помогает: папане – цены правильные на древесный уголь подскажет да где лучше продать, мамане – где лучше ситца прикупить, дедуле с подагрой да с табачком подсобит... А когда дедуля младшему братику Ване новые лапотки плести затеял,*

колобок указал, где лучше лыко драть. Да деда и удивил. Всю жизнь дед драл в Горелой роще, а колобок его в Панинскую падь направил. Чертыхнулся дед, но пошел – это ж на версту ближе, да токмо лип там сроду не росло, один ивняк да орешник. Пришел, глянул, ахнул: маленький островок из липок молоденьких подрост посередь кустарника. Надрал дед на радостях семь коробов, еле домой припер» [16, с. 313].

Позитивная оценка опыта построения более рационального и совершенного общества встречается в романе Чернышевского, герои которого в буквальном смысле договариваются о принципах более счастливой жизни. В сказке-утопии Мережковского букволическая идиллия является результатом трезвого расчета *Покровителей* и их экспериментов в области евгеники. Последовательно рациональны марсиане в романах Богданова и сельские жители, ставшие основной массой населения в «Стране крестьянской утопии» Чайнова.

Традиционная для классических утопий тема сравнения несовершенного мироустройства с идеальным присутствует в размышлениях героев «Часа Быка». Они противопоставляют мир Торманса, оставшегося во власти инферно, вырвавшегося из оков смерти и зла миру земли. Максим Камерер, который оказался на «обитаемом острове» заштатной планеты не способен не только принять, но и просто понять архаическое для него общество. Интересно, что герой замятинского «Мы» Д-503, «в полной мере осознав» в конце романа совершенство Единого Государства, вспоминает свой бунт с осуждением, тем самым создавая двойной фокус в оценке этого общества. Во всех этих случаях герои уверены в оптимальности собственного общественного устройства и ненормальности мира, создающего ему контраст. Показательна в этом плане позиция героев «Поселка» Булычева, подростков, выросших на негостеприимной планете. Мир, ставший пленом для их родителей, выживших после крушения звездолета, – родная среда для поколения Олега, Марьяны, Дика. Подростки почти не верят в технологически развитый мир Земли, представленный

в их сознании рассказами старших, и когда происходит встреча аборигенов и участников новой экспедиции, обнаруживается взаимная чужеродность миров, в которой «правильным» оказывается собственный мир.

Антиутопичность моделируемой реальности обнаруживается героями, прямо заявляющими свое несогласие с существующим порядком вещей. В наших примерах это чаще всего персонажи, осмысливающие причины социальной несправедливости, а не противостоящие ей. Последний житель некогда славной страны из рассказа Одоевского, у которой теперь *«нет имени, ибо она недостойна его»*, последовательно анализирует расцвет и падение общества, положившего в свое основание идеи Бенгама о том, что *«польза есть единственное основание нравственности и единственный закон для всех действий человека»* [11, с. 12]. Писатель-диссидент Карцев в «Москве 2042» Войновича комментируют наблюдаемый социальный абсурд, но не вмешиваются в него.

Нам представляется, что в отечественных антиутопиях герой, противостоящий социальному устройству, скорее исключение, чем правило. Конечно, Д-503 из романа Замятина можно отнести к классическим «эксцентричным главным героям» антиутопий, деятельный протест которых против сложившегося мироустройства «позволяет создавать максимально жёсткую сюжетную и психологическую ситуацию» [7, с. 166]. Столь же активен и Петр Хрумов из дилогии Лукьяненко, отказывающийся выбирать из двух зол меньшее и противостоящий и миру социального равенства Геометров и Конклаву, и Тени, миру полной свободы. Однако все-таки герои российских антиутопий чаще осуждают социальный порядок, чем пытаются его изменить.

Социальная модель в оценке автора

Рассматривая выбранные произведения как утопические или антиутопические со второй, «авторской», позиции, мы замечаем, что позитивное отношение вкладывается автором в уста героев, и в этом плане вторая группа

утопий во многом совпадает с первой. А вот негативное отношение автора к созданному миру демонстрируется в русских антиутопиях двояко: во-первых, прямыми комментариями автора, описывающего действительность как несовершенную, во-вторых, опосредованно, при помощи иронии и сарказма.

Примером первой – «прямой» – позиции автора могут служить рассказы «Последнее самоубийство» Одоевского и «Республика Южного Креста» Брюсова. У Одоевского рассказ о деградации Земли вследствие перенаселения доверен стороннему наблюдателю: *«Наступило время, предсказанное философами XIX века: род человеческий размножился; потерялась соразмерность между произведениями природы и потребностями человечества. Медленно, но постоянно приближалось оно к сему бедствию. Гонимые нищетою, жители городов бежали в поля, поля обращались в селы, селы в города, а города нечувствительно раздвигали свои границы...»* [12, с. 57]. Рассказ Брюсова – это газетный репортаж, начинающийся информацией о возникновении государства: *«Республика Южного креста возникла сорок лет тому назад из треста сталелитейных заводов, расположенных в южно-полярных областях. Главный город Республики, получивший название Звёздного, был расположен на самом полюсе»* [4, с. 36]. Корреспондент кратко информирует о принципах устройства государства и переходит к описанию эпидемии безумия, поразившей его жителей: *«Таков был, в самых общих чертах, строй жизни в Республике Южного Креста и ее столице. Задачей будущего историка будет определить, насколько повлиял он на возникновение и распространение роковой эпидемии, приведшей к гибели Звездного города, а может быть, и всего молодого государства»* [4, с. 41]. В подобных произведениях нет диссонанса между позицией автора, оценкой социальной модели героями произведения и позицией, которую займет читатель относительно репрезентируемой социальной реальности.

Вторая авторская позиция по отношению к моделируемому миру демонстрируется

не напрямую. С помощью сарказма, иронии, показа абсурдности описываемых ситуаций автор дает понять читателю, что подразумевает обратное тому, что пишет. В антиутопиях, написанных подобным образом, изложение пронизано злой насмешкой над героями, которые довольны несовершенным миром, их окружающим.

Так, в произведении Мережковского «Рай земной или Сон в зимнюю ночь» герой, оказавшийся в безмятежном обществе будущего, где на экваториальных островах ведут полуживотную жизнь селекционно выращенные, молодые, красивые и неизменно счастливые «друзья», часто недоумевает по поводу принятых в нем порядков, пытается их оспорить, однако неизменно соглашается с хранителем природной гармонии – *Покровителем*. Здесь авторская позиция проявляется в самих вопросах, которые оставляют у читателя чувство несогласия с идеальностью описываемого мира. Старательно скрытая авторская ирония ставит под сомнение идеальность «Рая земного», под маской похвалы и одобрения скрывается отрицание описываемой идиллии.

Более жесткая, злая ирония отличает антиутопические миры из «Дня опричника», «Сахарного кремля», «Кыси». Сорокин не просто ставит под сомнение идеальное жизнеустройство опричника Андрея Даниловича Комяги или героини рассказа «Марфушина радость», но использует особую едкость в своем стремлении максимально развенчать объект насмешки: *«По плечу Марфуше наполнить самовар полтораведерный: налила воды, бересту подожгла, кинула в жерло черное, а сверху шишек сосновых... Затрещала береста. Марфуша поверх шишек пук щепы березовой сунула, патрубок вставила, да другой конец – в дыру в стене. Там за стеной – труба печная, общая, на весь их шестнадцатизэтажный дом. Загудел весело самовар, затрещали шишки. А бабка уж тут как тут: едва молитву утреннюю прочла, сразу и печь топить принялась. Теперь уже все в Москве печи топят по утрам, готовят обед в печи русской, как Государь повелел. Большая это подмога России*

и великая экономия газа драгоценного» [15, с. 102–103].

Роман в романе, утопия Акунина, сочиненная подозреваемым по сфабрикованному делу шпионов из «Другой России», обнаруживает свою антиутопическую природу не только финалом, в котором идеальное общество постепенно сползает в тоталитаризм, но и самим форматом ее репрезентации в произведении: «следователь», стремящийся заставить невиновного человека оговорить себя, хвалит его сочинение. Автор горько иронизирует по поводу героя, готового обсуждать утопию со своим палачом.

Часто антиутопичность произведения выражается автором лексическими средствами. Оксюморон помогает Войновичу показать не только неприемлемость описываемого общества будущего, но и его прямую абсурдность, как абсурден «*Государственный экспериментальный ордена Ленина публичный дом имени Н. К. Крупской*». Сопоставление несопоставимого, соединение противоречивых понятий в лозунгах «*Кто сдаёт продукт вторичный, тот снабжается отлично!*», «*Мы лучше всех!*» подчеркивает нежизнеспособность «*Москвы 2042*» [5].

Нелепость и абсурдность мира «Котлована» [14] обнаруживается и в сентенциях героев: «*Когда мужик войны не видел, то он вроде нерожавшей бабы – идиотом живет*», и в характере самого изложения событий: «*В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нем и задумчивости среди общего темпа труда*».

Стремящийся к математической логике мир Замятина, герои которого уверены, что «*если они не поймут, что мы несем им математически безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми*», парадоксален. Противоречат существующим реалиям и здравому смыслу гротескные диагнозы: «*Разве не ясно, что личное сознание – это только болезнь?*», «*Плохо ваше дело! По-видимому, у вас образовалась душа*». Невозможны утверждения: «*Я очень люблю детей, и я счи-*

таю, что самая трудная и высокая любовь – это жестокость – вы понимаете?», «Любовь и голод владеют миром».

Авторская маркировка моделируемых миров как антиутопий достигается посредством дистанцирования от героев, определенного противостояния им. За иронией и сарказмом скрывается сожаление авторов о позиции героев, но не сочувствие им.

Социальная модель глазами читателя

Сложнее выделить читательскую оценку сконструированной в литературном произведении социальной реальности. Здесь мы теряем возможность опираться на сами произведения и должны прибегать к примерам восприятия, комментирования произведений читателями.

Проще всего обстоит дело с произведениями, создаваемыми самими авторами как антиутопии и прямо или косвенно заявляющими об этом. Едва ли симпатию читателя вызовет «Град обреченный» Стругацких или гротескные миры, о которых мы писали чуть выше. Однако при вполне нейтральной позиции изложения, выбранной автором, отношение читателей к описываемому миру может существенно отличаться – в зависимости как от временной дистанции между созданием и прочтением произведения, так и от мировоззренческих и идеологических позиций читателей.

Ярким примером несовпадения авторской и читательской оценки описываемого мира может служить «Город Солнца» Т. Кампанеллы, произведения, которое относится многими современными читателями скорее к антиутопической модели, нежели реальному социальному идеалу. Любовь к государству и отказ от личной дружбы и любви, четырехчасовой рабочий день и отсутствие внятного описания досуга утопийцев, их искусств и развития, а не только воспроизведения научных знаний, сведение сексуальных отношений к репродуктивной функции и их регламентация чиновниками делает утопию

Кампанеллы легким объектом для критики. Достаточно современному читателю поставить себя на место жителя Города Солнца, как идеальное общество превратится в свою противоположность.

Интересным примером «оборотничества» утопии, возникающего в связи с разницей мировоззренческих установок, являются романы Лукьяненко «Звезды холодные игрушки» и «Звездная тень», герой которых оказывается в идеальном мире свободных счастливых людей, сконструированном Ефремовым и ранними Стругацкими. Технологически совершенное общество, небывалый научный прорыв, материальное изобилие и неограниченное потребление; свобода профессионального самоопределения и помощь в этом психологов; планетарный совет, представленный экспертами, выполняющий политические функции; воспитатель-учитель-наставник как самая уважаемая профессия; покорение космоса и институт прогрессорства для помощи отсталым цивилизациям – это воплощенная утопия «Часа Быка», «Туманности Андромеды», «Полудня 21 века», «Попытки к бегству», «Обитаемого острова». Но что-то не устраивает в этом мире нашего современника Петра Хрумова, отказывающегося видеть в идеальной модели будущее для Земли. Протест Петра эмоционален и импульсивен, он сам затрудняется сформулировать свое несогласие, а его спутники по космической одиссее готовы признать этот мир близким к идеалу и принять его. Читатели Лукьяненко, как и Ефремова, могут оценивать описываемые миры как утопию или антиутопию, могут вступать в дискуссию о возможности не только воплощения идеала, но и успешного его моделирования.

С течением времени может меняться и позиция самого автора по отношению к собственному произведению. Так, Станислав Лем исключил из своего прижизненного собрания сочинений роман-утопию «Магеллановы облака», настаивая даже на недопустимости его переиздания, полагая, что запечатленная в романе реальность, вдохновленная коммунисти-

ческими идеями, может показаться соблазнительной для читателей, лично не переживших опыт социалистического общежития. Похожий пример можно увидеть и в позднем творчестве Стругацких, в котором миры светлого будущего постепенно теряют свою идеальность и незаметно дрейфуют в область непреодолимых социальных рифов.

Примерами амбивалентных для читателей произведений являются в первую очередь утопии, значительно отстоящие от нас по времени создания. Не всех современных читателей привлечет общество с жестким сословным делением из «Путешествия в землю Офирскую» Щербатова или «Правдоподобных небылиц, или Странствия по свету в XXIX веке» Булгарина. Едва ли вызовут единодушную симпатию и религиозные доминанты патриархального быта в идеальном обществе романа Шелонского и рассказа Чайнова. От мировоззренческих установок читателя зависит оценка идеального марсианского мира из романов Богданова, построенного на культе рационализма, или антипрогрессистского «Рая земного» Мережковского.

Выводы

В этой работе на примере российских текстов мы попытались показать реализацию трех подходов к оценке социальных моделей как утопий или антиутопий. Внутренняя оценка предполагает, что мир утопии/антиутопии оценивается самими населяющими его людьми, которые выражают свое отношение к социальной реальности: испытывают счастье или конфликтуют, оправдывают или прямо осуждают и критикуют конкретные проявления социального порядка или мироустройство в целом. С этой позиции большинство рассматриваемых нами произведений могут считаться утопиями. Авторская оценка описываемого мира в случае с утопиями, как правило, совпадает с «внутренней оценкой» и выражается через позицию героев. Однако ряд произведений, при этом подходе, переходят из разряда утопий в антиутопии, а авторская позиция демонстрируется при

помощи гротеска и сарказма. Внешняя читательская оценка описываемой реальности никак не выражается в самом тексте произведения и может меняться в зависимости от времени жизни и мировоззренческой позиции читателя.

Различение социального конструирования с позиции идеала или его противоположности позволяет нам выделить несколько функций утопий, которые они выполняют как элементы актуальной социальной реальности. Во-первых, это функция проектирования совершенного социального устройства, которая соответствует как утопиям, так и антиутопиям. Первые это демонстрируют через прямое моделирование идеала, вторые – через прием от противного, изображение принципиально не идеального мира. Во-вторых, это критика реального социального порядка, выявления в нем негативных параметров, тенденций, которые следует преодолеть. Третью функцию утопии и антиутопии мы связываем с обсуждением образа будущего, желаемого или вызывающего опасения. И в том, и в другом случае социальная модель способствует активизации социальной позиции читателя для приближения или предотвращения описываемого будущего. Четвертую социальную функцию утопии мы связываем с выражением ценностных ориентиров и проверкой их приемлемости на уровне общества.

Кроме этого, анализ специфики российских утопий и антиутопий выявил преимущественно конформистскую установку авторов по отношению к социальным моделям. Проявляется это в особенности у российских антиутопий, герои которых или приветствуют существующий порядок, приспосабливаются к нему, привыкают, или пассивно наблюдают его, внутренне не соглашаясь, но и не предпринимая попыток к переустройству несовершенного мира. Можно сказать, что критика существующей реальности в российских утопиях снижена, как и протест в антиутопиях. Подобные герои не вызывают сочувствия у автора, его ирония объективирует героев как элементы несовершенного мира.

Список литературы

1. *Ануфриев А. Е.* К вопросу о доминантных признаках жанра литературной утопии // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 2. С. 106–110.
2. *Араб-Оглы Э. Я.* Антиутопия. Москва: Мысль. 1989. 31 с.
3. *Баталов Э. Я.* В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. Москва: Политиздат. 1989. 319 с.
4. *Брюсов В. Я.* Республика Южного Креста // Брюсов В. Я. Повести и рассказы. Москва, 1983. 368 с.
5. *Войнович В. Н.* Москва 2042. Москва: Азбука. 2017. 448 с.
6. *Лабрика Ж.* Марксизм между наукой и утопией // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2004. № 5. С. 268–293.
7. *Ланин Б. А.* Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154–163.
8. *Ланин Б. А.* Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Николюкин А. Н. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН; Интелвак. 2001. 1596 с.
9. *Мартынов Д. Е.* К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX в.) // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 162–171.
10. *Медведева Т. Б.* Концепт утопия: современные исследования и многообразие интерпретаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2009. № 2. С. 113–117.
11. *Одоевский В. Ф.* Город без имени. Москва: Издательство Советская Россия, 1987. 290 с.
12. *Одоевский В. Ф.* Последнее самоубийство // Одоевский В. Ф. Последний квартет Бетховена. Москва, 1987. 290 с.
13. *Петрихин А. В., Курочкина Л. Я.* Плюрализм трактовок феномена «Утопия» в контексте единой европейской утопической традиции // Вестник Воронежского государственного технического университета, 2009. Т5. № 11. С. 251–254.
14. *Платонов А. П.* Котлован // Платонов А. П. Избранные произведения / Сост. М. А. Платонова. Москва: Экономика, 1983. 880 с.
15. *Сорокин В. Г.* Сахарный кремль. Москва: Захаров. 2008. 256 с.
16. *Сорокин В. Г.* Теллурия: роман / В. Г. Сорокин. Москва: АСТ: Corpus, 2013. 446 с.
17. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Куда ж нам плыть? Вопросы без ответов // Независимая газета. 1991. 3 января.
18. *Толстая Т. Н.* Кысь. Москва: Эксмо. 2000. 416 с.
19. *Фогт А.* Социальные утопии. Москва: КомКнига. 2007. 175 с.
20. *Шадурский М. И.* Литературная утопия от Мора до Хаксли: Проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Обретение острова. Москва: Издательство ЛКИ. 2007. 160 с.
21. *Шацкий Е.* Утопии и традиция / Пер. с польск. К. В. Душенко, М. И. Леньшина; Общ. ред. и пред. В. А. Чаликовой. Москва: Прогресс, 1990. С. 160–161. 456 с.
22. *Шелонский Н. Н.* В мире будущего: Фантастический роман в пяти выпусках / Москва.: Тип. И. Д. Сытина и Ко, 1892. 320 с. [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/s/shelonskij_n_n/text_1892_v_mire_buduschego.shtml
23. *Щербатов М. М.* Путешествие в землю Офирскую // Взгляд сквозь столетия: антология русской фантастики XVIII и первой половины XIX века, / авт.-сост. В. Гуминский, Москва: Молодая гвардия, 1977. С. 20–68.
24. *Negley G., Patrik D.* The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.

References

1. Anufriev A. E. To the question of the dominant features of the genre of literary utopia // Bulletin of the Vyatka State University, 2012. No. 2. P. 106–110. (In Russ.)
2. Arab-Ogly E. Ya. Dystopia. Moscow: Thought. 1989. 31 p. (In Russ.)
3. Batalov E. Ya. In the world of utopia: Five dialogues about utopia, utopian consciousness and utopian experiments. Moscow: Politizdat, 1989. 319 p. (In Russ.)
4. Bryusov V. Ya. Republic of the Southern Cross // Bryusov V. Ya. Leads and stories. Moscow, 1983. 368 p. (In Russ.)
5. Voinovich V. N. Moscow 2042. Moscow: Azbuka. 2017. 448 p. (In Russ.)
6. Labrika Zh. Marxism between science and utopia // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. No. 5. P. 268–293. (In Russ.)
7. Lanin B. A. Anatomy of literary dystopia // Social sciences and modernity, 1993. No. 5. P. 154–163. (In Russ.)
8. Lanin B. A. Dystopia // Literary Encyclopedia of Terms and Concepts / Nikol'yukin A. N. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; Intelvak, 2001. 1596 p. (In Russ.)
9. Martynov D. E. To the consideration of the semantic evolution of the concept of “utopia” (XX century) // Questions of Philosophy, 2009. No. 10. pp.162–171. (In Russ.)
10. Medvedeva T. B. The concept of utopia: modern research and a variety of interpretations // Humanitarian and socio-economic sciences, 2009. No. 2. pp. 113–117. (In Russ.)
11. Odoevsky V. F. City without a name. Moscow: Soviet Russia Publishing House, 1987. 290 p.
12. Odoevsky V. F. The last suicide // Odoevsky V. F. Beethoven's last quartet. Moscow, 1987. 290 p. (In Russ.)
13. Petrikhin A. V., Kurochkina L. Ya. Pluralism of interpretations of the phenomenon “Utopia” in the context of a single European utopian tradition // Bulletin of the Voronezh State Technical University, 2009. V5. No. 11. S. 251–254. (In Russ.)
14. Platonov A. P. Pit // Platonov A. P. Selected works / Comp. M. A. Platonov. Moscow: Economics, 1983. 880 p. (In Russ.)
15. Sorokin V. G. Sugar kremlin. M., Zakharov. 2008. 256 p. (In Russ.)
16. Sorokin V. G. Telluria: a novel / V. G. Sorokin. M.: AST: Corpus, 2013. 446 p. (In Russ.)
17. Strugatsky A. N., Strugatsky B. N. Where are we to sail? Questions without answers // Nezavisimaya gazeta. 1991. January 3rd. (In Russ.)
18. Tolstaya T. N. Kitty. Moscow, Eksmo. 2000. 416 p. (In Russ.)
19. Vogt A. Social utopias. Moscow: KomKniga, 2007. 175 p. (In Russ.)
20. Shadursky M. I. Literary utopia from More to Huxley: Problems of genre poetics and semiosphere. Finding the island. Moscow: LKI Publishing House, 2007. 160 p. (In Russ.)
21. Shatsky E. Utopia and tradition / Per. from Polish. K. V. Dushenko, M. I. Lenshina; Tot. ed. and before. V. A. Chalikova. Moscow: Progress, 1990. P. 160–161. 456 p. (In Russ.)
22. Shelonsky N. N. In the world of the future: A fantasy novel in five editions / Moscow: Type. I. D. Sytina and Co., 1892. 320 p. // URL: http://az.lib.ru/s/shelonskij_n_n/text_1892_v_mire_buduschego.shtml (In Russ.)
23. Shcherbatov M. M. Journey to the land of Ophir // A look through the centuries: an anthology of Russian science fiction of the 18th and first half of the 19th century, / ed. V. Guminsky, Moscow: Young Guard, 1977. S. 20–68. (In Russ.)
24. Negley G., Patrik D. The Quest for Utopia. N.Y., 1952. 380 p.

*

Поступила в редакцию 28.08.2022

ЖИГИЛИЗМ КАК ВНЕДРЕНИЕ ПАРАДИГМЫ МОДЕРНА (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА)

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

Д. Сарачу

Университет Буэнос-Айреса, Аргентина

e-mail: sarachuj@hotmail.com

(Перевод с испанского д. филос. наук, профессора Т.С. Паниотовой)

Аннотация: В статье анализируется нигилизм в произведении И.С. Тургенева «Отцы и дети» посредством понятийного аппарата, который, согласно Ж. Ипполиту, применял Гегель в «Феноменологии духа», характеризуя идеологию Просвещения. Нигилизм рассматривается как специфическая форма, которую принимают идеи Просвещения в процессе проникновения в русскую культуру. Основываясь на работе А.И. Герцена «Развитие революционных идей в России», автор анализирует исторические причины внедрения парадигмы Модерна в российский социально-политический контекст и возникающие в связи с этим проблемы. Завершающая часть статьи посвящена осмыслению философского содержания произведений «Отцы и дети» И.С. Тургенева, «Что делать?» Н.Г. Чернышевского и «Записок из подполья» Ф.М. Достоевского. В рамках данного сюжетного ряда показано, как авторы трактуют центральные понятия нигилизма, выступают с критикой или в защиту рационализма, предвосхищая революционные процессы XX века в России.

Ключевые слова: нигилизм, русская литература, Просвещение, XIX век, социальная история.

Для цитирования: Сарачу Д. Нигилизм как внедрение парадигмы модерна (на примере творчества русских писателей XIX века) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 86-92. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

NIHILISM AS AN INTRODUCTION OF THE MODERN PARADIGM (BY THE EXAMPLE OF THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS OF THE XIX CENTURY)

Julia Sarachu

University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina

e-mail: sarachuj@hotmail.com

Abstract: The article analyzes the characterization of nihilism in Turgenev's Fathers and Sons, in relation to the central concepts from which, according to Hyppolite, Hegel defines Enlightenment thought in The Phenomenology of Spirit. From the comparison, nihilism is considered as the specific form assumed by the ideas of the Enlightenment to the extent that they penetrate the context of Russian culture. Then, the his-

---

САРАЧУ ДЖУЛИЯ – доцент кафедры славянской словесности, Университет Буэнос-Айреса

SARACHU JULIA – Assistant Professor of Slavic Literatures, University of Buenos Aires

© Сарачу Д., 2022

torical causes of the introduction of the paradigm of Modernity are observed, and the problems that arise in the Russian social and political context, in the work the Development of Revolutionary Ideas in Russia by Herzen. Finally, the philosophical content is analyzed in the works Fathers and Sons by Turgenev, What Is to Be Done? by Chernyshevsky and Notes from Underground by Dostoevsky, as a plot sequence through which the authors discuss the central concepts of nihilism and raise the critique and defense of rationalism, anticipating the revolutionary process of the 20th century in Russia.

Keywords: Nihilism, Russian literature, Enlightenment, XIX century, social history.

For citation: Sarachu J. Nihilism as the introduction of the paradigm of modernity (on the example of the work of Russian writers of the 19th century). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 86-92. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-86-92>

Анализ дискуссий вокруг центральных концептов русского нигилизма необходим для понимания российской социальной, политической и культурной истории в первую очередь потому, что нигилизм представляет собой специфический способ проникновения Модерна в Россию, вызывающий сомнения в традиционных ценностях, саморефлексию и социальную фрагментацию, которые приводят к революционным процессам XX века. Внутренний социально-политический кризис в России привел к рождению советского коммунизма как альтернативной модели внедрения парадигмы Модерна, отвечающей особенностям развития российского общества. Таким образом, российская политическая и социальная история XIX века во многом предопределяла будущее мировой политической и социальной истории вплоть до настоящего времени.

С другой стороны, в связи с особенностями социокультурного контекста внедрения идей Просвещения в России, великолепно описанными А. И. Герценом, идейные битвы, которые подталкивали социальные трансформации и в итоге привели к революционным событиям, шли и в литературной сфере: литература не только отражала, но и способствовала указанным трансформациям.

Социальная функция русской литературы, тесно связанная с политическим и культурным контекстом, впоследствии превратится в универсальную парадигму союза социальной функции искусства и нравственной

позиции художника, определяющую многие культурные движения XX века. Отсюда следует, что изучение нигилизма имеет значение для понимания не только российской социальной истории, но и всеобщей истории XX века и современности.

В истории литературы понятие «нигилист» появляется в романе И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованном в 1862 году. Это слово впервые употребляется во время застольной беседы, когда Аркадий Кирсанов с университетским товарищем Евгением Базаровым посещают имение его отца Николая Кирсанова. Ниже приводится фрагмент разговора, во время которого впервые вводится термин «нигилизм»: «Нигилист – это человек, который не склоняется ни перед какими авторитетами, который не принимает ни одного принципа на веру, каким бы уважением ни был окружен этот принцип» [1, с. 25].

Во время беседы Евгений Базаров и дядя Аркадия Павел Кирсанов открыто противостоят друг другу. «... Я вас не понимаю после этого. Вы оскорбляете русский народ. Я не понимаю, как можно не признавать принципов, правил! В силу чего же вы действуете?», – спрашивает Павел Петрович Кирсанов. «Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, – промолвил Базаров. – В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем». «Однако позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить». На это Базаров отвечает:

«Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить» [1, с. 48–49].

Из данных высказываний можно вывести некоторые основные идеи, которые позволяют охарактеризовать нигилистическое мышление героев романа в целом: субъект не признает авторитетов и в своих действиях руководствуется доводами разума, почерпнутыми исключительно из собственного опыта; с другой стороны, он относится к миру, руководствуясь принципом пользы. Теперь давайте посмотрим, как эта идеология вписывается в историю западной мысли.

В пятой части главы IV работы «Генезис и структура “Феноменологии духа” Гегеля» философ Жан Ипполит анализирует отрывок, в котором Гегель описывает процесс и способ мышления философов Просвещения. Согласно Ипполиту, вере, основанной на авторитете, философия Просвещения противопоставляет суверенитет самого субъекта и законы природы, которые признаются единственным связующим звеном между внешним и внутренним. Познание природы делает человека свободным в его отношениях с материальным миром, а затем эта идея распространяется и на духовный мир. Таким образом, идеология Просвещения признает право и мораль чуждыми авторитетами для человеческого разума, в который входит совокупность представлений, основанных на истинном знании законов природы и понимании того, что представляют собой справедливость и благо. Так происходит фундаментальная революция в духовной сфере, состоящая в стремлении преодолеть любое отчуждение.

Ж. Ипполит, основываясь на гегелевской теории, характеризует философию Просвещения следующим образом: «Сведение обилия абстрактных представлений к чисто человеческому опыту. Божественное отрицается или, лучше сказать, от него ничего не остается, кроме пустой формы абсолюта, формы, применимой ко всему и негодной ни на что. В этом состоит пустой формализм. Остается лишь множество конечных существ, рассматриваемых то в своем абсолютном, то в сво-

ем относительном положении. Каждый сам по себе, каждый для другого и с этой точки зрения следует рассматривать “человеческое стадо” в целом» [6, р. 404]. Развивая далее эти идеи, Ипполит специально акцентирует внимание на центральном понятии философии Просвещения – понятии пользы: «Эти две модальности могут быть применимы к любым конечным вещам и приводят в итоге к фундаментальному общему понятию, заключающему в себе сущность всей теоретической и практической философии Aufklärung – понятию пользы. Вещи представляют сами себя и служат другим вещам. Человек, как часть этой концепции, также есть конечная реальность» [6, р. 404]. Превратившись из божественного творения в конечное природное существо, человек начинает относиться к миру и к другим людям, руководствуясь принципом пользы, то есть мораль становится утилитарной: «Изначально вышедший из рук Божьих, человек идет по миру, как если бы это был сад, посаженный им самим. Он хорош сам по себе, и все существует для его удовольствия. Это означает, что все существующее для человека имеет смысл только в связи с пользой, которую он может извлечь. Аналогичным образом социальные связи между людьми оправдываются их взаимной полезностью. ...Мораль вообще сводится к социальной морали и выражается через утилитаризм» [6, р. 404]. Согласно проделанному Ж. Ипполитом анализу с позиций гегелевской философии, идеологию Просвещения составляют два фундаментальных принципа: во-первых, отрицание всего того, что выходит за рамки человеческого опыта; во-вторых, утверждение, что польза является основой отношения человека к миру.

Если мы сравним суждения Ипполита с размышлениями персонажей, представляющих в романе И. С. Тургенева нигилистическую точку зрения в противовес точке зрения «отцов», то увидим, что они основаны на тех же самых аксиомах. Отталкиваясь от презентации нигилистов в романе Тургенева, мы можем вписать нигилизм в контекст процесса распространения идеологии Про-

свещения и понять специфический способ ее ассимиляции в России.

А. И. Герцен в своей работе «О развитии революционных идей в России» (1850) анализирует, каким образом идеология Просвещения проникает в Россию и получает здесь распространение. По Герцену, решающую роль сыграли два обстоятельства: с одной стороны, это реформы Петра Первого (1672–1725), целью которых было ослабление позиций православной церкви и укрепление государства, придание способу правления прикладного и светского характера, приобщение знати к западноевропейским обычаям, бюрократизация государства и армии. В итоге реформы привели к глубокому расколу общества. В отличие от прозападного дворянства, образ жизни крестьянства ни в чем не изменился, крестьянство оставалось крепостным под опекой православной церкви. Герцен утверждает, что социальный разлом постепенно усиливался, пока не достиг своего пика во времена царствования Екатерины II (1729–1796). Он замечает, что в то время, когда в государстве в передовых кругах «совершалась великая работа» и «всюду росло недовольство», «русский народ продолжал оставаться вдали от политической жизни» [5].

Другим ключевым моментом в распространении идей Просвещения, по Герцену, стала война с Наполеоном. Гвардейские офицеры вели к победе народ, объединившийся в связи с вторжением Наполеона в Москву, начиная с изгнания его с территории России в декабре 1812 г. вплоть до окончательного поражения в Париже в 1814 г. Военные вернулись на родину триумфаторами, а крестьяне – назад к сохе. Однако офицеры, испытавшие влияние идей Французской революции, теперь были убеждены в необходимости глубоких социальных преобразований в России. Это привело к изменению идеологической ориентации политической власти, которая, начиная с Петра Великого и до сего момента, была главным двигателем вестернизации в России. Видя угрозу своему положению, политическая власть становится консерватив-

ной, антизападнической. Для защиты России от революционных идей, спровоцировавших в Западной Европе разрушение традиционных социальных институтов, российская власть выступает за укрепление союза с православной церковью. Но хотя в 1825 году восстание декабристов было сурово подавлено и установлен режим строгой цензуры, она не смогла изничтожить критическую мысль и литературу (Чаадаев, Гоголь, Белинский), которая находила каналы публикации за границей или же распространялась тайно в виде рукописей среди просвещенной элиты. Наряду с критикой интеллектуалами-западниками авторитаризма и консерватизма, возникает интеллектуальное движение славянофилов, которое ставит под сомнение концепцию прогресса и апеллирует к защите традиционных структур.

А. И. Герцен описывает интеллектуальную ситуацию в России 1850-х гг., полемику между западниками и славянофилами. По Герцену, оба направления исходят из факта провала Французской революции, спровоцировавшей разрушение социальных институтов, не осуществившей на практике идеалы свободы и равенства, которые были двигателями борьбы за изменение общественного строя. Представители обоих направлений рассматривали социализм как знаковый симптом европейского кризиса и обращали свои взоры к русской общине, сохранение которой, по мнению некоторых, позволило бы преодолеть конфликты, свойственные Западной Европе. Однако, как утверждает Герцен, если западники выступали за изменение общественно-политического порядка в России, то славянофилы стремились сохранить традиционные структуры и предотвратить изменения путем безусловного подчинения политическому и церковному строю.

А. И. Герцен мыслит по-европейски, полагая, что славянофилы хотят остановить неудержимый процесс социальной эволюции, который, если его не направлять, может привести к революционному взрыву в России. В этом контексте возникает нигилистическое движение, состоящее из молодых по-

следователей западного мышления, которые в 1860-е годы намеревались провести в жизнь революционные идеи, а начать, как мы видим у Тургенева, собирались с изменения своего отношения к действительности.

Возвращаясь к тургеневским «Отцам и детям», следует сказать, что автор книги занимает позицию ироничного отношения к идеологии нигилистического движения. Артикулируя популярные среди молодого поколения идеи, Тургенев делает это с точки зрения аристократа, представителя старшего поколения, который живет в Париже, общается в литературных кругах, а в России имеет имя, унаследованное от предков. Он с трудом воспринимает бескомпромиссный рационализм нигилистов, видя в нем искусственную и высокомерную позу все отрицающих подростков.

Евгений Базаров – юноша гордый и непоколебимый, презирающий любовь, искусство, религиозные верования и традиционные обычаи. Смерть Базарова от случайного пореза пальца и заражения тифом, по мысли Тургенева, показывает, как, казалось бы, прочное здание разума гордого человека может рухнуть по воле случая. Роман заканчивается сценой оплакивания родителями смерти единственного сына, и цветы на могиле кажутся автору более жизненными, чем все претензии нигилистов на изменение мира.

Публикация романа Тургенева вызвала незамедлительную реакцию в нигилистическом движении. Его лидер Н. Г. Чернышевский пишет и издает в 1863 году роман «Что делать?» как ответ тургеневской критике. Писатель хочет показать, что нигилизм – не бесплодное отрицание, а выдвижение конкретной программы, созвучной экономическим идеям социалистического проекта Шарля Фурье. Книга базируется на фундаментальной аксиоме, что у каждого человека есть свои интересы, иметь их логично и даже необходимо – согласно инстинкту самосохранения. Ведь именно этот инстинкт обеспечивает человеку выживание. Цель человека есть благо, каждый желает блага для себя. Но человек не знает,

что для него благо, потому что невежество и предрассудки в состоянии извратить его истинные цели. Если бы люди знали, что для них лучше, то каждый индивид стремился бы к общему благу, которое одно для всех и для каждого. При таком понимании зло в мире объясняется невежеством и предрассудками. Такой подход совпадает с теорией Жан-Жака Руссо, утверждавшего, что человек по своей природе добр, а общество извращает его природу.

Историей Веры в романе «Что делать?» Чернышевский стремится показать, что благодаря самообразованию и непрерывному анализу своих желаний главная героиня освобождается от предрассудков и традиционного способа мышления, которые препятствовали ее способности действовать, причиняли несчастье ей и окружающим. Тем самым Вере удается достичь полноты счастья в личной жизни, одновременно способствуя счастью других. Суть такого подхода в том, что он постулирует единство между природой и долгом в понимании желания: каждый человек, следуя свой интерес, ищет блага.

В шестой части главы I работы «Генезис и структура “Феноменологии духа” Гегеля», посвященной нравственности, Жан Ипполит анализирует идеи И. Канта по данному вопросу и приходит к выводу, что необходимо, чтобы естественное и должное рассматривались как противоположности. Кант считал опасным заблуждением пытаться связать истинный долг с естественным законом, потому что, если бы их единство было достигнуто, то можно было бы говорить о безнравственности природы.

Поэтому в анализе концепции мира Гегель в «Феноменологии духа» также утверждает, что совпадение между природой и нравственным долгом существует только как постулат, ориентирующий мораль на прогрессивное развитие, но это совпадение никогда не сможет быть полным, потому что, если бы это произошло, то исчезла бы сама мораль. И то же самое происходит в каждом отдельном случае: единство между естествен-

ным желанием и должным возможно только на уровне намерения, так как после совершенного действия субъект незамедлительно испытывает раздвоение сознания из-за несовпадения между целью и результатом действия. Последний всегда оказывается частичным, неполным в сравнении с поставленной целью, которая состоит в том, чтобы творить благое. Затем появляется сознание вины как признание несовпадения между намерением и конечным результатом действия.

Эта проблема гегелевской философии, проанализированная Ипполитом, хорошо иллюстрируется повестью Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864), где рассказчик повествует о событиях своей жизни. «Записки из подполья» написаны Достоевским как ответ на рационализм Чернышевского в романе «Что делать?». Самое интересное то, что автор проблематизирует рационализм не с позиций трансцендентности, а с использованием рационалистического инструментария. В первой части произведения рассказчик произносит монолог против рационализма и человека действия, формулируя четыре основных аргумента. Первый аргумент состоит в предположении, что если нечто превышает человеческие возможности, то ничего не надо делать, ибо человек смертен, и естественный конец/цель для человека – это смерть. Эта критика человека из подполья вполне совпадает с тургеневской иронией в «Отцах и детях»: гордое здание разума рушится из-за простого и случайного пореза на пальце. Второй аргумент связан с источником несовершенства: если все подвластно человеческому разуму, то как же объяснить существующие ошибки? Значит, ошибка является частью разума. Человек так же рационален, как иррационален, и не всегда своекорыстен; он может даже желать чего-то, понимая, что это причиняет ему вред. Эта критика рационализма, осуществленная персонажем Достоевского в «Записках из подполья», уже присутствует у Гегеля в «Феноменологии духа», в главе, где он рассматривает противоположность между интеллектом и верой в контексте Просвещения.

В-третьих, рассказчик выдвигает мысль о том, что человек создает рациональные системы, чтобы избежать страха смерти. На самом деле это все фарс: человек не принимает свою смертность, свою уязвимость, и тогда он придумывает пустые социальные формулы, чтобы скрыть свой страх, свой ужас перед бессмысленностью существования, которое завершается впадением в нигилизм и признанием, что ничто не выходит за пределы человеческого опыта, пределом которого является смерть.

Таким образом, рассказчик утверждает свою позицию как «более нигилистическую, чем у нигилистов», и опровергает их же собственными аргументами.

Наконец, человек из подполья выдвигает еще один аргумент, очень современный и даже опережающий свое время: следование своим интересам устанавливает потребительское отношение к миру. Речь идет о саморазрушающейся логике, связанной с понятием пользы. Согласно Ипполиту, Гегель определяет полезность как фундаментальное понятие философии Просвещения, выражающее отношение человека к миру и своим собратьям. Объект рассматривается в двух аспектах: как вещь в себе, недоступная человеческому пониманию, или с точки зрения того, чем объект является для человека. Таким образом, мышление производит разрешение объекта в субъекте, которое, по мысли Гегеля, запускает революционный процесс: «Когда Aufklärung достигает высшей истины, на которую оно способно, наступает момент абсолютной свободы. Вся объективность поглощается самосознанием Я, и теперь «мир – это его воля». Абсолютная свобода соединяет в едином мире то, что прежде было разъединено – потустороннее и посюстороннее: «Тогда примиряются два мира, небо спускается и переселяется на землю». Так Гегель провозглашает Французскую революцию» [6, р. 407].

Таким образом, проблема нигилизма – это вопрос перехода от теории к практике. Отрицание – инструмент мышления, который дает нам свободу, но на практике оказывается, что

ничего нельзя отрицать полностью, потому что жизнь сопротивляется отрицанию.

Анализ идеологии Просвещения и ее критика, представленные в теории Гегеля в самом общем виде, получают конкретное историческое наполнение в дебатах, которые русская литература ведет вокруг нигилизма. В полемике великих русских писателей и интеллектуалов эта критика обретает историческое измерение и экзистенциальное содержание. В конкретном контексте анализируется внедрение Модерна в Россию и возможные революционные трансформации, к которым может привести столкновение социально-политических парадигм в будущем. С другой стороны, у Достоевского

анализ рационализма как саморазрушающегося процесса представлен не только в аспекте социальных изменений, но и как внутренняя динамика совести, борющейся сама с собой. Выдвигая нравственную дилемму, Ф. М. Достоевский репрезентирует проблему свободы: человек, воздействуя на объективный мир, одновременно производит изменения в собственном сознании. Таким образом, в творчестве этого великого русского писателя противопоставление сознания и внешнего мира ставится под сомнение, а сама проблема предопределения сознания способом существования закладывает основы французского экзистенциализма XX века.

Список литературы

1. Тургенев И.С. Отцы и дети. Санкт-Петербург: Наука. 2008. 620 с.
2. Chernishevski N. ¿Qué hacer? [Recurso electrónico] // URL: <https://ia803102.us.archive.org/15/items/Qu-HacerNikolaiChernyshevski/Qu%20C3%A9%20hacer%20-%20Nikolai%20Chernyshevski.pdf>
3. Dostoevski F. Memorias del subsuelo [Recurso electrónico] // URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/131370.pdf>
4. Hegel, G.W.F. Fenomenología del espíritu. Madrid: FCE, 2008.
5. Herzen, A. El desarrollo de las ideas revolucionarias en Rusia [Recurso electrónico] // URL: http://www.antorcha.net/biblioteca_virtual/politica/ideas_rusia/indice.html
6. Hyppolite, J. Génesis y estructura de la «Fenomenología del Espíritu» de Hegel. Barcelona: Editorial Península, 1991.

References

1. Turgenev I.S. Fathers and Sons. St. Petersburg: Science. 2008. 620 p. (In Russ.)
2. Chernishevsky N. What to do? [Electronic resource] // URL: <https://ia803102.us.archive.org/15/items/Qu-HacerNikolaiChernyshevski/Qu%20C3%A9%20hacer%20-%20Nikolai%20Chernyshevski.pdf>
3. Dostoevsky F. Memories from underground [Electronic resource] // URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/131370.pdf>
4. Hegel, G.W.F. Phenomenology of the spirit. Madrid: FCE, 2008.
5. Herzen, A. The development of revolutionary ideas in Russia [Electronic resource] // URL: http://www.antorcha.net/biblioteca_virtual/politica/ideas_rusia/indice.html
6. Hyppolite, J. Genesis and structure of Hegel's "Phenomenology of Spirit". Barcelona: Editorial Peninsula, 1991.

*

Поступила в редакцию 27.08.2022

Г УМАНИСТИЧЕСКОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ВСЕОБЩНОСТЬ» В УТОПИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ А.А. БОГДАНОВА И В. ХЛЕБНИКОВА

УДК 821.161.1

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-93-99>

С. Л. Андреева

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова,

Магнитогорск, Российская Федерация

e-mail: 216zamsv@mail.ru

Аннотация: На фоне широчайшего разнообразия футурологических и утопических экспериментов конца XIX – первой трети XX вв. литературные, научные и философские проекты В. Хлебникова и А. А. Богданова (Малиновского) выделяются гуманистическим решением проблемы всеобщего счастья. Задача исследования – показать специфику утопического типа сознания обоих мыслителей через понятие «Всеобщность», являющееся ключевым концептом социальных утопий. Этот концепт проявляется в глобальных масштабах утопических проектов как невнимание к индивидуальному, национальному, как стремление к тотальной унификации жизни. При очевидной самобытности таланта, новаторстве в поиске основы для построения идеи Будущего оба мыслителя занимались поиском всеобщей научной основы для построения истинного счастья человечества, ведь идея всеобщего требовала учёта огромного числа факторов. Обладая грандиозными познаниями в разных научных областях, опираясь на математические расчёты, каждый из них шёл к построению Будущего своим путём: А. А. Богданов через управление, разработку «всеобщей организационной науки» («Красная Звезда», «Инженер Мэнни», «Тектология» и др.), В. Хлебников – через решение вопроса Времени («Зангези», «Доски судьбы» и др.). Каждый из них стремился к созданию своего Завета современникам и потомкам, открывающего «культурный код» для Счастливого Будущего. Отказ от государства оценивался как естественное и непереносимое условие развития Человечества, причём каждый народ (для Хлебникова – и каждое поколение) были ценны для расчёта программы Будущего. Научная основа утопических проектов нужна была Хлебникову и Богданову для устранения главного препятствия на пути к Всеобщему счастью – смерти и её ожидания.

Ключевые слова: концепт «всеобщность», энциклопедизм, гуманизм утопии, русские утописты XX века, А. А. Богданов (Малиновский), В. Хлебников.

Для цитирования: Андреева С.Л. Гуманистическое преломление концепта «всеобщность» в утопических проектах А.А. Богданова и В. Хлебникова // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 93-99. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-93-99>

АНДРЕЕВА СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогического образования и документоведения, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова

ANDREEVA SVETLANA LEONIDOVNA – CSc in Philology, Associate Professor at the Department of Pedagogical Education and Document Management, Institute for the Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University (NMSTU)

© Андреева С.Л., 2022

HUMANISTIC REFRACTION OF THE CONCEPT OF «UNIVERSALITY»
IN THE UTOPIAN PROJECTS OF A.A. BOGDANOV AND V. KHLEBNIKOV**Svetlana L. Andreeva**

Magnitogorsk State Technical University G. I. Nosova, Magnitogorsk, Russian Federation

e-mail: 216zamsv@mail.ru

Abstract: Against the background of the widest variety of futurological and utopian experiments of the late XIX – first third of the XX centuries, the literary, scientific and philosophical projects of V. Khlebnikov and A. A. Bogdanov (Malinovsky) stand out as a humanistic solution to the problem of universal happiness. The aim of the study was to show the specifics of the utopian type of consciousness of both thinkers in the reflection of the concept of “Universality”, which is the key concept of social utopias, traditionally manifested in the global scale of utopian projects, inattention to the individual, national and total unification of life. With obvious originality of talent, innovation in finding the basis for building their idea of the Future, both thinkers were searching for a universal scientific basis for building the true happiness of mankind, because the idea of the universal required taking into account a huge number of factors. Possessing great knowledge in various scientific fields, relying on mathematical calculations, each of them went to build the Future in his own way: A. A. Bogdanov through management, the development of “universal organizational science” (“Red Star”, “Engineer Manny”, “Tectology”, etc.), V. Khlebnikov – through the solution of the question of Time (“Zangezi”, “Destiny Boards”, etc.). Each of them sought to create his own Testament to contemporaries and descendants, opening the “cultural code” for a Happy Future. The rejection of the state was assessed as a natural and indispensable condition for the development of Mankind, and every nation (for Khlebnikov – and every generation) was valuable for calculating the program of the Future. The scientific basis of utopian projects was needed by Khlebnikov and Bogdanov to eliminate the main obstacle to Universal happiness – death and its expectation.

Keywords: Concept of “Generality”, encyclopedism, humanity of utopia, Russian utopianists of the first third of the twentieth century, A. Bogdanov (Malinovsky), V. Khlebnikov.

For citation: Andreeva S.L. Humanistic refraction of the concept of “universality” in the utopian projects of A.A. Bogdanov and V. Khlebnikov. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 93-99. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-93-99>

Матрица утопического типа сознания (УТС) – это стабильный каркас из концептов («счастье», «разум», «государство», «норма» и др.), связанных между собой сетевым способом. Поэтому, например, В. И. Мильдон считает, что утопия не развивается и обречена на замену «историческим» сознанием [7, с. 15]. Однако утопий не становится меньше и интерес к ним не ослабевает. Новые утопии возникают за счёт развития содержания утопических концептов и/или их новых комбинаций: утопист не меняет состава концептов, но, предлагая свой вариант их сочетания, выдвигает на первый план один или несколько базовых концептов в качестве ведущих. Развитие концептос-

феры происходит также путём своеобразного «почкования»: новый концепт формируется на основе фреймовой структуры базового концепта за счёт усиления и наполнения самостоятельным содержанием слотов этой структуры: «золотой век» → «время» → «ускорение» (концепт советской социальной утопии, возникший в первой трети XX в.); «разум» → «философия / математика» → «наука» → «техника»; «счастье» → «благо» → «пища»; «государство» → «норма» → «закон» и т. д. «Отпочковавшие» концепты, вступая в новые связи, сохраняют и укрепляют целостность концептосферы УТС.

Среди концептов УТС есть такие, которые сложились в самостоятельную сущность

относительно недавно, хотя предпосылки для них находим в греко-римской или библейской мифологических традициях. К ним относится концепт «всеобщность» – многоплановый концепт, утверждающий всеохватность, массовость, универсальность, закономерность утопической идеи. Это «зонтичный» концепт, встраивающийся в другие утопические концепты: *всеобщее, абсолютное, счастье; мировой пролетариат; всеобщее равенство; всеобщие нормы; мировой закон, мировое государство* и пр. Он связан с ожидаемой полной счастья, достижением идеала и абсолюта во всем, обеспечивает вселенский масштаб социального проекта.

Другой гранью концепта «всеобщность» является непримиримость в отношении инакомыслящих. Допуская определенное разнообразие (например, разные виды и формы труда, искусства) социального взаимодействия, концепт «всеобщность» не предполагает отклонений в оценке продвигаемой утопической идеи: идея должна удовлетворять всех, иначе она не может считаться всеобщей, абсолютной, идеальной. Требование всеохватности стало методологическим основанием не только для самих утопистов, но и критиков теорий всеобщего блага, доказывающих абсурдность практической реализации «благих» начинаний с помощью принципа «*reduction ad finem*».

В развитии концепта «всеобщность» есть несколько «точек роста»:

1. Утопизм XVIII в. – эпохи завоевания новых земель, впервые соединивший идею колонизации с темой Космоса («Микромегас» Вольтера; «Дворянин-философ» Ф. Дмитриева-Мамонова и др.). Эпоха энциклопедистов заложила методологические основы познания и социального проектирования, прочно связав концепты «наука» и «управление»: широкая просвещённость становится необходимым качеством властителя государства. В УТС закрепляется потребность подводить под утопическую идею научную основу.

2. Технично-технологическая революция середины XIX века с её практикой demonstra-

цией достижений человечества на всемирных выставках, которая укрепила веру человечества в свои силы, дала лавинообразный рост утопических проектов и наметила праксиологический вектор развития УТС.

3. Формирование теории космизма (в 1860-е гг. Н. Фёдоров начинает писать свою «Философию общего дела»). По замечанию В. В. Лыткина, «русский космизм, вызрев в недрах философии всеединства, стал феноменом в истории мировой философии, счастливо связав историю человеческой культуры прошлого с современной и будущей глобальной практикой человечества» [6, с. 272].

Энциклопедизм в утопии был заложен в «Государстве» Платона, где задача управления была передана классу философов, а изучение математики составило основу образования в идеальном государстве. В эпоху Просвещения и позже, в XIX и в начале XX века, наука взошла на алтарь в философских трудах и литературных утопиях. В 1918 г. А. А. Богданов утверждал: «Пока рабочий класс не овладеет наукой, он не может, не должен предпринимать попытки осуществить социализм» [2, с. 69]. (Ср.: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» – В. И. Ленин). В этом смысле масштаб и многоплановость таких личностей, как А. А. Богданов и В. Хлебников, соответствовали запросу времени.

А. А. Богданов (Малиновский) (1873–1928) – писатель, философ, профессор политэкономии МГУ, идеолог Пролеткульта, революционер, врач, естествоиспытатель, член Социалистической академии наук.

В. Хлебников (1885–1922) – поэт, прозаик, теоретик литературы, лингвист-экспериментатор, исследователь глубинных пластов языка, художник; мыслитель, обучавшийся на математическом и естественном отделениях физико-математического факультета в Казанском и Санкт-Петербургском университетах, на факультете восточных языков (по санскритской словесности), на славяно-русском отделении историко-филологического

факультета; крупнейший деятель русского авангарда, основоположник русского футуризма; учёный (профессиональные занятия орнитологией, участие в геологической экспедиции, увлечение фенологией); Председатель Земного Шара.

Философские задачи утопистов Хлебникова и Богданова, по сути, совпадали: каждый из них, вооружившись энциклопедическими знаниями, исследовал реальный и ирреальный миры, чтобы избавиться от их непредсказуемости, выработать новое **универсальное Знание** для человечества, которое позволило бы управлять тем, что ранее не подчинялось человеку. У Хлебникова – это Время, у Богданова – Человечество и Космос.

Хлебников и Богданов искали для своих концепций «исходные интуиции», им важно было ничего не упустить. В результате Богданов создаёт «Тектологию (всеобщую организационную науку)», позволяющую осмыслить, изучить любое явление с точки зрения его организации и системного подхода, – основу теории систем, предшественницу кибернетики. Хлебников создаёт не теорию, но *концепцию полного времени* (трактат «Доски Судьбы», «Наша основа» и др.). Поставив в авангард концепт «время», поэт нашёл, математически вычислил, способ объединения с предками и потомками, открыл «канал» всевременной и всеобщей коммуникации. И в этом гуманистическое новаторство его УТС.

Богданов и Хлебников апробировали свои идеи и в художественной форме: Богданов – в романах «Красная звезда» (1908), «Инженер Мэнни» (1913), повести «День бессмертия» (1914) и др.; Хлебников – в сверхповести «Зангези» (1921), которая соединила все прежние его произведения в один сверхтекст. Отвечая на запросы времени, утописты конца XIX – начала XX вв. назначают в мессии **мыслителя-деятеля**, владеющего мировым знанием и способного применить на практике достижения человечества.

У Богданова мессией становится инженер, постигший законы науки и организующий мир на Земле и в Космосе. У Хлебникова –

универсальный гений, ученый, астролог, шаман, сверхчеловек Зангези, (*могатырь, могогур, могоесник, времямаз, трубач-глашатай чистых законов времени*), для которого открыты «коды» Мирового языка. История каждого народа ценна, т. е. избранность одного народа по отношению к другим (традиционная константа УТС) в его концепции не просматривается, только у России своя роль – война-защитника, часового: «*Волны народов одна за другой / Катились на запад: через дважды в одиннадцатой три / Выросла в шлеме сугробов Москва, / Сказала Востоку: «Ни шагу»*» [9, с. 77]. Главная задача Зангези – снять осаду временем, чтобы избавить человечество от тисков Прошлого, Настоящего и Будущего, принять ожидаемую бесконечность счастья и скоротечность жизни.

Свои «интуиции» Хлебников проверял математически, вдохновляясь геометрией Н. И. Лобачевского и математикой Г. Минковского [5, с. 96], теорией относительности А. Эйнштейна. О Шпенглер, говоря о значении открытия теории относительности, как будто точно для Хлебникова обозначил план и метод поиска истины: «Несомненно, здесь даже не возникает вопрос об области жизни, судьбы, живого, исторического времени, <...> “время” относится к области непосредственного переживания и интуиции <...>. Не математика и абстрактное мышление, а история и живое искусство – и я прибавлю ещё: великий миф – дают нам ключ к проблеме времени” [13, с. 134, 138, 139]». Хлебников выбрал именно этот путь к постижению времени – через интуиции, мифы, историю, искусство, язык. В статье «Слово о числе и наоборот» (1922) он разъясняет: «*Я не выдумал эти законы; я просто брал живые величины времени, <...> И числовые скрепы величин времени выступали одна за другой в странном родстве со скрепами пространства и в то же время, двигаясь по обратному течению»* [12, с. 172–173]; «*Я хотел найти ключ к часам человечества, быть его часовщиком и наметить основы предвидения будущего»* [12, с. 169–170]; «*Я был единственной скважиной / Через которую будущее па-*

дало / В России ведро» [10, с. 95]. Время для него – это *пыльная дорога*, которая проторена, исхожена предшествующими поколениями, стёршими «временную почву» в пыль. Выход один: нужна идея полного времени, которое человек сможет ощутить и прожить в единстве прошлого, будущего, настоящего.

В «объективе» взгляда поэта нависающая неотвратимость смерти и тема России, ищущей свой путь: *«Если народ обернулся в ланей, / Если на нём рана на ране, / Если он ходит, точно олени, / Мокрою чёрною мордью тычет в ворота судьбы»* [9, с. 44]. Народ России ищет свою Утопию; терпит лишения, страдает, совершая ошибку за ошибкой (*рана на ране*); защищает Русскую землю от нашествий. Это слепой, неосмысленный поиск своей судьбы, «ворота» которой пока закрыты, нужен ключ, «код доступа». Соединить параметры времени и пространства должен новый язык, который и создавал В. Хлебников как инструмент для всеобщего объединения всех народов и поколений. Он должен стать кодом к пониманию истины – законов времени: *«Это звёздные песни, где алгебра слов / Смешана с аршинами и часами. Первый набросок! / Этот язык объединит некогда <всех>, / Может быть, скоро!»* [9, с.48]. В. В. Бабков пишет, что для Хлебникова события Вселенной и истории человечества сплетены с событиями дня, поэтому он объединяет классический стих с лингвистическими экспериментами, с древней и новой математикой, с современным ему новым естествознанием начала века – общей и специальной относительностью, квантовой механикой, генетикой, космогонией [1]. Воображению, вере, интуиции поэт отводит роль поводырей мышления, *азбуки ума*.

У Богданова «инженерный» подход к решению вопроса Счастья в его организационной науке заключался в триединой организации – вещей, людей и идей, в систематизации огромного организационного опыта человечества в освоении материального и идеального миров. Высшей формой эволюции Вселенной Богданов считал человеческий коллектив, понимая под ним «*стройную многомиллионную*

организационную систему, состоящую из индивидуумов» [3, с. 70], для которых Космос эволюционирует и организуется. Этот гуманизм и одновременно колониализм космизма Богданова противоречит идее Н. Фёдорова.

Мыслители решали общую проблему – проблему смерти человека. В трактате «Доски Судьбы» Хлебников признается: *«Я хотел найти оправдание смертям»*. В полном времени смерть не отрицается, но она теряет для человека свою невыносимую безысходность и несправедливость; обретает смысл в контексте вечной жизни в качестве своеобразного её «агрегатного состояния», «паузы». Задача человека – научиться высчитывать эти паузы, чтобы управлять временем своей настоящей и будущей жизни: *«Сейчас, благодаря находке волны луча рождения, <...> меняется и наше отношение к смерти: <...> будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в волнах небытия»* [11].

Для Богданова смерть – вопрос, важный для научного миропонимания и эстетического «мирочувствования»: смерть есть путь обновления жизни и возможность развития. Поэтому Богданов посвящает свою жизнь не поиску бессмертия, как герой Фриде из его рассказа «Праздник бессмертия», а только продлению времени жизни, увеличению жизненных сил человека, поэтому писатель занимался гемотрансфузиологией, организовал и возглавил Институт переливания крови в Советской России.

Хлебников и Богданов солидарны и в стремлении объединения человечества. По мнению Богданова, мышление человека оторвалось от общественного и мирового целого, отсюда – неполнота жизни, разорванность мира, социальные противоречия, но *«в раздробленном человеке со стихийной силой возникает потребность стать целым <...>. На этом пути совершается собирание человека»* [3, с. 39]. Поэтому задача антропологической эволюции заключается в собирании отдельных индивидуумов в общечеловеческий коллектив, способный найти единую цель, осуществляя которую в организованной

системе коллективного труда станет возможным преобразить всю социальную жизнь. Хлебников тоже исходит из необходимости объединения человечества в «*сверстанное человечество*» из разных этносов и разных поколений. Богданову, как и Хлебникову, ценен опыт всех людей, всех поколений.

Как константа культуры концепт «всеобщность» задаёт утопистам способ познания Настоящего и Будущего. Он требует абсолютного решения, энциклопедизма, он не допускает исключений. Но в этом тотальном абсолюте всеобщности В. Хлебников и А. Богданов на стороне человека.

Список литературы

1. *Бабков В. В.* Законы времени Велимира Хлебникова. К выходу в свет «Досок судьбы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/babkov_zakony_vremeny.htm
2. *Богданов А. А.* Вопросы социализма. Москва : Изд. писателей в Москве, 1918. 104 с.
3. *Богданов А. А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука): в 2-х кн. Кн. 1 / ред. Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др. / Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. Москва : Экономика, 1989. 304 с.
4. *Ганин М. В.* «Мера» как категория мифопоэтики В. Хлебникова: трансформация элементов: автореф дис. ... канд. филологических наук. Москва : Российский ун-т дружбы народов, 2013. 21 с.
5. *Джонс М., Флакман Л.* Физика «невероятного» времени. Москва : АСТ, 2014. 314 с.
6. *Лыткин В. В.* Понятие космизма и проблема его классификации [Электронный ресурс] // *Nomothetika: Философия. Социология. Право.* 2012. № 8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kosmizma-i-problema-ego-klassifikatsii>
7. *Мильдон В. И.* История и утопия как типы сознания // *Вопросы философии.* 2006. № 1. С. 15–24.
8. *Хлебников В.* Доски Судьбы // В. Хлебников. Собрание сочинений в 6 тт., 2 кн. Т. 6. Кн. 2. Москва : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2006. 340 с.
9. *Хлебников В.* Зангези: Сверхповесть. Москва : Бослен, 2020. 272 с.
10. *Хлебников В.* Здесь я бродил очарованный // Собрание произведений Велимира Хлебникова: в 5 тт. / под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова. Ленинград : Издательство писателей в Ленинграде, 1928-1930. Т. 5. 1933, С. 95.
11. *Хлебников В.* Наша основа [Электронный ресурс] // В. Хлебников. Собрание сочинений в 6 тт., 2 кн. Т. 6. Кн. 1. Москва : ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, 2005. //Библиотека русской и советской классики. URL: <https://ruslit.rau.ru/book/>
12. *Хлебников В.* Слово о числе и наоборот. Предисловие к «Доскам судьбы» / *Вопросы литературы.* 1985. №10. С.169–179.
13. *Шпенглер О.* Закат Европы / предисловие А. Деборина, пер. с нем. Н. Ф. Горелина. Москва-Петроград : Изд-во Л. Д. Френкель, 1923. Т. 1. Образ и действительность. 467с.

References

1. Babkov V. V. Velimir Khlebnikov's Laws of time. To the publication of the "Boards of Fate": [website]. URL:http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/babkov_zakony_vremeny.htm (In Russ.)
2. Bogdanov A. A. Questions of socialism. Moscow : Publishing House of Writers in Moscow, 1918. 104 p. (In Russ.)
3. Bogdanov A. A. Tectology: (General organizational science): in 2 books. Book 1 / ed. L. I. Abalkin (ed.) and others. / Department of Economics of the USSR Academy of Sciences. Institute of Economics of the USSR Academy of Sciences. Moscow : Ekonomika, 1989. 304 p. (In Russ.)

4. Ganin M. V. "Measure" as a category of mythopoetics V. Khlebnikov: transformation of elements : specialty Lytkin V. V. 10.01.01 "Russian literature": abstract. ... candidate of Philological Sciences. Moscow : Russian University of Friendship of Peoples, 2013. 21 p. (In Russ.)
5. Jones M., Flaxman L. Physics of "incredible" time. Moscow : AST, 2014. 314 p. (In Russ.).
6. Lytkin V. V. The concept of cosmism and the problem of its classification [Electronic resource] // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Right. 2012. № 8 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-kosmizma-i-problema-ego-klassifikatsii>. 7. Mildon V. I. History and utopia as types of consciousness // Questions of philosophy. 2006. No. 1. Pp. 15–24. (In Russ.)
7. Mildon V. I. History and utopia as types of consciousness // Questions of philosophy. 2006. No. 1. pp. 15-24.
8. Khlebnikov V. Boards of Fate // V. Khlebnikov. Collected works in 6 volumes, 2 books, vol. 6. Book 2. Moscow : IMLI named after A.M. Gorky RAS, 2006. 340 p. (In Russ.)
9. Khlebnikov V. Zangezi: Superpovest. Moscow : Boslen, 2020. 272 p. (In Russ.)
10. Khlebnikov V. Here I wandered enchanted // The collection of works by Velimir Khlebnikov: in 5 volumes / under the general editorship of Yu. Tynyanov and N. Stepanov. Leningrad : Publishing House of Writers in Leningrad, 1928–1930. Vol. 5. 1933. P. 95 (In Russ.)
11. Khlebnikov V. Our basis [Electronic resource] // V. Khlebnikov. Collected works in 6 volumes, 2 books, vol. 6. Book 1. Moscow: IMLI named after A.M. Gorky RAS, 2005. // Library of Russian and Soviet Classics: [website]. URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/> (In Russ.)
12. Khlebnikov V. The word about the number and vice versa. Preface to the "Boards of Fate / Questions of literature. 1985.No.10. Pp.169–179 (In Russ.)
13. Spengler O. The Decline of Europe / preface by A. Deborina, translated from German by N. F. Gorelin. Moscow-Petrograd : L. D. Frenkel Publishing House, 1923. Vol. 1, Image and Reality. 467 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 01.09.2022

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ СОВЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО АВАНГАРДА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК 7.01: 78.03

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-100-109>

А. Г. Иванов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Российская Федерация
Липецкий государственный технический университет,
Липецк, Российская Федерация
e-mail: agivanov2@yandex.ru

Аннотация: В настоящее время медиасфера оказывает существенное влияние на содержание и трансформацию исторической памяти. Одним из основных для современной коммуникативной памяти остается образ СССР и соответствующие коннотации. Сам факт возникновения Советской России стал своеобразным воплощением утопии с последующим государственным строительством социального идеала. На помощь новому государству пришли идеи авангардизма, связанные с научно-техническим прогрессом, с культом машин, с радикальным пересмотром темпоральности. В статье дана оценка вклада советских авангардистов в формирование образа СССР, а также показано, как утопии советского авангарда представлены в современной медийной среде. В частности, в фокусе внимания автора оказывается творчество советских композиторов, ориентированных на музыкальный авангард, например, члена Ассоциации современной музыки А. В. Мосолова, сочинение которого «Завод. Музыка машин» в последнее время активно тиражируется за рубежом. Также приводятся примеры использования сегодня музыкального инструмента терменвокса, изобретенного Л. Терменом на заре авангарда. Делается вывод, что в настоящее время без отсылок к советскому музыкальному авангарду не обходятся значимые мероприятия и медиапроекты, что свидетельствует об актуальности советского прошлого, о востребованности конструктивного потенциала советской утопии, о популярности идей авангардизма в целом.

Ключевые слова: советский авангард, историческая память, медиасреда, утопия, образ СССР.

Для цитирования: Иванов А.Г. Утопические идеи советского музыкального авангарда в исторической памяти // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 100-109. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-100-109>

Благодарности: Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00153 «Образ СССР в исторической памяти: исследование медиастратегий воспроизводства представлений о прошлом в России и зарубежных странах».

ИВАНОВ АНДРЕЙ ГЕННАДИЕВИЧ – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, заведующий кафедрой философии Липецкого государственного технического университета

IVANOV ANDREY GENNADIEVICH – D. Sc. in Philosophy, Leading researcher of the Faculty of Philosophy, Saratov State University, Head of the Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University

© Иванов А.Г., 2022

UTOPIAN IDEAS OF THE SOVIET MUSICAL AVANT-GARDE IN HISTORICAL MEMORY

Andrey G. Ivanov

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

e-mail: agivanov2@yandex.ru

Abstract: Currently, the media sphere has a significant impact on the content and transformation of historical memory. The image of the USSR and the corresponding connotations remain one of the main ones for modern communicative memory. The very fact of the emergence of Soviet Russia became a kind of embodiment of utopia with the subsequent state-building of the social ideal. The ideas of avant-gardism connected with scientific and technological progress, with the cult of machines, with a radical revision of temporality came to the aid of the new state. The article assesses the contribution of Soviet avant-gardists to the formation of the image of the USSR, and also shows how the utopias of the Soviet avant-garde are represented in the modern media environment. In particular, the author focuses on the work of Soviet composers targeted on the musical avant-garde; for example, a member of the Association for Contemporary Music A. V. Mosolov, whose composition «Factory: Machine-Music» has recently been actively replicated abroad. Examples of the modern use of the theremin musical instrument, invented by L. Theremin at the dawn of the avant-garde, are also given. It is concluded that significant events and media projects cannot do without references to the Soviet musical avant-garde, which testifies to the relevance of the Soviet past, the demand for the constructive potential of the Soviet utopia, and the popularity of the ideas of avant-gardism in general.

Keywords: soviet avant-garde, historical memory, media environment, utopia, the image of the USSR.

For citation: Ivanov A.G. Utopian ideas of the soviet musical avant-garde in historical memory. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 100-109. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-100-109>

В марте 2020 года были опубликованы результаты опросов «Левады-Центра», посвященных памяти о Советском Союзе, в которых было отмечено, что основными каналами информации о советской эпохе выступает личный опыт, а также – внутрисемейная и институциональная трансляция памяти, в то время как обсуждать советские времена с друзьями и коллегами, скорее, не принято [17]. Такой вывод показал актуальность проблематики исторической памяти и ее измерений в контексте современного обращения к советскому прошлому.

В свое время А. Эрлл отмечала, что культурная память основана на коммуникации посредством медиа, а общие версии прошлого неизменно генерируются средствами так называемой «медиальной экстернализации» (термин, предложенный А. Ассман). При этом

наиболее базовой формой такой экстернализации оказывается устная речь, и наиболее распространенной, возможно, является ситуация, когда бабушки и дедушки рассказывают детям о «старых добрых временах» (old days). Более же сложные медиатехнологии, такие как письменность, кино и Интернет, расширяют темпоральный и пространственный диапазон воспоминаний. Культурная память формируется совокупностью медиа, действующих в рамках различных символических систем (например, телевизионные документальные фильмы), каждая из которых имеет свой особый способ запоминания и будет оставлять свой след в создаваемой ею памяти [23, p. 389].

Сложность трансляции прошлого заключается в том, что как живые свидетели, так и медиа не являются нейтральными агентами (первые – в силу эмоциональной

привязки к рассказываемым событиям, вторые – вследствие идеологических факторов), однако формируют поле для последующих воспоминаний. Ж. ван Дейк утверждает, что «медиализированные воспоминания не расположены ни прямо в мозге, ни полностью за его пределами в (материальной) культуре, а существуют одновременно, поскольку они представляют собой сложные интеракции между мозгом, материальными объектами и культурной матрицей, из которой они возникают» [22, р. 28]. Это выводит проблему восприятия прошлого на эпистемологический и онтологический уровень, так как связывает ее с темой корреляционизма, актуализированной сегодня в работах представителей спекулятивного реализма [11].

Память о Советском Союзе, находясь сегодня в транзитном положении, в состоянии перехода от коммуникативной к культурной памяти (известно, что для перехода образов прошлого из коммуникативной памяти в культурную требуется примерно 80–100 лет [1]), неизбежно попадает во власть разнообразных посредников – от журналистов с их амбициозными медиапроектами (например, «Намедни» Леонида Парфенова или «Исторические хроники» Николая Сванидзе) до институциональных образований типа Российского военно-исторического общества (создано в целях консолидации сил государства и общества в изучении военно-исторического прошлого России, содействия изучению отечественной военной истории и противодействия попыткам ее искажения, обеспечения популяризации достижений военно-исторической науки, воспитания патриотизма и поднятия престижа военной службы; активная деятельность общества заставила С. А. Еремееву назвать его не игроком на поле памяти, а «торговцем на рынке памяти» [6, с. 22–23]).

Вокруг советского прошлого постепенно формируется так называемая медийная память, неизбежно сокращающая пространство истории. Свой вклад в искажение трансляции памяти об СССР вносят и материальные

объекты, претендующие на статус не столько средств, сколько самостоятельных агентов «аффилиативной постпамяти» [19]. К таким агентам, безусловно, относятся произведения искусства, которые могут восприниматься как минимум в качестве объектов (интересно, что последние наработки акторно-сетевой теории [9] и объектно-ориентированной онтологии [18] открывают пространство для обсуждения активности и нового статуса объектов).

Недостатка в объектах культурного наследия в случае с СССР, конечно, нет. Остановимся лишь на одном культурном феномене – авангардизме. Выбор объясняется особой ролью идей и утопий авангарда в становлении советской государственности, к тому же из работ М. Элиаде известно о том, какое определяющее влияние на судьбу оказывает история происхождения [21].

Возникновение авангарда фактически совпадает с оформлением так называемой эксплицитной социальной мифологии, что связано с активными социально-политическими процессами начала XX века, когда на авансцену общественной жизни выходят широкие массы со своей мифологией и исторической памятью. Авангардизм и социальный миф здесь объединяет реализация манипулятивной и проектной функции, а в качестве основного инструмента используются исторические мифосимволические ресурсы.

Манипулятивная функция авангарда кроется в сущности самого феномена, представляющего собой эстетически пестрое художественное движение, включающее широкий спектр направлений и течений левого толка с характерным воздействием: «...человек рассматривается как марионетка, которую автор дергает за нужную ниточку. В этом отношении цели авангардизма близки целям телевидения, о которых говорил теоретик видео-СМИ М. Маклюэн» [4, с. 9].

Обстоятельства рождения авангарда также связаны с реализацией утопических проектов строительства будущего общества, историческим подтверждением чего стало возникновение Советской России. При этом

просматривается взаимовлияние, соответственно, социалистического и авангардистского проектов: с одной стороны, «Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года способствовала формированию широкого пространства для утопического творчества, в котором совпали цели социальных экспериментаторов и деятелей искусства. <...> Представители авангарда мечтали о новом искусстве и об изменении мира с его помощью, поэтому не случайно большинство авангардистов с восторгом восприняли революцию и искренне желали служить ей» [13, с. 242]; с другой стороны, сами «...авангардистские проекты предвосхитили тоталитарные версии “светских религий” XX в.; при этом вирулентная мифопоэтика современного искусства проявляла себя не только в теоретизировании на социальные темы, но и в самом художественном творчестве, “вплетенным” в систему политических и философских категорий» [16, с. 146].

Проекты авангарда коррелятивны как процессам политизации искусства, так и тенденциям эстетизации политики. В частности, лидер итальянских футуристов Ф. Т. Маринетти, по мнению специалистов, полагал, что «...футуризм всегда был не только художественным, но и политическим, общественным движением, призванным пробудить итальянский народ и культуру от спячки, возродить энергию, творческую мощь и величие Италии, а футуристическое искусство рассматривалось главным образом как инструмент для достижения этих целей» [3, с. 200].

Именно эти обстоятельства следует учитывать в первую очередь, рассматривая пульсирующее бытие авангардизма в контексте советской государственности.

Учитывая разнообразие авангардистских проявлений в сферах искусства и видах деятельности, сосредоточимся на некоторых примерах из советского музыкального авангарда и их соответствующей трансляции в современной медиасреде.

Кончено, достаточно непросто выделить «чистых» музыкальных авангардистов среди

известных авторов и исполнителей первой трети XX века, тем более, что сам музыкальный авангард на стадии своего становления (первая волна), в отличие от авангарда в литературе и в живописи, представлял собой менее целостное и оформленное явление, не образовывал единого стилевого направления.

Однако, руководствуясь формальными соображениями, следует, конечно, причислить к авангарду музыку композиторов Ассоциации современной музыки (далее – АСМ) – наиболее передовой организации, поставившей себе в 1923 году задачей создание и пропаганду «новой музыки». Своего рода манифестами АСМ можно считать знаменитый симфонический эпизод «Завод. Музыка машин» А. В. Мосолова из неосуществленного балета «Сталь» и его же Первый концерт для фортепиано с оркестром [7].

Российский композитор и искусствовед И. С. Воробьев обращает внимание на футурологическую, машинную, революционно-праздничную утопию, которая нашла свое отражение в работах А. В. Мосолова, особо отмечая, что в истории советской музыки именно ему «...суждено было стать композитором, чье творчество олицетворило собой машинную утопию 1920-х годов. С одной стороны, это обстоятельство было обусловлено характерной производственной тематикой ряда произведений (балет “Сталь”, “Завод. Музыка машин”, музыка к спектаклю “Рельсы гудят”, опера “Плотина”), с другой – спецификой тематизма, отличающегося “врачательной” остиной моторикой, словно имитирующей работу машинного механизма (фортепианные сонаты, фортепианный концерт, струнный квартет и т. д.)» [5, с. 61].

Впервые произведение «Завод. Музыка машин» было представлено как первая часть оркестровой сюиты из балета, премьеры которого состоялась в Москве 4 декабря 1927 года на концерте Ассоциации современной музыки, посвященном десятой годовщине революции. А недавно – 6 и 8 сентября 2019 года – группа «Metallica» исполнила эту пьесу с сим-

фоническим оркестром Сан-Франциско во время своих выступлений. Сам факт использования работ А. В. Мосолова такой известной группой как «Metallica» не только свидетельствует об интересе к музыкальному авангарду на Западе, но и открывает возможность приобщения к советскому творчеству и истории для многомиллионных поклонников американской группы, которые, конечно, не могли не обратить внимание на данный эпизод. Более того, впоследствии видеозапись концертов в г. Сан-Франциско (фильм «S&M 2») транслировалась в кинотеатрах по всему миру в течение осени 2019 года. В результате фильм собрал 5,5 миллиона долларов в мировом прокате, что сделало его самым кассовым событием рок-кинематографа за всю историю [24].

Возможно, тон обращений к наследию авангардистов периода первой трети XX века задал еще один известный всему миру устроитель шоу – британский музыкант, один из основателей группы «Pink Floyd» Роджер Уотерс. Дело в том, что Р. Уотерс известен публике не только как автор концептуальных альбомов группы, но и как выразитель альтернативного в современном западном мейнстриме мнения, в том числе и о месте и роли России и Советского Союза. В своем творчестве музыкант обращался как к антиутопиям (например, в альбоме «Animals», концепция которого основана на политической повести Дж. Оруэлла «Скотный двор»), так и к конструированию своеобразных утопий, призывая избавиться от каких бы то ни было стен (сначала – от берлинской, затем – от палестинской и американо-мексиканской) и в целом – от противопоставления «мы – они». И в этом смысле уотерсовская идея, что нет никаких «они», а есть только «мы», транслируемая в его шоу 2017–2018 гг. «Us + Them», является современной разновидностью утопии.

Примечательно, что британский музыкант обращался и к классике, создав к 2005 году оперу «Ça Ira» («Все будет хорошо»), в которой представил свое видение Ве-

ликой французской буржуазной революции (интересно, что именно после французской революции, во время которой слово «авангард» стало революционной метафорой, сам термин стал приобретать преимущественно политическую окраску вместо изначально военной).

В дальнейшем, 11–12 декабря 2014 года, в Бриджхэмптонской пресвитерианской церкви Р. Уотерс записывает альбом «Igor Stravinsky's The Soldier's Tale» («История солдата» Игоря Стравинского), который представляет собой адаптацию театрального произведения И. Ф. Стравинского «История солдата» 1918 года. Р. Уотерс выступил в качестве рассказчика и самостоятельно озвучил всех персонажей под аккомпанемент участников фестиваля камерной музыки в Бриджхэмптоне.

Фигура И. Ф. Стравинского здесь показательна: не будучи напрямую ассоциирована с советским музыкальным авангардом, композитор приобрел большую известность на Западе именно как представитель русской культуры и оказал влияние на многих авангардистов второй половины XX века. Музыковед и композитор В. А. Екимовский, рассуждая о судьбе отечественного музыкального авангарда, имя Стравинского упоминает отдельно (из интервью А. М. Гостевой с В. А. Екимовским):

« – По сути, Авангард I замкнулся на себе, и о причинах его конца мы уже говорили – политический разгон. Авангард же II – его история самостоятельная. Началась она с конца 40-х – начала 50-х годов, когда были организованы Дармштадтские летние курсы, которые были субсидированы американской страной. Там собирались молодые композиторы на две-три недели со всего света. Тогда-то и появились в качестве преподавателей знаковые фигуры: Булез, Штокхаузен, Ксенакис. Вы хотите сказать, что они знали Рославца, Попова, Дешеева, Мосолова? Хм... Как-то в нулевые годы в Москву приехал Анри Пуссёр, тоже известный композитор из когорты старых авангардистов. Была конференция и кто-то

спросил, а как вы относитесь к Шнитке (его уже не было в живых). Он долго вспоминал, кто это. А мы-то были уверены, что Шнитке – мировая “визитка” России...

– То есть Вы считаете, что никто из “наших” не оказал никакого влияния?

– Пожалуй, разве что Стравинский, уникальный случай композитора века. А всякие новаторские идеи могли возникать параллельно» [15, с. 25].

Заметим, что еще в начале 1990-х годов немецкий теоретик общества и культуры модерна Г. Люббе отмечал, что раннесоветский авангардизм остается главным культовым объектом интеллектуальной ностальгии по авангардизму, особенно распространенной на Западе [10, с. 128–129]. Мнение известного немецкого исследователя подтверждает история сотрудничества венского издательства «Universal Edition» и советских музыкантов в 1920-е–1930-е годы: деятельность австрийской фирмы способствовала в том числе и популяризации работ советских музыкальных авангардистов: «...именно благодаря венскому издательству многие произведения Н. Я. Мясковского, Н. А. Рославца, А. В. Мосолова, С. Е. Фейнберга, Л. А. Половинкина, Д. Д. Шостаковича получили распространение за пределами СССР – в Европе и Америке» [2, с. 2].

Выделим еще один пример использования в музыкальном творчестве новаторских идей, рожденных в период становления советского государства.

Дело в том, что последней крупной тенденцией, имеющей отношение к музыкальному авангарду, можно считать научно-экспериментальную деятельность по созданию новых инструментов и способов преобразования звука. Автором первого электронного инструмента стал Лев Термен – гениальный изобретатель, физик и музыкант-любитель. запатентовав в 1921 году свой «эфиротон», а точнее, «музыкальный прибор с катодными трубками», Л. Термен, по сути, открыл новую эру в музыке. Продемонстрировав В. И. Ленину свой инструмент и полу-

чив его всестороннюю поддержку, в течение 1920-х годов на волне пропаганды электрификации Л. Термен совершил триумфальное турне по всей России, Европе и Америке [7].

Звучание инструмента, известного сегодня как терменвокс (theremin), придает музыкальному произведению некую таинственность, космичность, и довольно часто используется известными западными рок-музыкантами, стремящимися расширить рамки жанра. Так, гитарист английской группы «Led Zeppelin» Джимми Пэйдж применял вариацию терменвокса во время исполнения песен «Whole Lotta Love» («Уйма любви») и «No Quarter» («Без пощады») на протяжении всей истории выступлений коллектива, в частности, для длительного мультиинструментального соло на концертах в 1977 году. А современная икона блюз-рока американский гитарист Джо Бонамасса нередко использует терменвокс как на концертах, так и в студийных записях, например, в композиции «The Ballad of John Henry» («Баллада о Джоне Генри») из альбома 2009 года с одноименным названием. Заметим, что Джон Генри – это мифологический народный герой США, темнокожий рабочий-путеец, победивший в соревновании с паровым молотом, но погибший от истощения; а история сражения Джона Генри с машиной легла в основу ряда песен и также упоминается в некоторых рассказах и романах. Разве не хочется, услышав сакраментальные слова «I'm a wanted man in a shackles» («Я – разыскиваемый человек в кандалах») из песни Дж. Бонамассы, усиленные звучанием терменвокса, избавиться от этих самых кандалов и с рвением, инспирированным идеями авангардистов, начать строить новый мир?

Сегодня без творчества авангардистов невозможно представить себе историю нашей страны. Без отсылок к именам, идеям и течениям, связанным с теми или иными направлениями авангарда, не обходятся значимые мероприятия и медиапроекты.

Например, эстетически вписывающаяся в контекст советского авангарда 1920-х годов

оркестровая сюита Г. В. Свиридова «Время, вперед!» (известна, прежде всего, как музыкальная заставка информационной телепрограммы «Время») использовалась в постановке церемонии открытия XXII Зимних Олимпийских игр в Сочи в 2014 году, иллюстрируя период советской индустриализации.

Несколько раз упоминает авангард и журналист Леонид Парфенов в сюжетах проекта «Намедни», посвященных периоду существования СССР 1920–1930-х годов (с музыкальным творчеством связана, например, заметка «Сумбур вместо музыки», название которой воспроизводит известную редакционную статью газеты «Правда» от 28 января 1936 года, в которой публичному «идеологическому» разносу была подвергнута опера Д. Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда»): «Приемы авангарда, некогда считавшегося “революционным”, теперь объявлены “левацким уродством”, “мейерхольдовщиной”. Это – “мелкобуржуазные вкусы”, хотя скорее им соответствует требование от Шостаковича “простой, общедоступной музыкальной речи”» [14, с. 126].

Видимо, в какой-то момент было принято принципиальное решение о, так сказать, контрпродуктивности авангарда для советской власти: «для того, чтобы организовывать массовые движения и руководить ими политически-авангардистски, вместо авангардного искусства в качестве средства агитации требуется не нуждающееся в комментариях искусство массового вкуса» [10, с. 132]. Показательно, что упразднение АСМ (в 1931 году ассоциация была официально объявлена «сборищем чуждых пролетарской идеологии музыкантов») происходит практически одновременно с роспуском организации диаметрально противоположной направленности – Российской ассоциации пролетарских музыкантов, что свидетельствует о решении властей направить музыкальное творчество в контролируемое русло, которое примет облик Союза композиторов СССР. Конечно, в сталинскую эпоху будут существовать и другие способы творческого выраже-

ния, о которых довольно ярко повествуется на страницах работы «Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи» [8], но, по крайней мере, музыка будет оставаться предметом особого контроля вплоть до периода горбачевской «перестройки».

Таким образом, выполнив ряд функций, советский авангард стал частью истории, но образ советского периода отечественной истории никуда не уходит, существует не только в бытовых, семейных, но и в медиакультурных реминисценциях. Конструктивный потенциал советской утопии, в том числе и эстетически усиленной музыкальными работами авангардистов, оказывается востребованным при демонстрации переломных периодов отечественной истории XX века (особенно время становления СССР: утверждение советской власти, эпоха индустриализации). Сегодня популярность идей советского музыкального авангарда также подтверждается их циркуляцией в современной массовой культуре (использование терменвокса в шоу, исполнение раннесоветских авангардистских произведений на рок-концертах), как в нашей стране, так и на Западе.

P.S. В начале XXI века, когда Л. Тернер опубликовал манифест метамодерниста (как в начале XX века Ф. Т. Маринетти создал первый манифест футуризма), а Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен подготовили эссе «Заметки о метамодернизме», культуре был брошен очередной вызов, сравнимый с экспериментами Дзиги Вертова (см., например, первый звуковой советский документальный кинофильм «Энтузиазм: Симфония Донбасса»). Провозглашаемые метамодернистами аффективность и новая глубина [12], а главное – обещание охватить все направления модерна и постмодерна, в том числе и в музыке, открывают сегодня возможности для свежего взгляда на идеи советского авангарда. Например, Н. Хрущева в своей недавней книге встраивает в систему понятий метамодернизма поставангардный мелодический язык музыки Валентина Сильвестрова [20].

Список литературы

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
2. *Бобрик О.А.* Венское издательство Universal Edition и советские музыканты: история сотрудничества в 1923–1945 годах: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Москва, 2007. 15 с.
3. *Бобринская Е.А.* Душа толпы: Искусство и социальная мифология. Москва: Кучково поле, 2018. 280 с.
4. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. Москва: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. 575 с.
5. *Воробьев И.С.* Черты утопии и антиутопии в творчестве А. Мосолова 1920-х – начала 1930-х годов // Музыкальная академия. 2012. №4 (740). С. 59–66.
6. *Еремеева С.А.* Память: поле битвы или поле жатвы? Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2021. 360 с.
7. Краткий учебник по русскому авангарду. Главные достижения авангардной мысли XX века в семи видах искусств – поэзии, скульптуре, архитектуре, театре, кино, музыке и живописи [Электронный ресурс]. URL: <http://arzamas.academy/materials/638>
8. *Куляпин А.И., Скубач О.А.* Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. Москва: Языки славянской культуры, 2013. 240 с.
9. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
10. *Люббе Г.* В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / пер. с нем. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 456 с.
11. *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
12. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера, Т. Вермюлена и Э. Гиббонс.* Москва: РИПОЛ классик, 2022. 496 с.
13. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации // Диалог со временем. 2019. №69. С. 237–250.
14. *Парфенов Л.* Намедни. Наша эра. 1931–1940. Москва: Издательство АСТ; CORPUS, 2017. 224 с.
15. *Русский музыкальный авангард сегодня и вчера. И не только... Беседа с Виктором Екимовским // Музыкальная академия. 2014. №2 (746). С. 22–25.*
16. *Рыков А.* Политика авангарда. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. 208 с.
17. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении. По результатам инициативных репрезентативных общероссийских опросов населения // Левада-Центр. Аналитический центр Юрия Левады [Электронный ресурс] URL: <http://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/>
18. *Харман Г.* Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего» / пер. с англ. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
19. *Хириш М.* Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Москва: Новое издательство, 2021. 428 с.
20. *Хрущева Н.* Метамодерн в музыке и вокруг нее. Москва: Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2022. 304 с.
21. *Элиаде М.* Аспекты мифа / пер. с фр. Москва: Академический проект, 2010. 251 с.

22. *Dijk J. van* Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007. 256 p.
23. *Erl A.* Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory // *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erl, A. Nunning. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 389–399.
24. *Hadusek J.* Metallica's S&M2 Film Breaks \$5 Million at the Box Office, Gets Additional Worldwide Screening // *Consequence*. October 16, 2019 [Электронный ресурс] URL: <http://consequence.net/2019/10/metallicas-sm2-film-box-office/>

References

1. Assmann J. *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 363 p. (In Russ.)
2. Bobrik O.A. *Vienna Publishing House «Universal Edition» and Soviet Musicians: the History of Cooperation in 1923–1945: Abstract of the Diss...* PhD in Arts. Moscow, 2007. 15 p. (In Russ.)
3. Bobrinskaya E.A. *The Soul of the Crowd: Art and Social Mythology*. Moscow: Kuchkovo Pole Publ., 2018. 280 p. (In Russ.)
4. Borev Yu.B. *Aesthetics. Literary Theory: An Encyclopedic Dictionary of Terms*. Moscow: OOO «Izdatel'stvo Astrel'»; OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. 575 p. (In Russ.)
5. Vorobyov I.S. Features of Utopia and Dystopia in the Works of A. Mosolov of the 1920s – early 1930s. *Music Academy*. 2012. No.4 (740). Pp. 59–66. (In Russ.)
6. Eremeeva S.A. *Memory: A Battlefield or a Harvest Field?* Moscow: RANEPА Publishing House «Delo», 2021. 360 p. (In Russ.)
7. *A Short Textbook on the Russian Avant-arde. The Main Achievements of the Avant-garde thought of the XX Century in Seven Types of Art – Poetry, Sculpture, Architecture, Theatre, Cinema, Music and Painting*. URL: <http://arzamas.academy/materials/638> (In Russ.)
8. Kulyapin A.I., Skubach O.A. *The Mythology of Soviet Everyday Life in the Literature and Culture of the Stalin Era*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013. 240 p. (In Russ.)
9. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-network-theory*. Moscow: HSE Publishing House, 2020. 384 p. (In Russ.)
10. Lübbe H. *Keeping up with the Times. A Short Stay in the Present*. Moscow: HSE Publishing House, 2019. 456 p. (In Russ.)
11. Meillassoux Q. *After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency*. Ekaterinburg, Moscow: Kabinetnyy uchyonyy Publ., 2017. 196 p. (In Russ.)
12. *Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. Ed. by R. van den Akker, T. Vermeulen and A. Gibbons. Moscow: Ripol Classic Publishing House, 2022. 496 p. (In Russ.)
13. Paniotova T.S., Romanenko M.A. Distorting Mirrors of the Avant-garde: Utopian Projections of Soviet Civilization. *Dialogue with Time*. 2019. No.69. Pp. 237–250. (In Russ.)
14. Parfyonov L. *Namedni. Our Era. 1931–1940*. Moscow: AST Publ., CORPUS, 2017. 224 p. (In Russ.)
15. *Russian Musical Avant-garde Today and Yesterday. And not only...* Conversation with Viktor Ekimovsky. *Music Academy*. 2014. No.2 (746). Pp. 22–25. (In Russ.)
16. Rykov A. *The Policy of the Avant-garde*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. 208 p. (In Russ.)
17. *The Structure and Reproduction of the Memory of the Soviet Union in Russian Public Opinion. Based on the Results of Initiative Representative All-Russian Population Surveys*. Levada Center. Analytical Center of Yuri Levada. URL: <http://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-voisproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze-v-rossijskom-obshhestvennom-mnenii/> (In Russ.)

18. Harman G. Object-Oriented Ontology: A New Theory of Everything. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2021. 272 p. (In Russ.)
19. Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. Moscow: Novoe izdatel'stvo Publ., 2021. 428 p. (In Russ.)
20. Khrushchyova N. Metamodern in and around Music. Moscow: Ripol Classic Publishing House, 2022. 304 p. (In Russ.)
21. Eliade M. Aspects of Myth. Moscow: Akademicheskiiy proekt Publ., 2010. 251 p. (In Russ.)
22. Dijck J. van Mediated Memories in the Digital Age. Stanford, CA: Stanford University Press, 2007. 256 p.
23. Erll A. Literature, Film, and the Mediality of Cultural Memory. Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Ed. by A. Erll, A. Nunning. Berlin, New York: De Gruyter, 2008. Pp. 389–399.
24. Hadusek J. Metallica's S&M2 Film Breaks \$5 Million at the Box Office, Gets Additional Worldwide Screening. Consequence. October 16, 2019. URL: <http://consequence.net/2019/10/metallicas-sm2-film-box-office/>

*

Поступила в редакцию 30.08.2022

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УТОПИИ: КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ И ТУРИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

УДК 008.2

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-110-118>

Д. А. Рубан

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: ruban-d@mail.ru

Аннотация: Развитие экутопических взглядов требует анализа принципиальной связи между экологическими идеями, формирующими в настоящее время один из императивов общественного развития, и утопическими представлениями. В настоящей работе рассматриваются два частных, но при этом важных аспекта этой связи, а именно: экологические особенности классической утопической модели (остров Утопия) и экотуризм как утопический эксперимент. Описание острова в книге Т. Мора и анализ нескольких картографических образов Утопии, публиковавшихся с 1516 г., выявляют недостаток внимания к экологическим особенностям и их противоречивость. Для ряда образов экологичность невелика. Рассмотрение экотуризма позволяет охарактеризовать присущую ему утопичность и при этом обратить внимание на противоречивость данного эксперимента, который вряд ли способен обеспечить гармонизацию общества и природы. Сделанные заключения указывают на неоднозначность, а подчас – и сомнительность связи экологических идей с утопическими представлениями, однако также свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения данной проблематики.

Ключевые слова: антропогенное воздействие, картография, ландшафт, остров Утопия, экотуризм.

Для цитирования: Рубан Д.А. Экологические аспекты утопии: картографические образы и туристический эксперимент // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 110-118. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-110-118>

ECOLOGICAL ASPECTS OF UTOPIANISM: CARTOGRAPHIC IMAGES AND TOURISTIC EXPERIMENTS

Dmitry A. Ruban

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: ruban-d@mail.ru

РУБАН ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – Philosophiae Doctor (Университет Претории, ЮАР), доцент,
доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета

RUBAN DMITRY ALEKSANDROVITCH – Philosophiae Doctor (University of Pretoria, South Africa), docent,
associate professor of the Higher School of Business of the Southern Federal University

© Рубан Д.А., 2022

Abstract: Development of ecotopian views requires analysis of the principal link between ecological ideas forming one of the imperatives of social development and utopian considerations. The present work considers two particular, but important aspects of this link, namely ecological peculiarities of a classical utopian model (Utopia island) and ecotourism as utopian experiment. The island's description in the book by T. More and analysis of several cartographical images of Utopia published since 1516 reveal insufficient attention to ecological peculiarities and their controversial state. The degree of ecologization is low for some images. Consideration of ecotourism allows characterizing its utopian essence as well as drawing attention to controversies of this experiment, which is hard to bring harmony between society and nature. The conclusions indicate on uncertainties and sometimes questionable state of the link of ecological ideas and utopian views, and they also imply the urgency of further investigations of this problematic.

Keywords: anthropogenic influence, cartography, landscape, Utopia island, ecotourism.

For citation: Ruban D.A. Ecological aspects of utopianism: cartographic images and touristic experiments. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 110-118. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-110-118>

Введение

Изучение различных аспектов утопизма сохраняет актуальность в современной философии. В частности, этому посвятили свои недавние статьи Н. Н. Козлова и С. С. Рассадин [3], Т. С. Паниотова и М. А. Романенко [6], А. П. Фоменко [8]; а из зарубежных специалистов – В. Лилло-Кастань [18] и Л. Сарджент [22]. Стоит отметить также активную разработку утопической проблематики в мировой науке в связи с изучением архитектуры и градостроительства [12; 16; 25]. Происходившие в последние десятилетия сдвиги в общественном сознании выдвинули на первое место экологические идеи, которые конкретизируются в виде представлений об экологизации как императиве современного общественного развития. В этой связи закономерный интерес ученых вызывают экологические утопии. В частности, их рассматривали в своих работах А. Ю. Гусева [2], Т. Даум [23], С. Ингебригтсен и О. Якобсен [17], Р. Липшутц [19], Э. МакКатчен [20].

По своей сути экологические идеи хорошо совместимы с утопическими представлениями, так как и те, и другие отражают идеальный, логично выстроенный мир – рациональный, гармоничный, справедливый. В основе этого мира лежит баланс (в том числе – между человеком и природой). Но при этом возникает и ряд сомнений. Например, насколько

глубоко проникнутое идеями рационализма и социальной справедливости общество способно развиваться гармонично с природой? С одной стороны, рационализм социальной жизни ведет к рационализму природопользования, однако последнее предполагает скорее активное вмешательство в природную среду, чем бережное отношение к ней. С другой стороны, если гармонизация развития общества и природы требует принятия решений, противоречащих справедливости, то насколько такое общество готово пренебречь последней? Немаловажно вспомнить, что классические утопические представления были сформулированы задолго до того, как экологизация стала осознаваться в качестве императива.

Вышеотмеченные сомнения никак не уменьшают значимости изучения тематики экологических утопий, однако ставят вопрос о принципиальной совместимости утопических представлений и экологических идей. Безусловно, ответ на него требует огромного объема исследований и в любом случае он не будет однозначным. Целью настоящей работы является рассмотрение двух аспектов взаимоотношений экологизации и утопизма: один из них связан с экологическими особенностями классической утопической модели (остров Утопия Томаса Мора), а второй – с развитием экотуризма как глобальным утопическим экспериментом. Разнородность

этих аспектов позволяет избежать односторонних суждений о вышеотмеченной связи.

Экологические особенности острова Утопия

Остров Утопия в книге Т. Мора [21] характеризуется довольно подробно, хотя основное внимание уделяется населяющему его обществу. Географическое описание острова, на первый взгляд, довольно четкое, однако попытки реконструкций на его основе, предпринимавшиеся неоднократно, дают неоднозначный результат [15; 23] и свидетельствуют о своего рода произвольности. Иными словами, географическая точность оказывается лишь кажущейся.

Что касается интересных с экологической точки зрения отсылок в характеристике Утопии, то они и немногочисленны, и противоречивы. Из описания острова ясно, что он относительно равномерно заселен, хотя довольно значительное расстояние между городами не позволяет утверждать об избыточной урбанизации. Природные ресурсы Утопии (в том числе земельные) используются активно, повсеместно и, по всей видимости, максимально рационально. Города озеленены за счет садовых насаждений. Однако такая экологическая «идиллия» резко контрастирует, во-первых, с созданием искусственного пролива (рва) между бывшим полуостровом и материковой сушей, а во-вторых, со значительным водопользованием и, по всей видимости, регулированием речного стока. Вышеупомянутый ров, судя по всему, имеет гигантские размеры, а потому его прорытие, тем более столь быстрое, о чем говорится в книге, должно было стать грандиозным по масштабам воздействием человека на окружающую среду с существенными последствиями для последней. Они могли быть связаны как с собственно инженерными работами, так и с перестройкой островных экосистем после искусственной изоляции и прибрежных экосистем после соединения водных масс с разных сторон от бывшего полуострова. Кроме того, использование для городского

строительства дерева в «прошлом» острова и камня в его «настоящем» потребовали вырубки лесных массивов и добычи строительного сырья соответственно. С учетом всего этого можно предполагать значительную трансформацию природных ландшафтов Утопии и огромную антропогенную нагрузку на них. Иными словами, имеющиеся описания вряд ли позволяют сделать экологически оптимистичный вывод и тем более говорить о какой-либо «идиллии» во взаимодействии общества и окружающей среды.

Помимо текста книги огромный интерес представляют иллюстрации, в том числе карты Утопии. Собственно говоря, картами в строгом смысле они не являются. Это скорее картографические образы, которые, с одной стороны, пытаются отразить текстовые характеристики острова, а с другой, – понимание данной утопической модели авторами изображений, которые, следовательно, балансировали между стремлением к географической точности и собственным видением. В этом отношении эти образы подобны авторским интерпретациям при исполнении классических музыкальных произведений [1]. Необходимо также принимать во внимание влияние развития и распространения картографии на такого рода картографирование несуществующего пространства со времен Т. Мора. Если ранние картографические образы занимают промежуточное положение между настоящими картами и картоидами (в понимании [7]), то с течением времени они обретают все больше черт настоящих карт.

Наиболее ранний картографический образ острова Утопия помещен в первом издании книги Т. Мора 1516 г. Он воспроизведен в статье Э. Саймонсона [23], по которой и дается приводимая ниже интерпретация. На иллюстрации показан слегка холмистый остров с возвышенным участком на юго-западе, где берет начало (в виде водопада) довольно длинная река. На острове доминируют крупные постройки, обозначающие города. При этом природный ландшафт выглядит плоским и «голым». Его вид контрастирует

с изображением отдаленной проливом-рвом материковой суши, где показана древесная растительность. В целом экология на данном географическом образе представлена минимально.

Следующий картографический образ, созданный Амброзиусом Гольбейном, фигурирует в издании книги 1518 г. Он наиболее известен и широко тиражируется в современных зарубежных [21] и отечественных изданиях [4; 5]. Он стилистически схож с тем, что был опубликован двумя годами ранее, однако имеет ряд отличий, в том числе в отношении экологических особенностей. Антропогенные элементы по-прежнему доминируют, однако не так сильно. Важно то, что ландшафт показан как более холмистый и с хорошо развитым растительным покровом, хотя и нечетко прорисованным. Можно также отметить, что строения здесь лучше вписываются в окружающую среду, что позволяет Утопии выглядеть более гармонично. Иными словами, мера экологичности возрастает в сравнении с предыдущим вариантом.

Широко известен картографический образ острова, созданный в 1595 г. Абрахамом Ортелием, который был профессиональным картографом. Этот образ может быть охарактеризован по изображению в статье [23]. На нем доминирует разветвленная гидрографическая сеть, создаваемая несколькими речными системами (некоторые включают озера). Также довольно многочисленны горы и леса. Города и поля встречаются, однако они не столь многочисленны и изображены достаточно мелко, чтобы не доминировать. Экологичность данного образа усилилась, однако она своеобразна в том отношении, что передается, прежде всего, через обилие водотоков. С учетом омывающих остров водных масс получается своего рода гидроутопия. Стоит отметить одну любопытную деталь. Несколько рек, в том числе крупных, впадают в водное пространство, показанное между островом и материком. Если все оно соотносится с вышеупомянутым проливом-рвом, то получается, что значительная часть гидрографической

сети формировалась уже после его сооружения, то есть под влиянием результата деятельности человека. Это, безусловно, делает ландшафты острова скорее искусственными, чем естественными.

Еще один картографический образ был создан в 1704 г. (он также характеризуется по изображению в [23]). На нем Утопия снова выглядит плоским пространством, лишенным растительности и вообще каких-либо выделяющихся природных элементов за исключением нескольких коротких цепочек гор (или холмов) и единственной, сравнительно короткой, реки. Показано расположение многочисленных населенных пунктов. Однако доминирует именно «голое» пространство. Мера экологичности, судя по такому образу, невелика, т. к. налицо масштабное антропогенное освоение некоторой «пустоши». Образы 1516 г. и 1705 г. дают основания высказывать гипотетические предположения о том, что «голые» пространства появились в результате деятельности человека или же последний не позаботился об окультуривании и/или озеленении естественных пустошей.

Наконец, самый современный картографический образ был создан Э. Саймонсоном в 2016 г. в ознаменование 500-летия выхода в свет «Утопии» Т. Мора [23]. Он претендует на значительную географическую точность. На нем мы видим тотальное доминирование населенных пунктов. Реки и озера сравнительно многочисленны. Показаны также редкие горы и еще более редкие леса. Как и на самом первом из образов (см. выше), вид острова контрастирует с материковой сушей, где городов нет, но леса и горы есть. Экологичности добавляет зеленый цвет острова (травянистая растительность?) и изображения морских животных в окружающем море. Если воспринимать этот образ буквально, то он говорит о перенаселенности Утопии, в условиях которой чистота рек и озер кажется весьма сомнительной. При этом в сравнении с образами 1516 г. и 1705 г. ощущение пустоши не исчезает, а впечатление ее антропогенной природы только усиливается.

Таким образом, обращение к острову Утопия, как он был описан Т. Мором, а затем визуализирован на картографических образах, выявляет экологическую неоднозначность (часто проблематичность) соответствующих представлений. Эта классическая утопическая модель никак не может служить образцом экологической утопии. Более того, элементы этой модели, которые могли бы быть соотнесены с экологическими особенностями, крайне немногочисленны.

Экотуризм как утопический эксперимент

Утопические воззрения могут обретать форму вполне конкретных проектов, которые кажутся возможными «здесь и сейчас». В истории известно немало попыток их осуществления, когда утопические проекты превращались в утопические эксперименты. К их числу относятся как широко известные попытки реализации «идеальных» моделей [9], так и менее радикальные утопические эксперименты наподобие массового создания сельских городов на Сицилии в первой половине XX века [11]. И те, и другие являются по своей сути большей частью социально-экономическими. В последние десятилетия сферой, где утопические проекты весьма активно становятся экспериментами, стал туризм.

Экологический туризм (экотуризм) представляет собой вид туристической деятельности, направленной на использование природных ресурсов в целях просвещения и устойчивого развития [14; 24]. Первое означает повышение экологической грамотности в плане корректного понимания устройства окружающей среды и ее подверженности влиянию человека. Второе предполагает экологическую активность за счет совмещения туризма с участием в экологических мероприятиях и развитие экологического поведения, то есть отработку навыков ответственного отношения к окружающей среде и усвоения соответствующих ценностей. Экотуризм следует отличать от природного туризма (основные

цели последнего – получение позитивных эмоций и формирование впечатлений) и природной рекреации (она фокусируется на отдыхе и оздоровлении), хотя пересечение этих видов деятельности очевидно.

Экотуристические инициативы получили не только широкое распространение, но и востребованность. Но речь идет скорее о востребованности самой идеи, чем ее реализации. Тем не менее соответствующие проекты реализуются или планируются в большом количестве по всему миру. Однако эта деятельность, как минимум, напоминает серию утопических экспериментов, а, скорее всего, и является таковой (см. ниже). Безусловно, это утверждение может вызвать недоумение с учетом того, как много говорится в настоящее время об экотуризме и его пользе, а также какие усилия тратятся на соответствующую деятельность. Экотуризм видится одним из инструментов достижения гармонии человека с окружающей средой. В действительности же многие успешно реализованные проекты оказываются вовсе не экотуристическими, а относящимися к области природного туризма и рекреации (см. выше). Их рассмотрение лежит вне фокуса настоящей работы, посвященной экотуризму в узком смысле. Также стоит добавить, что активные попытки развития экотуризма в мире можно трактовать как глобальный эксперимент, постановкой которого занята современная цивилизация.

Экотуризм утопичен по двум обстоятельствам. С одной стороны, он трактуется в контексте некоторой идеальной модели, описывающей гармонизацию человека и окружающей среды. С другой стороны, его успешность видится труднодостижимой. Рассмотрим эти обстоятельства с учетом уже полученного опыта экотуристической деятельности. При этом отметим, что ее эффекты могут различаться между странами, что объясняется их историко-культурными особенностями.

Прежде всего, обратим внимание на избыточную идеализацию экотуризма. Почему возможность использования этого вида деятельности для гармонизации общества

и природы видится ограниченной? Во-первых, сам экотуризм предполагает антропогенную модификацию природной среды, увеличение нагрузки на нее, изменение ее культурных атрибутов. Реализация даже самых сбалансированных, научно выверенных проектов все равно приводит к трансформации ландшафта, который приобретает искусственность, в том числе и за счет большего числа посетителей. Кроме того, неизбежно меняются его эстетические свойства. Во-вторых, экотуризм имеет негативные социально-экономические следствия для устойчивого развития, в частности, нарушая развитие местных сообществ и способствуя «размыванию» их идентичности (по сути деградация) за счет интенсификации культурного обмена. Подробнее соответствующие вопросы рассмотрены в монографии Д. Брокингтона и др. [10]. Необходимо отметить, что нередко именно местные сообщества выступают активным фактором гармонизации человека и окружающей среды. В-третьих, экотуризм, поощряя экоактивизм, способствует недопустимой радикализации общественных настроений, которые постепенно выходят за пределы собственно экологических отношений. Вполне очевидно, что такого рода явления трудно совместимы с самой идеей гармонизации. При этом происходит подмена экологических интересов иными задачами, которые, в конечном итоге, нередко противоречат экологическому императиву общественного развития. Игнорирование этих обстоятельств и составляет вышеотмеченную избыточную идеализацию. Оно направляет экотуристический эксперимент по опасному пути, который не только не способствует гармонизации общества и природы, но и еще больше усиливает существующий дисбаланс между ними.

Для того чтобы лучше понять утопическую природу экотуризма, стоит отметить значительные трудности с его практической реализацией. Они диктуются, с одной стороны, ограниченностью спроса, которую довольно непросто преодолеть, а, с другой, – существенным дефицитом весьма специфических зна-

ний, умений и навыков, требующихся для эффективного осуществления соответствующей деятельности. Можно также предположить, что интерес к экотуризму носит явно выраженный поколенческий характер, что, делая этот интерес волнообразным, ограничивает реализуемость соответствующих проектов во времени. Также стоит указать ценностный конфликт, который стимулируется экотуризмом. Дело в том, что последний по своей природе активно способствует распространению в обществе идей локализации и минимализма, которые – при всей своей кажущейся привлекательности – противоречат задачам и ценностям социально-экономического прогресса. Например, нацеленность на локализацию сужает горизонт мышления и отчасти примитивизирует его, что, в свою очередь, ведет к недопониманию всей комплексности взаимодействия человека и природы, а также тормозит использование действительно инновационных инструментов, позволяющих оптимизировать это взаимодействие. Что касается минимализма, связанная с ним ориентация на естественность снижает потребительский спрос, что крайне неблагоприятным образом сказывается на экономике, особенно во время кризисов, затрудняя борьбу государства с их последствиями. Возникающий при этом дефицит средств способен оказать влияние на реализацию действительно важных экологических инициатив. Более того, снижение благосостояния населения вполне может повлиять на его вовлеченность в экологизацию.

Вышесказанное позволяет считать перспективы глобального экотуристического эксперимента сомнительными. Одна часть экотуристических проектов вырождается в проекты природного туризма, а другая – стагнирует или постепенно деградирует. Означает ли сказанное выше отсутствие необходимости в экотуризме? Ответ на этот вопрос должен быть однозначно отрицательным. Во-первых, этот вид деятельности задает корректный и исключительно актуальный для общества этический ориентир. Во-вторых, экотуризм вполне может быть успешно использован как

один из элементов в туристической деятельности для разнообразия предлагаемых услуг. И первое, и второе требуют рационального отношения к экотуризму, его избавления от избыточной идеализации. Иными словами, этот вид деятельности может стать успешным только в том случае, если заложенная в нем утопичность уступит место здравому смыслу. В таком случае экотуризм обретет новый вектор развития, но уже не как бесперспективный утопический эксперимент.

Заключение

Рассмотрение двух аспектов связи экологизации и утопизма позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, классическая утопическая модель, каковой является остров Утопия Т. Мора, не закладывала основу для экологического утопизма. Ее последующие интерпретации, о которых можно судить по картографическим образам, также не развивались в направлении гармонизации общества и природы. Экологичность не только не присуща данной модели, но и может быть противопоставлена заложенной в ней утопичности. Во-вторых, современный экотуристический эксперимент имеет сомнительную перспективность. По всей видимости, он не ведет к гармонизации человека и окружающей среды. Экотуризм может стать некоторым благом только при условии избавления от утопической основы.

Суммируя сказанное, можно увидеть, что совместимость экологических идей и утопических представлений, как минимум, в отдельных аспектах вызывает сомнения. Безусловно, построение утопических моделей вполне может учитывать императив экологизации и даже отталкиваться от него (в таком случае будут развиваться экокотопии). Но насколько это обосновано традициями утопической мысли? Ответ на этот вопрос должен быть скорее отрицательным при обращении к Утопии Т. Мора. Однако существуют и другие утопические модели, сыгравшие большую роль в истории, и изучение их экологичности – задача для последующих исследований. Глобальный экотуристический эксперимент, с одной стороны, демонстрирует явные черты утопичности. Но, с другой стороны, очевидна и его внутренняя противоречивость. Она не только проявляется как результат реализации утопической модели, но и заложена в ней самой – даже если предположить реализацию последней по задуманному плану.

Рассуждения, представленные в настоящей работе, указывают на необходимость дальнейшего изучения тематики экологических утопий. При этом они поднимают и еще ряд вопросов, в частности связанных с ролью исторической преемственности утопических представлений и соотношения валидности утопической модели и успешности утопического эксперимента, поставленного с ее использованием.

Список литературы

1. *Алексеев А.Д.* История фортепианного искусства: монография. Санкт-Петербург: Лань, 2020. 416 с.
2. *Гусева А.Ю.* Об актуальности и противоречивости экологических утопий // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2012. №23. С. 198–219.
3. *Козлова Н.Н., Рассадин С.В.* Проект «Града женского» Кристины Пизанской в контексте утопического дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. №3. С. 129–138.
4. *Мор Т.* Утопия: монография. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1947. 270 с.
5. *Мор Т.* Утопия: монография. Москва: Наука, 1978. 415 с.
6. *Паниотова Т.С., Романенко М.А.* Навык воображать будущее: утопическое измерение советских революционных празднеств // Quaestio Rossica. 2022. №2. С. 577–592.
7. *Прохорова Е.А.* Социально-экономические карты: монография. Москва: Издательство КДУ, 2010. 424 с.

8. *Фоменко А.П.* Утопия в поисках субъекта, субъект в поисках утопии // Вестник Томского государственного университета. 2022. №478. С. 58–63.
9. *Шатула Т.Г.* Превращенные формы социального идеала в практике социальных проектов // Идеи и идеалы. 2010. №1. С. 76–84.
10. *Brockington D., Duffy R., Igoe J.* Nature Unbound. Conservation, Capitalism and the Future of Protected Areas: monograph. London: Earthscan, 2008. 249 p.
11. *Caniglia M.R.* Small rural towns in Sicily from the Utopian project to the abandonment // ArcHistoR. 2020. V.13. P. 541–567.
12. *Datta A.* New urban utopias of postcolonial India: 'Entrepreneurial urbanization' in Dholera smart city, Gujarat // Dialogues in Human Geography. 2015. V.5. P. 3-22.
13. *Daum T.* Farm robots: ecological utopia or dystopia? // Trends in Ecology and Evolution. 2021. V.36. P. 774–777.
14. *Fennell D.A.* A content analysis of ecotourism definitions // Current Issues in Tourism. 2001. V.4. P. 403–421.
15. *Goodey B.R.* Mapping Utopia: a comment on the geography of Sir Thomas More // Geographical Review. 1970. V.60. P. 15–30.
16. *Grossi G., Pianezzi D.* Smart cities: Utopia or neoliberal ideology? // Cities. 2017. V.69. P. 79–85.
17. *Ingebrihtsen S., Jakobsen O.* Utopias and realism in ecological economics - Knowledge, understanding and improvisation // Ecological Economics. 2012. V.84. P. 84–90.
18. *Lillo Castañ V.* A utopia for the new world: Vasco de Quiroga and his translation of Thomas More's Utopia // Historia Mexicana. 2022. V.72. P. 615–644.
19. *Lipschutz R.D.* Eco-utopia or eco-catastrophe? Re-imagining California as an ecological utopia // Elementa. 2018. V.6. P. 65.
20. *McCutcheon E.* More's utopia, Callenbach's ecotopia, and biosphere // Moreana. 2015. V.52. P. 149–170.
21. *More T.* Utopia and selected epigrams: monograph. Dallas: CTMS Publishers at the University of Dallas, 2020. 162 p.
22. *Sargent L.T.* Utopia Matters! The Importance of Utopianism and Utopian Scholarship // Utopian Studies. 2021. V.32. P. 453–477.
23. *Simonson A.* The Size and Shape of Utopia // Bridges Finland Conference Proceedings: international conference proceedings volume. Jyväskylä: The University of Jyväskylä and Bridges Organization, 2016. P. 65–70.
24. *Weaver D.B., Lawton L.J.* Twenty years on: The state of contemporary ecotourism research // Tourism Management. 2007. V.28. P. 1168–1179.
25. *Zahrani S.A., Babonji R., Alhalabi H.* End of Utopia: Dystopian Architecture // Civil Engineering and Architecture. 2022. V.10. P. 93–101.

References

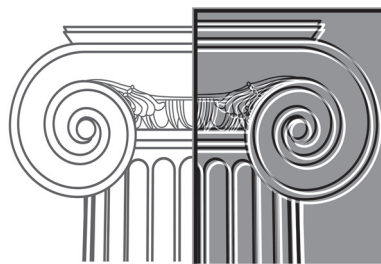
1. Alekseev A.D. History of piano art: monograph. St. Petersburg: Lan, 2020. 416 p. (In Russ)
2. Guseva A.Yu. On the relevance and inconsistency of environmental utopias // Scholarly notes Russian State Hydrometeorological University. 2012. No. 23. pp. 198–219. (In Russ)
3. Kozlova N.N., Rassadin S.V. The project of the "City of Women" by Christina Pisanskaya in the context of utopian discourse // News of the Tula State University. Humanitarian sciences. 2021. №3. pp. 129–138. (In Russ)
4. More T. Utopia: monograph. Moscow–Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1947. 270 p. (In Russ)

5. More T. Utopia: monograph. Moscow: Nauka, 1978. 415 p. (In Russ)
6. Paniotova T.S., Romanenko M.A. The ability to imagine the future: a utopian dimension of Soviet revolutionary festivities // *Quaestio Rossica*. 2022. №2. pp. 577–592. (In Russ)
7. Prokhorova E.A. Socio-economic maps: monograph. Moscow: KDU Publishing House, 2010. 424 p. (In Russ)
8. Fomenko A.P. Utopia in search of a subject, subject in search of a utopia // *Tomsk State University Bulletin*. 2022. No. 478. pp. 58–63. (In Russ)
9. Shatula T.G. Transformed Forms of the Social Ideal in the Practice of Social Projects // *Ideas and Ideals*. 2010. №1. pp. 76–84. (In Russ)
10. Brockington D., Duffy R., Igoe J. Nature Unbound. Conservation, Capitalism and the Future of Protected Areas: monograph. London: Earthscan, 2008. 249 p.
11. Caniglia M.R. Small rural towns in Sicily from the Utopian project to the abandonment // *ArcHistoR*. 2020. V.13. P. 541–567.
12. Datta A. New urban utopias of postcolonial India: 'Entrepreneurial urbanization' in Dholera smart city, Gujarat // *Dialogues in Human Geography*. 2015. V.5. P. 3–22.
13. Daum T. Farm robots: ecological utopia or dystopia? // *Trends in Ecology and Evolution*. 2021. V.36. P. 774–777.
14. Fennell D.A. A content analysis of ecotourism definitions // *Current Issues in Tourism*. 2001. V.4. P. 403–421.
15. Goodey B.R. Mapping Utopia: a comment on the geography of Sir Thomas More // *Geo-graphical Review*. 1970. V.60. P. 15–30.
16. Grossi G., Pianezzi D. Smart cities: Utopia or neoliberal ideology? // *Cities*. 2017. V.69. P. 79–85.
17. Ingebrigtsen S., Jakobsen O. Utopias and realism in ecological economics - Knowledge, understanding and improvisation // *Ecological Economics*. 2012. V.84. P. 84–90.
18. Lillo Castañ V. The History of Mexican History. 2022. V.72. P. 615–644.
19. Lipschutz R.D. Eco-utopia or eco-catastrophe? Re-imagining California as an ecological utopia // *Elementa*. 2018. V.6. P. 65.
20. McCutcheon E. More's utopia, Callenbach's ecotopia, and biosphere // *Moreana*. 2015. V.52. P. 149–170.
21. More T. Utopia and Selected Epigrams: A Monograph. Dallas: CTMS Publishers, 2020. 162 p.
22. Sargent L.T. Utopia Matters! The Importance of Utopianism and Utopian Scholarship // *Utopian Studies*. 2021. V.32. P. 453–477.
23. Simonson A. The Size and Shape of Utopia // *Bridges Finland Conference Proceedings: international conference proceedings volume*. Jyväskylä: The University of Jyväskylä and Bridges Organization, 2016. P. 65–70.
24. Weaver D.B., Lawton L.J. Twenty years on: The state of contemporary ecotourism re-search // *Tourism Management*. 2007. V.28. P. 1168–1179.
25. Zahrani S.A., Babonji R., Alhalabi H. End of Utopia: Dystopian Architecture // *Civil Engineering and Architecture*. 2022. V.10. P. 93–101.

*

Поступила в редакцию 29.08.2022

КУЛЬТУРНЫЕ
ПРАКТИКИ

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ МЕДИАКОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТА ВУЗА: СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

УДК 023:808.5

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-120-132>

К. К. Онучина

Российский государственный социальный университет,
Москва, Российская Федерация
e-mail: onuchina-k@mail.ru

Е. Л. Кудрина

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Аннотация: В статье рассматривается важная для современного общества проблема – необходимость изменений в современной системе высшего образования в условиях транзитивного общества, переживающего многочисленные мировые трансформации. Это цифровизация, санкционная и ментальные войны, ковидные проявления, информационные изменения и т.д. Так как современный, постоянно меняющийся рынок труда требует высокого уровня специалистов, в том числе с точки зрения здоровья, то здоровьесберегающие компетенции студента вуза должны пониматься как основополагающая компонента профессиональной компетентности будущего специалиста, что, к сожалению, сегодня не находит своего должного разрешения в вузовской практике. В связи с этим в статье предложены основы понимания сущности и содержания здоровьесберегающей медиакомпетентности студента вуза на основе современных научных достижений.

Ключевые слова: медиакомпетенции, здоровьесберегающие медиакомпетенции, медиаобразование, студент вуза, профессиональная компетентность.

Для цитирования: Онучина К.К., Кудрина Е.Л. Здоровьесберегающие медиакомпетенции студента вуза: сущность и содержание // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 120-132. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-120-132>

HEALTH-SAVING MEDIA COMPETENCIES OF A UNIVERSITY STUDENT: ESSENCE AND CONTENT

ОНУЧИНА КРИСТИНА КОНСТАНТИНОВНА – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

КУДРИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА – доктор педагогических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

ONUCHINA KRISTINA KONSTANTINOVNA – Senior Lecturer, Russian State Social University

KUDRINA EKATERINA LEONIDOVNA – DSc in Pedagogy, professor, acting Rector of FSBEI HE «Moscow State Institute of Culture»

© Онучина К.К., Кудрина Е.Л., 2022

Kristina K. Onuchina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
e-mail: onuchina-k@mail.ru

Ekaterina L. Kudrina

Moscow State Institute of Culture, Moscow Region, Khimki, Russian Federation
e-mail: kudrina_el@mgik.org

Abstract: The article deals with an important problem for modern society – the need for changes in the modern system of higher education in a transitive society that is undergoing numerous global transformations. These are digitalization, sanctions and mental wars, covid manifestations, information changes, etc. Since the modern constantly changing labor market requires a high level of specialists, including from the point of view of health, the health-saving competencies of a university student should be understood as a fundamental component of the professional competence of a future specialist, which, unfortunately, today does not find its proper resolution in university practice. In this regard, the article proposes the basics of understanding the essence and content of the health-saving media competence of a university student on the basis of modern scientific achievements.

Keywords: media competencies, health-saving media competencies, media education, university student, professional competence.

For citation: Onuchina K.K., Kudrina E.L. Health-saving media competencies of a university student: essence and content. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 120-132. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-120-132>

Актуальность формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студента вуза обусловлена современными проблемами российского и мирового общества: информационная война и пандемия, мировой экономический и энергетический кризисы, санкции и их последствия, цифровизация и трансформация и другие явления современного транзитивного мира, который предъявляет новые требования к специалисту современного рынка труда во всем мире. Особый интерес представляет проблема исследования формирования медиакомпетенций в сфере высшего образования, что становится все более актуальным в современной российской социально-экономической и социокультурной ситуации в условиях цифровой революции. По мнению Б. С. Павлова, система высшего образования – это ключевой фактор для социальной мобильности и карьерного успеха молодых людей. Современные выпускники, по его мнению, должны быть готовы к вызовам времени [14, с. 46–54].

С целью поиска путей и средств формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций выпускника вуза как будущего специалиста необходимо определить, во-первых, их сущностную составляющую. В условиях развивающегося цифрового общества ключевой сущностью профессиональной компетентности специалиста может быть, на наш взгляд, его медиакомпетентность, которая, в свою очередь, формируется в процессе медиаобразования. Такое понимание позволяет определить сущностную составляющую здоровьесберегающих медиакомпетенций, так как бурное развитие цифровых технологий принесло не только прогресс развитию человечества, но и нанесло ему физический и моральный ущерб.

Цифровая революция в стране и в мире, обусловленная новой и сложной природой мировой медиасферы, диктует необходимость подготовки профессионалов, способных быстро и без вреда собственному здоровью

и здоровью окружающих осуществлять медиадеятельность разного рода и вида. В отечественной системе высшего образования, на наш взгляд, следует опираться на исследования о медиакомпетенциях на основе *здоровьесберегающего подхода*. Это обусловлено тем, что для развития специалистов, компетентных в сфере здоровьесберегающих технологий, в вузе закладывается база самой здоровьесберегающей системы высшего образования. Системе высшего образования по определению присуще творчество, креативное мышление, изобретательность, инициативность, что принципиально важно для этого. ФГОС ВО предусматривает требования к выпускнику вуза в виде универсальных компетенций, обязательных для овладения специальностью, которые включают знания, умения, навыки, способы деятельности личности как *коммуникатора*. Конечно, следует согласиться, что они имеют самый общий характер и слабо, на первый взгляд, соотносятся с медиакомпетенциями, но в то же время это позволяет системе высшего образования переходить на другой уровень подготовки специалистов, а именно специалистов, сохраняющих и сберегающих здоровье субъектов образования. Обоснованием такой идеи является наличие в системе высшего образования хорошей базы для подготовки *специалистов – коммуникаторов – медиаторов, компетентных в сфере здоровьесбережения*. Этому способствуют следующие положения:

- во-первых, многолетний международный опыт и активно развивающаяся в мире образовательная практика медиаобразования;
- во-вторых, цифровой взрыв в мире и пандемия коронавируса, а также удалённое обучение и удалённая работа в связи с этим, обострившие проблему потребности в развитии здоровьесберегающего медиаобразования на всех её уровнях;
- в-третьих, медиаобразованные и медиакомпетентные выпускники вузов наиболее интересны и востребованы

для современного работодателя, так как удалённая работа стала широко распространяться в российском обществе, что требует применения здоровьесберегающих технологий.

Ряд авторов считает, и с этим можно согласиться, что необходимость выявления условий для формирования в вузе здоровьесберегающих медиаккомпетенций обучающихся приобретает ещё большую актуальность в связи с запросом инновационного характера современного рынка труда и потребностями работодателей, испытывающих дефицит в специалистах, владеющих здоровьесберегающими медиаккомпетенциями. Работодатели отдают предпочтение выпускникам, которые могли бы осуществлять профессиональную деятельность, опираясь на сформированные в вузе новые и передовые медиаккомпетенции, сохраняющие здоровье. В этом аспекте значимым является позиция ряда авторов о том, что страна, в которой дефицит медиаобразованных специалистов, не может претендовать на мировое лидерство, что свидетельствует не только об актуальности, но и об исторической важности проблемы развития медиаккомпетенций студентов в вузе и для России в целом. Об этом настоятельно уже не одно десятилетие говорят медиапедагоги, продвигая эти передовые идеи [1; 4; 6; 7; 12; 13; 14; 15].

Несмотря на наличие большого интереса исследователей к проблеме формирования медиаккомпетенций, в педагогической науке и практике отдельные её аспекты остаются всё-таки малоизученными, к ним можно отнести и проблему формирования здоровьесберегающих медиаккомпетенций обучающихся в вузе студентов, будущих специалистов. Всё вышесказанное делает проблему формирования здоровьесберегающих медиаккомпетенций перспективной для исследования, а на основе выявления их роли в профессиональной компетентности позволяет осуществить поиск путей и средств организационно-педагогического воздействия на этот процесс, что сделает решение данной проблемы более эффективным.

Сложная природа значения столь универсального понятия, как «медиакомпетенции здоровьесберегающего свойства», требует дальнейшего содержательно-терминологического и сущностного определения на основе анализа других понятий, родственных с этим – таких как «способности и возможности», «готовность», «потенциал» и др.

Анализ выявленных нами научных исследований с целью определения сущности и содержания медиакомпетенций здоровьесберегающего свойства свидетельствует о наличии интереса исследователей к данной проблеме. Наиболее широко представлено в науке такое ключевое понятие по теме, как «медиаобразование». Оно уже сформировалось как некое современное научно-педагогическое направление, востребованное в современном обществе в связи с цифровой трансформацией сегодняшней действительности. Понятие стало широко исследоваться не только в медиасфере, но и в других сферах жизнедеятельности, прежде всего в сфере образования [19;13].

«Российская педагогическая энциклопедия» трактует медиаобразование как направление в педагогике, выступающее за изучение школьниками и студентами «закономерностей массовой коммуникации (прессы, телевидения, радио, кино, видео и т. д.). Основные задачи медиаобразования: подготовить новое поколение к жизни в современных информационных условиях, к восприятию различной информации, научить человека понимать ее, осознавать последствия ее воздействия на психику, овладевать способами общения на основе невербальных форм коммуникации с помощью технических средств» [17, с. 555]. Сущность медиаобразования в современном мире хорошо представила Хомутова К. В., которая считает, что оно помогает человеку активно использовать возможности информационного поля телевидения, радио, видео, кинематографа, прессы, Интернета, позволяет ему лучше понять язык медиакультуры. Оно делает человека (специалиста) медиакомпетентным, то есть способным полноценно воспринимать, анализировать и оценивать

(на базе развитого аналитического мышления) произведения медиакультуры, использовать различные виды медийной техники, создавать и распространять медиатексты самому (в области прессы, Интернета, кино и пр.) и, конечно, делает его способным осознанно противостоять негативным медийным влияниям [20, с. 15].

Для раскрытия данного понятия важен вклад науки медиапедагогике – как отрасли педагогики, включающей в себя науки о медиаобразовании, медиаграмотности и медиавоспитании, которые раскрывают закономерности развития личности в процессе медиаобразования. Так, в частности, под медиавоспитанием в здоровьесберегающем контексте понимается направление в педагогической теории и практике междисциплинарного характера исследования (психология, медицина, социология, философия творчества и др.). В основе медиавоспитания – ориентация на преодоление противоречия между ценностями здоровья в традиционном значении и смыслами личности и медиасмыслами. При этом цель здоровьесберегающего медиавоспитания является одновременно и процессом, и критерием результата [12].

Ключевым понятием по теме исследования является понятие «медиакомпетентность». Медиакомпетентность как интегрированное качество личности, необходимое для жизни в современном информационном мире и являющееся важнейшим компонентом профессиональной компетенции специалистов, рассматривают и исследуют многие авторы. Так, с точки зрения Н. И. Чеботаревой, в педагогической работе важно медиатехнологии рассматривать как технологии по предупреждению манипулятивного воздействия СМИ на студенческую аудиторию, а значит – и здоровьесбережения [19]. Медиакомпетентность личности понимается как совокупность её мотивов, знаний, умений, возможностей (показатели: мотивационный, контактный, информационный, перцептивный, интерпретационно-оценочный, практико-операционный, деятельностный, креативный), способствующих

выбору, использованию, критическому анализу, оценке, созданию и передаче медиатекстов в различных формах и жанрах, анализу сложных процессов функционирования медиа в социуме [18]. По мнению исследователей, в этом процессе одним из основополагающих факторов выступает формирование и закрепление самостоятельности применения студентами приобретенных знаний и навыков, составляющих медиакомпетентность. Среди них центральными являются:

- критическое мышление, критическая автономия и рефлексия;
- опора на *личностно-ориентированный* подход в развитии медиакомпетентности, обеспечивающая студентам «активную, свободную позицию в педагогическом процессе, что выражается в понимании студента как субъекта собственной деятельности по саморазвитию, способного к активной направленной деятельности. *Личностный подход* реализуется в педагогической технологии в ряде особенностей педагогического процесса, в том числе в принципе диалогического взаимодействия, принципе перевода процесса развития медиакомпетентности в режим самоорганизации, саморазвития»;
- развитие медиакомпетентности студентов включает использование *деятельностного подхода*, под которым понимается ориентация на «активную, продуктивную, самостоятельную и групповую деятельность, активные методы обучения, соотнесение результата деятельности с заявленными целями» [18].

Следующим термином в синонимическом ряду понятий, анализируемых нами и позволяющих сформировать сущность и содержание понятия «здоровьесберегающие медиакомпетентности» – это «медиакомпетентности». Анализ выявленной нами научной литературы свидетельствует, что под «медиакомпетентностями» следует подразумевать совокупность, например, следующих компонентов:

- готовность и способность оказывать влияние на окружающих при решении образовательных, управленческих, организационных, практических профессионально-ориентированных профессиональных задач;
- умение создавать эффективные проектные и управленческие команды для решения профессиональных задач в сфере медиа;
- умение работать в команде и как организатор, и как рядовой исполнитель, вносить ощутимый вклад в работу медиакоманды, даже если не учтены его личные интересы и др. [12].

Такое понимание медиакомпетентностей можно соотнести со «здоровьесберегающими медиакомпетентностями», опираясь на следующие толкования медиакомпетентностей здоровьесберегающего свойства в науке:

- умение соотносить личные и общественные цели здоровьесберегающей медиасистемы;
- умение брать на себя ответственность за результаты, в том числе в плане сохранения и сбережения здоровья окружающих медиасистемы и др.;
- способность к адаптации в новых ситуациях, переоценке накопленного опыта в сфере здоровьесберегающих медиакомпетентностей здоровьесберегающей медиасистемы;
- умение принимать оптимальные и эффективные решения в условиях ограничения времени и ресурсов здоровьесберегающей медиасистемы и др. [12; 18].

Опираясь на осуществленный нами анализ, мы делаем вывод, что здоровьесберегающие медиакомпетентности – это определённая совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, сберегающих её здоровье в условиях медиаобразования [10; 21]. Но вместе с тем нами не обнаружены исследования о роли и месте медиакомпетентностей здоровьесберегающего свойства в развитии

профессиональной компетентности студентов вуза, будущих специалистов. Отсутствуют и разработки организационно-педагогических средств и методов по формированию медиакомпетенций здоровьесберегающего свойства студентов вуза, будущих специалистов. Некоторое время тому назад и исследователи, и педагоги били тревогу относительно такого явления, как медиазависимость. Теперь же мы не просто обходим молчанием эту проблему, но сделали медиазависимость нормой жизни [11].

Важность проблемы также подтверждается вниманием к ней целого ряда авторов. Так, например, Мейкшане Т. А. обращает внимание на влияние учебных действий на цифровое здоровье студентов-бакалавров в период пандемии [11]. Была исследована научно-теоретическая база по медиакомпетенциям здоровьесберегающего свойства. Установлено, что исследователи не раз предпринимали попытки их изучения [1; 11; 12].

Цифровое здоровье и благополучие (digital health and well-being) – это обобщенный термин, характеризующий состояние физического и психологического комфорта индивидуума в среде, изобилующей цифровой коммуникацией [1; 4]. Пользователь, обладающий медиакомпетенциями, должен быть ответственен за своё цифровое здоровье и благополучие. Он должен уметь рефлексировать над своим опытом взаимодействия с цифровой средой и использовать его для создания чувства собственной безопасности, удовлетворения, реализации потребностей, при этом осознавая как физические, так и психологические риски, которые могут сопровождать использование индивидуумом цифровых технологий [11; 13].

Интересно мнение ряда исследователей о необходимости медиатизации всех сфер нашей жизни, заметно усилившейся в связи с ситуацией пандемии, что требует включения в систему образования медиаэкологического подхода. Медиатизация рассматривается как одно из его направлений, как *медиагигиена*, что, на наш взгляд, соотносится с потребностью формирования здоровьесберегающих

компетенций для её обеспечения. Конкретизируются ее формы и возможности интеграции в образовательный процесс. Исследователи отмечают серьезные последствия чрезмерного медиапотребления, которые проявляются на разных уровнях, что свидетельствует о важности формирования здоровьесберегающих компетенций. Назовем лишь некоторые из тех, что они выявляют:

1. Проявляются заметные *изменения в поведении студентов* (нарушается двигательная активность, слабо формируются навыки вербального общения; формируется так называемый «оцепеневший» взгляд, замедляется и интеллектуальное развитие; нередко повышается уровень тревожности и агрессивности, активно растет группа «социопатов», возрастает количество обучающихся, жалующихся на «паническую атаку» и др.) [6; 13].

2. *Наблюдаются негативные последствия информационного давления на здоровье* (формирование доминантного очага; приучение к потреблению «порций» информации; формирование привычки некритичного чрезмерно эмоционального реагирования на информацию; формирование ощущения дефицита времени) [19; 20].

3. *Снижается способность к концентрации внимания*. Философ Уильямс Джеймс описывает три уровня человеческого внимания и то, как оно деформируется современной информационной средой [10; 21]. Он отмечает, что непосредственное внимание заметно рассеивается постоянными уведомлениями, приходящими на смартфон. Концентрация на медиа не даёт возможности сосредоточиться на других процессах, требующих погружения (например, творческих), по причине постоянного отвлечения и переключения. В результате страдает не только ежедневная продуктивность, но и здоровье: появляются нервозность, раздражительность. Неслучайно известный исследователь Наталья Бехтерева отмечала: «Если бы люди были здоровы и, скажем так, оказывались бы менее часто подавлены или перевозбуждены домашними, национальными, государственными и гло-

бальными проблемами, творческий потенциал человечества значительно увеличился бы» [3]. К сожалению, сегодня именно медиа нередко становятся поставщиками проблем, которые перевозбуждают нас, но повлиять на решение которых мы не можем, что отрицательно сказывается на здоровье.

4. *Формируется так называемая «экономика медиаотвлечения»,* в которой медиа стремятся завладеть нашим вниманием и, по словам генерального директора Netflix Рида Хастингса, конкурируют уже не друг с другом, а со сном, едой, профессиональной деятельностью аудитории. В ситуации неопределенности и трансформационных процессов в обществе эти и многие другие последствия медиатизации нашей жизни усиливаются, зависимость современных людей от медиа возрастает. Рассчитывать на то, что по завершении сложного этапа, вызванного пандемией, неопределенность исчезнет, не приходится. Выходом из подобной ситуации нам видится внедрение в наш образ жизни навыков медиагигиены. Под медиагигиеной мы понимаем комплекс мероприятий, направленных на изучение влияния факторов медиасреды на здоровье человека, его работоспособность и продолжительность жизни, а также – разработку нормативов, требований, мероприятий, способствующих его оздоровлению. Эта совокупность знаний должна быть интегрирована в образовательный процесс на всех его уровнях [2; 4].

Ряд исследователей (Коротун А. В., Широкий В. В. и др.) отмечают рост заболеваемости в студенческом возрасте в процессе профессиональной подготовки. Это обусловлено следующими факторами: несвоевременный прием пищи, малое пребывание на свежем воздухе, недостаточная двигательная активность, отсутствие закалывающих процедур, выполнение самостоятельной учебной работы в ночное время, непрерывное использование интернет-ресурсов, курение и др. Накапливаясь в течение студенческой жизни, эти процессы оказывают негативное влияние на здоровье. Все это существенно усугубилось

негативным влиянием на здоровье субъектов медиасферы, так как процессы, связанные с пандемией, заострили проблемы, которые появились давно и связаны с активным вторжением медиа в нашу жизнь. Изучение выявленных теоретических источников свидетельствует, что медиаздоровье – как свойство профессионала – актуально и является серьезной проблемой; оно было и является предметом внимания исследователей, что обусловлено ростом социально-экономических перемен в обществе в виде трансформаций и цифровых революций.

Как уже было сказано, «здоровьесберегающие компетенции» – *это определённая совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, сберегающих его здоровье в условиях вредоносных медиа.* Человек, обладающий здоровьесберегающими качествами, может быть более успешным в системе высшего образования и конкурентоспособным специалистом. Социальные, политические, социокультурные факторы информатизации общества, проникновение медиа во все сферы жизнедеятельности современного общества актуализируют проблемы развития медиакомпетентности личности – личности, способной к творческому взаимодействию с произведениями медиакультуры, к их самостоятельному анализу и оценке, к использованию в полной мере образовательных и развивающих потенциалов медиа в различных сферах своей жизнедеятельности.

Анализ содержания основных понятий, связанных с термином «здоровьесберегающие медиакомпетентности» как компетенции, обладающие здоровьесберегающими свойствами, осуществлённый нами, позволяет утверждать: будущая профессиональная деятельность студента, выпускника вуза, обладающего здоровьесберегающими медиакомпетентностями, в условиях рыночной экономики конкурентоспособна и эффективна, так как она, по своей сути, социально и экономически оправдана. Для решения задач формирования и развития личностных и профессиональных качеств, необходимых для формирования здоровьесберега-

ющих медиакомпетенций как основы развития профессиональной компетентности будущих специалистов в вузе, важно понять, определить и создать условия для этого (педагогические, организационные, структурные и т. д.).

Дальнейшее исследование проблемы формирования *здоровьесберегающих медиакомпетенций* студентов вуза, как сущностной составляющей профессиональной компетентности будущего специалиста цифровой эпохи, требует анализа публикаций, в которых автор обсуждает роль высших учебных заведений в формировании и развитии таких специалистов. Также важно выявить факторы, необходимые для создания в вузах особых условий, которые способствуют развитию, формированию и проявлению обучающимися студентами свойств здоровьесберегающих медиакомпетенций.

В целом важно отметить, что в исследованных источниках подчеркивается важная составляющая этого процесса – *познавательно-профессиональная деятельность обучающихся*, где особое место отводится медиавзаимодействию студентов с профессорско-преподавательским составом, между собой, с пользователями сетей и др., определяющая и формирующая их позиции, специальные качества и социальные свойства здоровьесберегающего медиакоммуникатора. В связи с этим, на наш взгляд, важно рассматривать *познавательно-профессиональную деятельность обучающихся студентов вуза* по своему содержанию и способам её организации в качестве *фактора* развития здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов. Особую значимость для исследования проблемы формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза средствами *познавательно-профессиональной деятельности обучающихся студентов вуза* имеют работы, посвященные изучению медиакомпетенций в вузах. Это нашло отражение в работах Л. Ахметовой, которая подчеркивает, что «Организация объединённых наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO) рекомендует медиаобразование

к внедрению в национальные учебные планы всех государств» [2]. Перцева У. С. отмечает, что сегодня преподаватель вынужден отвечать на вызовы, выраженные в новых запросах со стороны общества, особенно – в лживой информации со стороны медиасферы [15, с. 27].

Социальная потребность общества в медиаграмотных специалистах различного профиля появилась в обществе уже давно, поэтому вузы должны с максимально возможной эффективностью обеспечить конкурентные преимущества для профессионалов не только внутри отечественного рынка труда, но и за рубежом. Применительно к развитию медиаобразования в высшей школе особую значимость и перспективность имеет утверждение и регистрация новой специализации «Медиаобразование» учебно-методическим управлением по специальностям Педагогического образования Министерства образования Российской Федерации в 2002 году. Основанием для регистрации данной специализации (при специальности «социальная педагогика», государственный номер специализации «Медиаобразование» 03.13.30), предназначенной для внедрения в педагогических вузах, стал пакет документов, подготовленный научно-исследовательским коллективом и опубликованными работами [19, 20]. Таким образом, анализ многочисленных теоретических и нормативно-правовых источников, выявленных нами, позволяет утверждать, что,

– **во-первых**, научные источники и документы позволили определиться с рабочей дефиницией понятия «*здоровьесберегающие медиакомпетенции*», которое мы рассматриваем как совокупность элементов, как *готовность и способность*:

- оказывать здоровьесберегающее медиавлиание на окружающих лиц при решении профессиональных и личностных задач;
- создавать медиаэффективные здоровьесберегающие проектные команды;
- работать в медиакоманде в качестве организатора или исполнителя, вносить вклад в работу команды, в том

числе в здоровьесберегающие стороны деятельности;

- брать на себя ответственность за здоровьесбережение других лиц, участников медиаобразовательного процесса и др.;
- **во-вторых**, анализ теоретических источников также привел к пониманию важности наличия в вузе ряда *организационно-педагогических условий* для формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза в условиях цифровой трансформации и пандемии, к которым следует отнести:
  - создание эффективной системы формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза, стимулирование их развития с целью формирования профессиональных компетенций будущего специалиста, которые повышают уровень их конкурентоспособности на современном рынке труда;
  - формирование внутренней и внешней среды вуза, способствующей формированию здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов через пропаганду достижений обучающихся вуза в этом вопросе на рынке труда;
  - разработка методических и методологических основ формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза как элемента развития профессиональной компетентности будущего специалиста цифрового общества посредством включения в воспитательно-образовательный процесс вуза инновационных и эффективных форм медиаобразования;
  - формирование у студентов вуза личностной заинтересованности в получении конкурентоспособного образования на основе формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций, актуализации их потребностей в самореализации и самоуправлении профессиональной компетентности;

- создание конкурентоспособной воспитательно-образовательной среды вуза как квазипрофессиональной рыночной среды цифрового общества средствами и возможностями формирования здоровьесберегающих медиакомпетенций студентов вуза для развития профессиональных компетенций студентов вуза и др.;

– **в-третьих**, на основе анализа учебно-научной литературы, нормативно-правовых актов, квалификационных требований к выпускникам вуза и специальных ведомственных положений было установлено, что *по своему содержанию здоровьесберегающие медиакомпетенции* студентов вуза, будущих специалистов, можно подразделить на *группы*:

- *здоровьесберегающие медиакомпетенции интеллектуального свойства*, которые проявляются в овладении знаниями, умениями, навыками и способами интеллектуальной деятельности *здоровьесберегающего содержания*, необходимыми для выполнения профессиональных задач;
- *здоровьесберегающие медиакомпетенции организаторского свойства*, проявляющиеся в овладении знаниями, умениями, навыками и способами организации здоровьесберегающей медиадеятельности;
- *здоровьесберегающие медиакомпетенции исполнительского свойства*, то есть знания, умения, навыки и способы деятельности исполнительского *содержания*, необходимые для выполнения современных профессиональных задач;
- *здоровьесберегающие медиакомпетенции социально-коммуникативного свойства*, то есть знания, умения, навыки и способы социально-коммуникативной медиадеятельности, необходимые для выполнения современных профессиональных задач;
- *здоровьесберегающие медиакомпетенции мотивационно-ценностного свой-*

ства, то есть знания, умения, навыки и способы деятельности, необходимые для формирования мотивации и ценностей здоровья всех участников медиаобразовательного процесса в вузе.

Из этого следует, что здоровьесберегающие медиакомпетенции специалиста могут рассматриваться как *интегральный результат и сущностная основа профессионального образования в вузе в условиях цифрового общества и цифрового вуза*, что является как продуктом содержания образования в вузе, так и формы, в которой этот процесс происходит. В качестве перспективной и эффективной *формы* мы рассматриваем вузовскую медиасреду, потенциал которой в развитии здоровьесберегающей медиакомпетенции выпускника вуза на сегодняшний день не раскрыт – как в теории высшего образования, так и на практике.

С целью развития *профессиональных компетенций выпускника вуза, формирования интегральной характеристики конкурентоспособного специалиста в условиях цифрового общества* следует выделить положения, которые должны быть характерны для вуза, заинтересованного в данном процессе:

- ориентация вуза на формирование здоровьесберегающей медиакомпетенции выпускника вуза как *способа* развития современной профессиональной компетентности будущего специалиста, конкурентоспособного в условиях рынка и цифрового мира;
- создание *организационно-педагогических условий* в вузе по формированию здоровьесберегающей медиакомпетенции выпускника вуза как *способа* развития современной профессиональной компетентности будущего специалиста, конкурентоспособного в условиях рынка и цифрового мира;
- создание в вузе *единого современного информационно-образовательного пространства, способствующего интеграции образовательной и воспитательной среды вуза и медиасреды*, реализации совместных проектов

по развитию конкурентоспособной личности, обладающей современными профессиональными компетенциями, к которым мы относим здоровьесберегающие компетенции.

Таким образом, *сущностными характеристиками*, наиболее значимыми для этого процесса при определении уровня здоровьесберегающих медиакомпетенций, являются в нашем исследовании *готовность к здоровьесберегающей профессиональной деятельности в цифровом мире и разносторонние способности студента*, будущего специалиста, необходимые для успешной деятельности:

- *интеллектуальные способности*, проявляющиеся в способности и готовности к выполнению профессиональных медиазадач здоровьесберегающего свойства специалистом на основе сформированных когнитивных способностей студента;
- *организаторские способности*, выражающиеся в способности и готовности организовать реализацию здоровьесберегающих медиатехнологий в системе высшего образования и в будущей профессиональной сфере; готовность действовать по четкому алгоритму, целенаправленно с точки зрения сбережения здоровья студентов вуза, будущих специалистов, с упорным стремлением достичь поставленной цели;
- *исполнительские способности*, рассматриваемые нами как способность и готовность к реализации исполнительской здоровьесберегающей деятельности с использованием медиатехнологий и т. д.;
- *социально-коммуникативные способности*, которые, в нашем понимании, заключаются в индивидуальном подходе к людям при реализации здоровьесберегающих технологий; во владении здоровьесберегающими навыками стрессоустойчивого поведения и рациональных действий в обращении с ин-

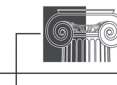
формацией в цифровой медиасфере и т. д.;

- *мотивационные способности*, в нашем понимании, это способность и готовность к выявлению проблем

и осуществлению профессиональной деятельности в цифровом мире на основе овладения навыками мотивации здоровьесберегающей медиакомпетентности студента вуза и т. д.

Список литературы

1. Амзин А.А. О переоценке важности новых форматов в российских онлайн-медиа. Сборник статей к научно-практической конференции под редакцией Корнева М.С., 2016. Москва, С. 9–12.
2. Ахметова Л. С., Медиаобразование и медиакомпетентность в Казахстане: проблемы и перспективы. Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. С. 38–41.
3. Бехтерева Н. В. Здоровый и больной мозг человека. 2-е издание, переработанное и дополненное. Ленинград: Наука, 1988. 262 с.
4. Бондаренко Е. А. Медиаобразование и медиаграмотность на современном этапе развития российского образования // Российско-американский форум образования. 2014. Т. 108. С. 98–112.
5. Богданов Ю. М., Селиванов С. А., Силаев Ю. В. О необходимости выявления и нейтрализации угроз обществу и государству в социальных сетях и средствах массовой информации. // Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности». Москва. 2016. С. 31–34.
6. Дубовер Д. А. Медиаобразование как среда развития социальных компетенций у обучающихся различных образовательных ступеней // Медийно-информационная грамотность современного педагога: в 3 ч. Ч. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 30–31 октября 2018 г. / сост. и научн. ред. О. М. Скибина. Оренбург: Издательство «Оренбургская книга». 2018. С. 60–65.
7. Елисеев В. Н. Педагогические реалии информационного общества // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 2 (151). С. 66–71.
8. Жижина М. В. Медиаграмотность как стратегическая цель медиаобразования: о критериях оценки медиакомпетентности // Медиаобразование, 2016. № 4. С. 47–65.
9. Жилавская, И. В. К вопросу о концепции теории всеобщих медиа [Электронный ресурс] / И. В. Жилавская. Москва, 2018. URL: <http://mic.org.ru/vyp/24-nomer-2018/k-voprosu-o-kontseptsii-teorii-vseobshchikh-media/>
10. Кудрина Е. Л., Онучина К. К., Ярных В. И. Медиаобразование и медиаобразовательные технологии как здоровьесберегающий ресурс // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 41–44.
11. Мейкишане Т. А., Шестерина А. М., Урбан Д. Ценности населения Беларуси. Результаты национального опроса населения [Электронный ресурс]: Исследовательский центр ИПМ. 2019. URL: <http://www.research.by/projects/values/>
12. Максимова Г. П. Научное обоснование медиавоспитания, медиаобразования в прикладном и теоретическом направлениях // Вестник Академии. № 1 (20). С. 53–60.
13. Онкович Г. В. Медиаобразовательные технологии и компетентностно-ориентированный подход в обучении // Современные тенденции в развитии российского медиаобразования 2010. Т. 2 / Под общ. ред. Е. Л. Варгановой, И. В. Жилавской. Москва: Изд-во МГУ, 2010. С. 53–58.

14. Павлов Б. С. Социологические исследования в Институте экономики УрОРАН (полувековой курс по итогам 1968–2018 гг.) / Российское общество социологов; Институт экономики УрО РАН; Уральский федеральный университет. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. 825 с.
15. Перцева У. С. Проблемное поле медийно-информационной грамотности педагога: социологический анализ // Медийно-информационная грамотность современного педагога: в Ч. 1. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, Оренбургский государственный педагогический университет, 30–31 октября 2018 г. / сост. и научн. ред. О. М. Скибина. Оренбург: Издательство «Оренбургская книга». 2018. С. 161–166.
16. Пандемия информации: как фейки в Сети влияют на человека и борьбу с коронавирусом. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/02/kak-fejki-v-seti-vliiaut-na-borbu-s-koronavirusom.html>
17. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. Москва: Большая Рос. энцикл., 1993–1999. Москва, Т. 1 / Гл. ред. В. В. Давыдов. 1993. С. 607.
18. Федоров, А. В. Медиаобразование вчера и сегодня: монография. Москва: Директ-Медиа, 2013. 230 с.
19. Чеботарева Н. И. Педагогические условия формирования медиакомпетентности студенческой аудитории [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/113>
20. Хомутова К. В. Медиаобразование 2013: Сб. трудов Международного форума конференций «Медиаобразование 2013». Москва, 31 октября – 02 ноября 2013 г. / Под редакцией И. В. Жилавской. Москва: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2013. С. 267.
21. Ярных В. И. Корпоративная модель медиаобразования: возможности и перспективы // Гуманитарный научный вестник, Смоленск. 2020. № 8. С. 62–68.

References

1. Amzin A.A. On the reassessment of the importance of new formats in Russian online media. Collection of articles for the scientific and practical conference, edited by Kornev M.S., 2016. Moscow, pp. 9-12. (In Russ.)
2. Akhmetova L.S., Media education and media competence in Kazakhstan: problems and prospects. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2013. No. 21 (312). Philology. Art history. Issue. 80 . pp. 38–41. (In Russ.)
3. Bekhtereva N.V. Healthy and diseased human brain. 2nd edition, revised and enlarged. Leningrad: Nauka, 1988. 262 p. (In Russ.)
4. Bondarenko E.A. Media education and media literacy at the present stage of development of Russian education // Russian-American Education Forum. 2014. V. 108. S. 98–112. (In Russ.)
5. Bogdanov Yu.M., Selivanov S.A., Silaev Yu.V. On the need to identify and neutralize threats to society and the state in social networks and the media. // Collection of materials of the III All-Russian scientific-practical conference “Consolidation of society: analytics for ensuring the development of Russia and its national security.” Moscow. 2016. P.31–34. (In Russ.)
6. Dubover D.A. Media education as an environment for the development of social competencies among students at various educational levels // Media and information literacy of a modern teacher: in 3 hours. Part 1. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, October 30-31, 2018 / comp. and scientific ed. O.M. Skibina. - Orenburg: Publishing house “Orenburg book”. 2018, pp. 60–65. (In Russ.)
7. Eliseev VN Pedagogical realities of the information society // Bulletin of the Orenburg State University. 2013. No. 2 (151). pp. 66–71. (In Russ.)
8. Zhizhina M.V. Media literacy as a strategic goal of media education: on the criteria for evaluating media competence / M.V. Zhizhina // Media education, 2016. No. 4. P. 47-65.

9. Zhilavskaya, I. V. To the question of the concept of the theory of general media [Electronic resource] / I. V. Zhilavskaya. Moscow, 2018. URL: <http://mic.org.ru/vyp/24-nomer-2018/k-voprosu-o-kontseptsii-teorii-vseobshchikh-media/> (In Russ.)
10. Kudrina E.L., Onuchina K.K., Yarnykh V.I. Media education and media education technologies as a health-saving resource // Professional education in Russia and abroad. 2020. No. 4. P. 41–44. (In Russ.)
11. Meikshane T.A., Shesterina A.M., Urban D. Values of the population of Belarus. Results of the national survey of the population [Electronic resource]. URL: IPM Research Center. 2019. (In Russ.)
12. Maksimova G.P. Scientific substantiation of media education, media education in applied and theoretical directions // Bulletin of the Academy. No. 1 (20). pp.53–60. (In Russ.)
13. Onkovich G.V. Media education technologies and competency-based approach to teaching // Modern trends in the development of Russian media education 2010. V.2 / Ed. ed. E.L. Vartanova, I.V. Zhilavskaya. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2010, pp. 53–58. (In Russ.)
14. Pavlov B. S. Sociological research at the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (a half-century digression following the results of 1968–2018) / Russian Society of Sociologists; Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences; Ural Federal University. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. 825 p. (In Russ.)
15. Pertseva U.S. The problematic field of media and information literacy of a teacher: a sociological analysis // Media and information literacy of a modern teacher: in Part 1. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, October 30–31, 2018 / comp. and scientific ed. O.M. Skibina. - Orenburg: Publishing house “Orenburg book”. 2018, pp. 161–166. (In Russ.)
16. Pandemic of information: how fakes on the Web affect a person and the fight against coronavirus. [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2020/12/02/kak-fejki-v-seti-vliiaut-na-borbu-s-koronavirusom.html> (In Russ.)
17. Russian Pedagogical Encyclopedia: In 2 volumes. Moscow: Bolshaya Ros. Encycl., 1993–1999. Moscow. T. 1 / Ch. ed. V.V. Davydov. 1993. 607 p. (In Russ.)
18. Fedorov, A.V. Media education: yesterday and today: monograph. Moscow: Direct-Media, 2013. 230 p. (In Russ.)
19. Chebotareva N. I. Pedagogical conditions for the formation of media competence of the student audience [Electronic resource] // Modern problems of science and education. 2013.; No. 6.: <http://www.science-education.ru/113> (In Russ.)
20. Khomutova K. V. Media education 2013: Sat. Proceedings of the International Forum of Conferences “Media Education 2013”. Moscow, October 31– November 02, 2013 / Edited by I. V. Zhilavskaya. Moscow: RIC MGGU im. M. A. Sholokhova, 2013. P. 267. (In Russ.)
21. Yarnykh V.I. Corporate Model of Media Education: Opportunities and Prospects // Humanitarian Scientific Bulletin, Smolensk. 2020. No. 8. pp. 62–68. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 18.08.2022

И НКЛЮЗИВНЫЕ КРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАЗВИВАЮЩЕМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 316.7

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-133-141>

О. Ю. Мацукевич

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: olgmats@yandex.ru

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: yaroch1@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается социально-культурный подход как научно-теоретическая основа решения задач социально-культурной реабилитации. Авторы вводят в научный оборот понятие «инклюзивные креативные практики», которое позволяет рассматривать процесс социально-культурной реабилитации как широкий набор форм и форматов, обобщённо названных «практиками». При этом подчёркнут новый аспект в понимании социально-культурной реабилитации, который конкретизирует её состояние не только как процесс решения индивидуальных задач поддержки творческого развития человека, но и как форму деятельности, способную вырабатывать новые, инклюзивные состояния культуры в целом. Анализируются подходы к разработке концепции инклюзивных креативных практик в России, обосновывается модель инклюзивной творческой лаборатории в системе креативных индустрий. Представлен анализ возможностей включения людей с ограничениями по здоровью и с инвалидностью в процесс создания креативных продуктов инклюзивной творческой лаборатории.

Ключевые слова: инвалиды, креативные индустрии, социально-культурная реабилитация, инклюзивные креативные практики, инклюзивные творческие лаборатории.

Для цитирования: Мацукевич О.Ю., Ярошенко Н.Н. Инклюзивные креативные практики в развивающем пространстве российской культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 133-141. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-133-141>

МАЦУКЕВИЧ ОЛЬГА ЮРЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры»

MATSUKEVITCH OLGA YURYEVNA – DSc in Pedagogy, Professor of Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy Moscow State Institute of Culture

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy Moscow State Institute of Culture

© Мацукевич О.Ю., Ярошенко Н.Н., 2022

INCLUSIVE CREATIVE PRACTICES IN THE DEVELOPING SPACE OF RUSSIAN CULTURE

Olga Yu. Matsukevitch

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: olgmats@yandex.ru

Nikolay N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: yarochn1@yandex.ru

Abstract: The article considers the socio-cultural approach as a scientific and theoretical basis for solving the problems of socio-cultural rehabilitation. The authors introduce the concept of “inclusive creative practices” into scientific circulation, which allows us to consider the process of socio-cultural rehabilitation as a wide range of forms and formats, generically called “practices”. At the same time, a new aspect in the understanding of socio-cultural rehabilitation is emphasized, which concretizes its state not only as a process of solving individual tasks to support a person’s creative development, but also as a form of activity capable of developing new, inclusive states of culture as a whole. The approaches to the development of the concept of inclusive creative practices in Russia are analyzed and the model of an inclusive creative laboratory in the system of creative industries is substantiated. The analysis of the possibilities of an inclusive creative laboratory for the inclusion of people with disabilities and disabilities in the process of creating creative products is presented.

Keywords: disabled people, creative industries, socio-cultural rehabilitation, inclusive creative practices, inclusive creative laboratories.

For citation: Matsukevitch O.Y., Yaroshenko N.N. Inclusive creative practices in the developing space of russian culture. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 133-141. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-133-141>

Становление инклюзивного мировоззрения и инклюзивных форм деятельности сегодня становится одной из наиболее актуальных примет гуманизации жизни российского общества, в котором утверждаются традиционные для российской культуры идеи добра, сочувствия и деятельной заботы о нуждающихся. Переоценить важность этого процесса невозможно в силу устойчивой динамики инвалидизации современного общества.

Так, экспертная оценка, проведенная Всемирной организацией здравоохранения, показала, что люди с инвалидностью составляют в среднем 15 % населения планеты, т. е. более миллиарда человек. Пятая часть из них, или около 190 млн, имеют се-

рьезные формы инвалидности. В настоящее время большинство людей с ограниченными возможностями живут в развивающихся странах (80 %) [12].

В России также наблюдается тенденция роста числа людей с ограниченными возможностями здоровья на фоне общего снижения численности населения страны. Ежегодно статус инвалида присваивается более чем миллиону жителей России, почти половина из них – это граждане трудоспособного возраста.

Инвалид, как это определено в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» – это «лицо, которое имеет нарушение здоровья со стойким рас-

стройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [8, ст. 1]». Необходимость организации социальной поддержки обусловлена объективными ограничениями жизнедеятельности, которые определяются полной или частичной утратой человеком «способности или возможности осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, ориентироваться, общаться, контролировать свое поведение, обучаться и заниматься трудовой деятельностью [8, ст. 1]».

Согласно данным Федерального реестра инвалидов в эту многочисленную группу граждан включены 11 миллионов 550 тысяч человек, в большей или меньшей степени ограниченных в своих связях и возможностях коммуникации с обществом, которые сталкиваются со значительными барьерами на пути интеграции в социальное и культурное пространство [14]. При этом активность таких людей, их желание принимать участие в жизни общества и нежелание оставаться запертыми в четырех стенах своего недуга, остро ощущаются. И наряду с мерами социального обеспечения формируется запрос на социально-культурную поддержку инклюзивных инициатив и креативных практик инвалидов. Поэтому сегодня в России данное направление становится одним из приоритетных государственной культурной политике и находится в центре внимания федеральных и региональных органов управления культурой. Вместе с тем этот процесс должен исходить не только из социальных запросов на развитие инклюзивных практик в сфере культуры, но и в полной мере учитывать научно-теоретические основы социально-культурной реабилитации.

В начале 2000-х годов учеными Московского государственного института культуры была разработана научная концепция социально-культурной реабилитации в исследованиях Т. Г. Киселевой, Ю. Д. Красильникова, О. Ю. Мацукевич, Ю. С. Моздоквой

и других специалистов. Эта концепция получила развитие в работах последователей (Ю. А. Акунина, В. Ю. Плехов, Л. В. Тарасов, Н. В. Шарковская, Д. В. Шамсутдинова, Н. Н. Ярошенко и др.) и признание научного сообщества России, в том числе в рамках нескольких Симпозиумов [11].

Методологическим основанием социально-культурной реабилитации и проектирования современных арт-пространств выступает социально-культурный подход [17], направленный на создание уникальной развивающей среды, обладающей вариативностью самоорганизованных форм неформального общения людей на основе досуговых интересов и культурных потребностей, где инициаторами выступают сами члены данного сообщества различных возрастов, а реализация технологий социокультурной реабилитации инвалидов является существенным дополнением к комплексу мер, направленных на интеграцию людей с инвалидностью в социум и формирование доступной среды.

По мнению А. Ю. Шеманова, «социокультурная реабилитация является признанной частью общего процесса реабилитации людей с инвалидностью. Она направлена на то, чтобы облегчить этим людям включение в общество, на то, чтобы они могли реализовать своё участие в нём максимально полно и эффективно. В этом смысле по своим задачам социокультурная реабилитация смыкается с концепцией социальной инклюзии, ставящей своей целью обеспечить полноту участия всех членов общества в его жизни независимо от присущих им особенностей (происхождения, пола, расы, состояния здоровья, инвалидности и т. п.)» [16, С. 6].

Отечественная концепция социально-культурной реабилитации базируется на утверждении, что в условиях равноправия «приобщения к общечеловеческим ценностям и потребления культурных благ в значительной степени активизируются жизненные функции людей с ограниченными возможностями здоровья, несмотря на «иллюзорность» полного восстановления здоровья» [1; 4; 6; 7; 9;

13; 17]. Это даёт возможность рассматривать социально-культурную реабилитацию как целостный процесс общекультурного развития личности, ориентированный на уникальность индивидуальных черт человека с инвалидностью, позволяющий достигать устойчивого разнообразия социальных контактов, гармонии с окружающим миром искусства и культуры.

В современной российской системе социально-культурной реабилитации инвалидов развиваются такие инновационные процессы, как формирование негосударственного сектора реабилитации; распространение новых реабилитационных технологий и средств реабилитации, активизация роли семьи в реабилитации инвалида; внедрение специализированных форм подготовки реабилитологов. Эти процессы направлены на совершенствование реабилитации – как детей, так и взрослых – с разными причинами и тяжестью инвалидности [11, С. 4].

Социально-культурная реабилитация – это проектируемый педагогический процесс, объединяющий комплекс специфических технологических подходов, представляющих конструктивную, творческую деятельность, сущность которой заключается в анализе проблем и выявлении причин их возникновения, выработке целей и задач, характеризующих желаемое состояние объекта (или сферы проектной деятельности), разработке путей и средств достижения поставленных целей. Наиболее детально аспекты проектирования социокультурных программ, в том числе инклюзивных, представлены в современных исследованиях Ю. А. Акуниной, Г. М. Бирженюка, О. В. Ваниной, А. П. Маркова, И. Ф. Симоновой, Т. Н. Суминовой и др. [1].

Закономерным шагом в развитии концепции социально-культурной реабилитации становится введение нами нового понятия — «инклюзивные креативные практики», которое позволяет институализировать процесс социально-культурной реабилитации в широкий набор форм и форматов, обобщённо названных «практиками». И это новый аспект

в понимании социально-культурной реабилитации, который конкретизирует её состояние не только как *процесса решения индивидуальных задач поддержки творческого развития человека*, осуществляемую в тех или иных формах, но и как *формы деятельности, способной вырабатывать новые, инклюзивные состояния культуры в целом*.

Об этом, в частности, пишет Н. В. Шарковская: «Актуальность осмысления социокультурной реабилитации усиливается в русле активизации динамики функционирования преобразовательных процессов в самой педагогической системе социально-культурной деятельности, отражающей позитивные перемены не только в отношении общества к людям с инвалидностью, но и в представлениях самих инвалидов об их значимости в современном обществе» [15].

Инклюзивные креативные практики предполагают, с одной стороны, создание новых креативных продуктов людьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, а с другой – формирование на принципах инклюзии коммуникативного и деятельностного пространства, равнодоступного и открытого для всех, а не только для инвалидов.

Соответственно, учреждения культуры (дома и дворцы культуры, культурные центры, парки, библиотеки, музеи и др.), реализуя и поддерживая инклюзивные креативные практики, инициируют формирование особого типа коммуникации, учитывающей специфику творчества посетителей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. В то же время сами инклюзивные креативные практики реализуются в особом арт-пространстве – открытой территории общего доступа, предназначенной для самовыражения и творческой деятельности, для взаимодействия творческих людей, которые будут создавать уникальный продукт, развивать инфраструктуру. Арт-пространства могут быть разными по содержанию, а содержание часто зависит от особенностей пространства, где они расположены.

Поддержка инклюзивных креативных практик – это центральное направление работы с инвалидами и людьми с ограниченными возможностями здоровья в сфере культуры. Так, например, Министерство культуры Российской Федерации, реализуя Национальный проект «Культура», делает акцент на развитии инклюзии, предоставляя людям с инвалидностью возможность приобщения к культурным ценностям, участия в культурных мероприятиях без каких-либо ограничений, получать творческие профессии. В рамках Федерального проекта «Придумано в России», начиная с 2021 и по 2025 год, поставлена задача развития особого типа креативных инклюзивных практик – создания сети *инклюзивных творческих лабораторий (центров)* на базе учреждений культуры по направлениям: организация досуговой деятельности, методическое обеспечение и повышение квалификации, создание банка литературы, проектирование креативных индустрий [3]. В общей сложности в 2023–2025 годы планируется создать 300 лабораторий с необходимым бюджетным финансированием и штатным расписанием.

Согласно заявленной концепции предполагается, что инклюзивные творческие лаборатории создают условия для включения участников с инвалидностью в социально-культурную деятельность, для расширения круга общения и реализации творческого потенциала, а также для создания и монетизации новых креативных продуктов. Инновационной идеей в данном проекте становится понятие альтернативной занятости, которая может стать источником дохода. По мнению доктора педагогических наук, ректора Российской специализированной государственной академии искусств Е. А. Пахомовой, «...результатом работы таких лабораторий становится культурная социализация и социально-экономическая интеграция», что может позволить инвалидам вносить экономический вклад в общество и создавать свой бизнес» [3].

Согласно статистическим данным Проектного офиса по реализации мероприятия «Создание инклюзивных творческих лабо-

раторий» на базе Российской государственной специализированной академии искусств, в 2022 году уже создано 90 лабораторий в 85 регионах Российской Федерации. Направления деятельности этих лабораторий достаточно разнообразны – от создания изделий до предоставления услуг в сфере культуры. Результаты деятельности лабораторий – 90 постоянно действующих творческих программ в области исполнительских искусств, 160 проведенных мероприятий, объединивших 23 тысячи участников с инвалидностью [3].

Успешно действуют лаборатории в сфере музейной деятельности, предоставляющие услуги для разных категорий посетителей, а также – в театральной сфере, где развиваются инклюзивные театры, функционирующие как на бюджетной, так и антрепризной основах, создающие иммерсивные и артхаусные постановки [3].

Несомненно, масштабность задачи создания сети инклюзивных творческих лабораторий как нового формата инклюзивных креативных практик открывает новые возможности, и в то же время заставляет задуматься о концептуальных подходах и технологиях реализации заявленных целей.

Во-первых, при реализации идеи альтернативной занятости следует учитывать психологические особенности инвалидизации сознания человека, которые провоцируют иждивенческие установки и пассивное отношение к трудовой активности на фоне пенсионной материальной поддержки. Применение творческих навыков досуговой активности инвалида в условиях трудовой деятельности неизбежно влечет переутомление и осложнение физического статуса. Поэтому тезис о том, что применение творческих навыков инвалидов «...позволит им в дальнейшем открыть своё дело и внести экономический вклад в общество» [3] выглядит как трудноосуществимая задача. Безусловно, в ситуации ресоциализации такие результаты всегда желанны, однако они не могут быть массовыми и всегда будут уникальными. В истории отечественной культуры имеются единичные примеры: здоровые люди

получали травмы, приводившие к инвалидности, но в результате преодоления и силы воли возвращались к активной трудовой деятельности, достигая общественно признанных результатов. Такой путь прошли, например, выдающийся российский офтальмолог С. Федоров, ученый Л. Понрягин, народные артисты А. Папанов и З. Гердт, советский скульптор Лина По, российские предприниматели Р. Аранин и О. Бойко, летчики С. Соколов и А. Марсеев [10]. Скорее всего, речь должна идти об индивидуальных траекториях развития инвалидов в креативных практиках, которые в перспективе могут быть включены в креативные индустрии.

Во-вторых, достаточно сложным процессом является монетизация креативного продукта как источника дохода инвалидов. Эта цель также весьма привлекательна и социально значима: ведь она, по сути, намечает еще один из путей к обеспечению альтернативной занятости инвалидов путем включения их в деятельность предприятий малого бизнеса, тогда как большинство креативных практик инвалидов реализуются в государственной системе учреждений культуры всех типов и в некоммерческих общественных организациях. Для осуществления монетизации креативного продукта инвалидов должны быть созданы особые условия, возможно, в особом формате частно-государственного партнерства с введением специальных налоговых режимов и льгот, субсидий и преференций, которые еще не прошли апробацию [5].

В-третьих, создание инклюзивных творческих лабораторий предполагает формирование специальных условий в учреждениях культуры для реализации инклюзивных проектов. И при этом наиболее ярко проблемы обнаруживаются на уровне кадрового обеспечения проектов и программ для инвалидов и в создании доступной для них среды в учреждениях культуры [2]. Учреждения культуры клубного (культурно-досугового) типа традиционно реализуют проекты социально-культурной реабилитации, рекреации и клубного общения населения по месту житель-

ства, создавая любительские объединения и творческие студии для всех групп населения. Однако доступность среды, профессиональная компетентность сотрудников не всегда соответствует требуемому уровню базовых компетенций при творческом взаимодействии с посетителями, имеющими ограниченные возможности здоровья и инвалидность (в частности, ментальные расстройства). Многолетний опыт Московского государственного института культуры по проведению курсов повышения квалификации для работников культуры в рамках Федерального проекта «Творческие люди», реализуемого под эгидой Министерства культуры Российской Федерации, подтверждает наш вывод о неравномерности формирования инклюзивных креативных практик в регионах. Проекты социально-культурной реабилитации в регионах реализуются в большинстве случаев общественными организациями и службами социальной защиты, а не учреждениями культуры. И новые креативные практики в инвалидной среде еще не в должной мере подкреплены соответствующими кадровыми, средовыми и содержательно-деятельностными условиями.

Полагаем, что в данном аспекте целесообразно обратить особое внимание на направление подготовки кадров в вузах культуры, специализирующихся на организации массовой социально-культурной деятельности, развитию досуговой активности населения, технологических подходах инклюзивного досуга, проектировании инклюзивных арт-пространств в креативных индустриях. Ведь именно вузы культуры, количественно и территориально широко представленные в России, на основе паритетного участия совместно с Российской специализированной академией искусств, могут стать центрами подготовки кадров для создания и развития инклюзивных творческих лабораторий в стране.

Таким образом, солидаризируясь с Министерством культуры РФ в разработке критериев отбора учреждений культуры для создания инклюзивных творческих лабораторий, иссле-

довательский коллектив кафедры социально-культурной деятельности МГИК предлагает комплекс методических рекомендаций, учитывающих организационно-управленческие и содержательные аспекты:

- универсальный дизайн доступной среды учреждения; сформированную безбарьерную инфраструктуру для инвалидов и маломобильных групп населения;
- организацию мониторинга культурных запросов и потребностей особых посетителей, их восприятия, вкусов, предпочтений, удовлетворенность потребностей, мотиваций их к творческому взаимодействию путем выстраивания коммуникаций с различными сообществами людей, имеющих инвалидность, информирование о наличии программ доступности;
- формирование активной позиции участников посредством погружения в творческую деятельность, интерактивность предлагаемых социально-культурных практик, применение технологий социально-культурной анимации одухотворения отношений между людьми, традиционных видов и жанров художественного творчества, арт-терапевтических методик;
- цифровизацию как ресурс удаленного доступа к арт-пространству (в учреждениях должны быть созданы аккаунты в социальных сетях и канал на YouTube; официальный сайт предполагает простоту и понятность

в использовании, все видео сопровождаются субтитрами);

- организацию диалоговой коммуникативной сети, где каждый из участников обретает новую роль, инициирует возникновение множества точек опоры и динамично растущих зон самореализации инвалидов;
- методическое сопровождение и повышение квалификации специалистов для обслуживания и творческого взаимодействия с инвалидами разных категорий. (Повышению квалификации будет способствовать и проведение научно-практических конференций, семинаров, курсов, экскурсий в специализированные учреждения, стажировок);
- разработку долгосрочных программ, позволяющих привлечь к социокультурной реабилитации инвалидов широкий круг партнеров – учебные заведения, общественные организации, индивидуальных предпринимателей и др.

Полагаем, что креативные инклюзивные практики, в том числе и их новая форма – инклюзивные творческие лаборатории, могут способствовать культурной социализации и социально-экономической интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья в учреждения культуры. Формирование инклюзивного пространства современной культуры способствует снижению социальной напряженности, является одним из резервов для повышения социальной стабильности и гармонизации общественных отношений в нашей стране.

Список литературы

1. Акунина Ю.А., Ванина О.В. Проектирование креативных общественных пространств: социально-культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 3 (89). С.167–173.
2. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда». Утверждена постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 363.
3. Инклюзивные творческие лаборатории России. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/s/inklyuzivnye-tvorcheskiye-laboratorii-rossii/>
4. Киселева Т.Г., Красильников Ю.Д. Социально-культурная деятельность: учебник для студентов

- вузов, обучающихся по направлению подгот. «Соц.-культур. деятельность» и специальности «Социал.-культур. деятельность». Москва : Московский государственный университет культуры и искусств, 2004. 539 с.
5. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 г. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г № 2613-р.
  6. Красильников Ю. Д. Личность и среда: ценностно-смысловые ориентиры культурного равновесия / Ю. Д. Красильников // Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в современной России: монография. Москва: МГУКИ, 2018. С. 84–108.
  7. Мацукевич О.Ю. Творчество в социально-культурной ресоциализации молодых инвалидов // Культура и образование. 2014. № 3 (14). С. 87–92.
  8. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации. Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ (ред. от 28.12.2022).
  9. Плехов В.Ю. Социокультурная реабилитация людей с ограниченными возможностями здоровья средствами сценических искусств: от доступности к инклюзии // Наука, образование и культура. 2021. №1(56). С. 46 – 49.
  10. Российские инвалиды, добившиеся успеха [Электронный ресурс]. URL.: <https://startgames.org/novosti/izvestnye-invalidy-rossii.html>
  11. Социально-культурная реабилитация инвалидов: от терапии искусством к творческому развитию личности: материалы Международного симпозиума «Социально-культурная реабилитация инвалидов: от терапии искусством к творческому развитию личности» (5–8 октября 2015 года, г. Москва) / научный редактор Н.Н. Ярошенко; редакторы : О.Ю. Мацукевич, Ю.А. Акунина, Т.В. Золотцева, Л.В. Тарасов. Москва: Московский государственный институт культуры, 2015. 358 с.
  12. Статистика инвалидности в России и мире на 2020 г. [Электронный ресурс]. URL.: <https://tiflocentre.ru/stati/statistika-po-invalidnosti.php>
  13. Тарасов Л.В. Социокультурная анимация: истоки, традиции, современность. Москва: Одухотворение, 2008. 129 с.
  14. Федеральный реестр инвалидов – единая база данных для граждан, признанных в установленном порядке инвалидами, и для органов власти, которые оказывают услуги или меры социальной поддержки инвалидам [Электронный ресурс]. URL.: <https://sfri.ru/>
  15. Шарковская Н.В. Базовые методические принципы социально-культурной реабилитации инвалидов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. №6 (68). С. 178–184.
  16. Шеманов А. Ю. Изучение начал культурного развития человека как основание социокультурной реабилитации // Социально-культурная реабилитация инвалидов: от терапии искусством к творческому развитию личности: материалы Международного симпозиума (5–8 октября 2015 года, г. Москва). Москва: Московский государственный институт культуры, 2015. С. 6–11.
  17. Ярошенко Н.Н. Социально-культурная деятельность в изменяющемся мире: условия ценностно-смысловой нормализации // Ценностно-смысловое содержание социально-культурной деятельности в современной России: монография. Москва: МГУКИ, 2018. С. 206–215.

References

1. Akunina Yu.A., Vanina O.V. Designing creative public spaces: a socio-cultural approach // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2019. No. 3 (89). pp.167–173.
2. State program of the Russian Federation “Accessible environment”. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation of March 29, 2019 No. 363.

3. Inclusive creative laboratories in Russia. [Electronic resource]. URL: <https://www.culture.ru/s/inklyuzivnye-tvorcheskiye-laboratorii-rossii/>
4. Kiseleva T.G., Krasilnikov Yu.D. Socio-cultural activity: a textbook for university students studying in the direction of preparation. "Soc.-cultural. activity" and specialty "Social.-cultural. activity". Moscow: Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p.
5. Concept for the development of creative (creative) industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and largest urban agglomerations until 2030. Approved by order of the Government of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 2613-r.
6. Krasilnikov Yu. D. Personality and environment: value-semantic guidelines of cultural balance / Yu. D. Krasilnikov // Value-semantic content of social and cultural activity in modern Russia: monograph. Moscow: MGUKI, 2018, pp. 84–108.
7. Matsukevich O.Yu. Creativity in the socio-cultural re-socialization of young disabled people // Culture and Education. 2014. No. 3 (14). pp. 87–92.
8. On the social protection of disabled people in the Russian Federation. Federal Law No. 181-FZ of November 24, 1995 (as amended on December 28, 2022).
9. Plekhov, V.Yu. Sociocultural rehabilitation of people with disabilities by means of performing arts: from accessibility to inclusion // Science, education and culture. 2021. No. 1 (56). pp. 46 - 49.
10. Russian disabled people who have achieved success [Electronic resource]. URL: <https://startgames.org/novosti/izvestnye-invalidy-rossii.html>
11. Socio-cultural rehabilitation of the disabled: from art therapy to the creative development of the individual: materials of the International Symposium "Socio-cultural rehabilitation of the disabled: from art therapy to the creative development of the individual" (October 5–8, 2015, Moscow) / scientific editor N .N. Yaroshenko; editors: O.Yu. Matsukevich, Yu.A. Akunina, T.V. Zolottseva, L.V. Tarasov. Moscow: Moscow State Institute of Culture, 2015. 358 p.
12. Disability statistics in Russia and the world for 2020 [Electronic resource]. URL: <https://tiflocentre.ru/stati/statistika-po-invalidnosti.php>
13. Tarasov L.V. Sociocultural animation: origins, traditions, modernity. Moscow: Spiritualization, 2008. 129 p.
14. The Federal Register of Disabled Persons is a unified database for citizens who are recognized as disabled in the prescribed manner, and for authorities that provide services or measures of social support to disabled people [Electronic resource]. URL: <https://sfri.ru/>
15. Sharkovskaya N.V. Basic methodological principles of social and cultural rehabilitation of disabled people // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2015. No. 6 (68). pp. 178–184.
16. Shemanov A. Yu. The study of the beginnings of human cultural development as the basis for socio-cultural rehabilitation // Social and cultural rehabilitation of disabled people: from art therapy to the creative development of the individual: materials of the International Symposium (October 5–8, 2015, Moscow). Moscow: Moscow State Institute of Culture, 2015, pp. 6–11.
17. Yaroshenko N.N. Socio-cultural activity in a changing world: conditions for value-semantic normalization // Value-semantic content of socio-cultural activity in modern Russia: monograph. Moscow: MGUKI, 2018, pp. 206–215.

*

Поступила в редакцию 15.08.2022

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ В МЕДИАСРЕДЕ

УДК 316.77 : 17

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-142-149>

А. Д. Жуков

Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

e-mail: polkovodets@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется феномен возникновения нового комплекса этических проблем, связанных с медиатизацией и цифровизацией общества. Констатируется, что в России, в отличие от западных стран, пока не сложился общепризнанный этический кодекс поведения в социальных медиа. В связи с этим автор предлагает и обосновывает необходимость соблюдения в соцсетях этических принципов, закрепленных в кодексах этики журналистов (в первую очередь, Кодексом профессиональной этики российского журналиста). Кроме того, обобщается опыт формирования этических медиакомпетенций у студентов в рамках существующей с 2020 года Медиамастерской НИУ ВШЭ. С целью выработки и фиксации этических норм поведения в цифровой среде делается вывод о необходимости продолжения публичной дискуссии о допустимости тех или иных форм поведения в социальных медиа.

Ключевые слова: новые медиа, этика, медиакомпетенции, медиамастерская, медиатизация.

Для цитирования: Жуков А.Д. Формирование этических компетенций в медиасреде // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 142-149. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-142-149>

FORMATION OF ETHICAL COMPETENCES IN THE SOCIAL MEDIUM

Andrey D. Zhukov

High School of Economics, Moscow, Russian Federation

e-mail: polkovodets@mail.ru

Abstract: The article analyzes the phenomenon of the emergence of a new set of ethical problems associated with the mediatisation and digitalization of society. It is stated that in Russia, unlike Western countries, there has not yet been a generally recognized ethical code of conduct in social media. In this regard, the author proposes and substantiates the need to observe ethical principles in social networks, enshrined in the codes of ethics of journalists (primarily, the Code of Professional Ethics of a Russian Journalist). In addi-

---

ЖУКОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – соискатель кафедры педагогических и социально-экономических наук ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», заместитель заведующего Центром медиапрактик Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ZHUKOV ANDREY DMITRIEVICH – Applicant of the Department of Pedagogical and Socio-Economic Sciences, Moscow State Institute of Culture, Deputy Head of the Center for Media Practice, National Research University Higher School of Economics

© Жуков А.Д., 2022

tion, the experience of developing ethical media competencies among students in the framework of the HSE Media Workshop, which has been existing since 2020, is summarized. It is concluded that it is necessary to continue the public discussion about the admissibility of certain forms of behavior in social media in order to develop and fix ethical standards of behavior in the digital environment.

Keywords: new media, ethics, media competencies, media workshop, mediatization.

For citation: Zhukov A.D. Formation of ethical competences in the social medium. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 142-149. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-142-149>

Вопросы нравственности, морали, того, «что такое хорошо и что такое плохо», волнуют человечество не одно тысячелетие. Впервые «этика» как отдельная область знания, практическая наука, изучающая деятельность человека, появляется в работах Аристотеля. До нас дошли три его труда по этой теме – «Никомахова этика», «Эвдемова этика» и «Большая этика». (Этос – в переводе с греческого – *привычка, нрав, обыкновение*; соответственно, этика – это учение о добродетели или же о нравственности.) Как философская дисциплина этика отвечает на вопрос, как следует правильно жить, обосновывает необходимость и правила совместного общежития людей, которые они готовы принять по взаимному согласию и исполнять на добровольной основе [7].

Одной из существенных черт этики является ее нормативность. Она не только отражает предмет, но в определенной мере также формирует его на основе житейской практики. При этом принятые в обществе представления о добре и зле, о морали и нравственности сами подвержены трансформации. (Как известно, еще пару сотен лет назад публичные казни и пытки преступников считались вполне приемлемыми и собирали полные площади людей.)

До сих пор продолжают споры о внутренних двигателях этой трансформации. Недавнее исследование Фернандес-Вильверде, Гринвуда и Гунера [9] показывает, что моральные убеждения подвержены динамическим изменениям под влиянием технологического прогресса. Новые возможности, изменение объемов затрат и прибылей чреватые весьма глубокими моральными последствиями.

Например, исследователи сосредоточились на том, как появление эффективных противозачаточных средств повлияло на отношение к раннему и внебрачному сексу. Выяснилось, что технологии обеспечивают сдвиг в моральных убеждениях даже в тех регионах, где традиционно сильно влияние религиозных этических принципов.

Важное замечание в этой связи делает проф. Е. В. Мареева, которая акцентирует внимание на двух типах развития общества – на основе классической гуманистической традиции в континентальной Европе и более технологизированного, англо-саксонского: «В наши дни различают интеллектуала и интеллигента. Западный интеллектуал как раз ассоциируется с наукой типа Science, имеющей прикладное и технологическое назначение. И в таком контексте «креативность» – это именно творчество, лишенное нравственного начала. Это производство новых идей, не имеющих отношения к идеалам. Другая ситуация, когда ум и образованность служат нравственному деянию, у многих ассоциируется с русской интеллигенцией XIX века» [2].

Не менее значительные изменения в этике стали следствием медиатизации и цифровизации всех сторон нашей жизни. Нынешний этап существования цивилизации исследователи медиа называют «четвертой коммуникационной революцией» [1; 5]. Кардинальное упрощение средств производства и распространения информации, возникновение тысяч новых каналов коммуникации на платформах социальных сетей привели к тому, что каждый обладатель более или менее активного аккаунта

в соцсетях может считаться медиа журналистом, поскольку выполняет функции, присущие журналистике – по сбору, обработке и распространению информации для неопределенного круга пользователей. Общество столкнулось с феноменом медиатизации всех сторон жизни, с процессом качественного изменения социальных коммуникаций, в котором медиа из зеркала общественного бытия превратились в фактор, определяющий многие аспекты жизни личности и общества в целом. Согласно Ф. Кротцу «медиатизация является обоснованным в модификации коммуникаций основным принципом, по которому люди конструируют социальный и культурный мир» [11].

Очевидно, что расширение за счет медиатизации привычных границ повседневной жизни социума привело к возникновению нового пласта этических проблем. Появился даже термин «новая этика», призванный зафиксировать те изменения в нормах поведения, которые появились в XXI веке. Четкого определения этого явления на сегодня не существует. «Новая этика» позиционирует себя как альтернатива отжившим моральным догмам, предлагает публичное обсуждение моральных проблем, в том числе проблемы насилия, сексуальной ориентации, домогательств, риторики ненависти.

Есть предположение, что термин впервые прозвучал в начале 2018-го: именно в это время на сайте N+1 стартовал проект о правилах жизни в цифровой среде, где медиаэксперты отвечали на злободневные вопросы: как реагировать на хейт в комментариях, обязательны ли феминитивы и т. д. [4]. Хотя известно, что еще на рубеже XIX–XX веков оформилось движение «Neue Ethik», основательницей которого была немецкая феминистка, педагог и публицист Хелен Штекер (Helene Stöcker).

Сегодня под «новой этикой» понимается сразу несколько довольно разных вещей: этика медиаобщения, гендерная этика, а также нормы делового общения. Зафиксируем некоторые дискуссионные моменты в каждом из этих направлений, по которым идет наиболее активная дискуссия в медиа [3; 6].

Деловое общение

1. *Прилично ли звонить, не предупредив сообщением?*

Многие апологеты новой этики убеждены, что такие звонки «без предупреждения» даже от знакомых людей грубо нарушают их личное пространство. Более того, например, в регионах многие люди просто не берут трубку, если видят звонки с незнакомых номеров. Поэтому проще начать коммуникацию, отправив сообщение. Понятно, что это относится именно к деловому общению, а не к разговорам с родными и близкими.

2. *Можно ли писать контрагенту в мессенджере?*

Как правило – да. Даже в такой консервативной сфере, как медицина, первый контакт все чаще и чаще происходит в мессенджере. А уж в креативных индустриях это считается практически общепринятой нормой.

3. *Стоит ли использовать в деловой коммуникации голосовые сообщения?*

А вот тут ответ, как правило, отрицательный. Не стоит рассчитывать, что в момент получения голосового сообщения у адресата будут подключены наушники. А громкие звуки из телефона в публичном месте или во время деловой встречи однозначно считаются дурным тоном. Да, сегодня у iPhone есть функция «поднести телефон к уху», чтобы сообщение слышал только получатель, но не у всех iPhone и не все умеют этой функцией пользоваться. В то же время можно предположить, что ситуация тут будет постепенно меняться, поскольку сегодняшние дети и подростки используют голосовые сообщения гораздо активнее, чем текстовые. По мере их вхождения во взрослую жизнь эта норма может трансформироваться.

4. *Этично ли отправлять сообщения ночью?*

Сегодня в мессенджере Telegram появилась опция «отправить без звука». И это показатель актуальности вопроса. Неизвестно, ставит ли реципиент вашего сообщения телефон на беззвучный ночной режим. Так что сообщения, отправленные после полу-

ночи, скорее всего будут расценены как некорректные.

С другой стороны, если у вас постоянно идут звонки, сообщения и т. д., хотя рабочий день давно закончился, вы имеете полное право написать, что у вас закончился рабочий день и отключить звук или даже выключить телефон до утра.

5. *Допустимо ли не отвечать на сообщение, если в мессенджере видно, что вы его прочитали?*

Оптимальная стратегия поведения – коротко отреагировать, показав, что сообщение получено. Помимо этого уместно обозначить, когда вы дадите ответ. А вот отправителю в любом случае остается только ждать. Пытаться форсировать коммуникацию сообщениями вроде «ау» считается некорректным. Если в течение дня ответ не получен, можно вежливо напомнить о себе или начать использовать другие каналы коммуникации.

Гендерная этика

1. *Обязательно ли употреблять феминитивы?*

В отличие, например, от немецкого или украинского феминитивы у нас до сих пор не являются языковой нормой. Иными словами, с точки зрения филолога их употребление – это ошибка. Кстати, порой употребление феминитивов действительно маскирует плохое владение родным языком (например, совсем не обязательно искусственно вводить слово «директорка», когда есть «директриса»). Более того, даже не все феминистки принимают феминитивы, напоминая, что все они образованы с помощью уменьшительного суффикса. Таким образом, ответ – скорее, нет.

2. *Надо ли пожимать руку женщинам?*

Да, хотя ситуация несколько двоякая. Вообще в деловой обстановке первой руку должна подавать женщина (в бытовом общении первым может быть и мужчина). Однако статус и возраст приоритетнее пола. Начальник подает руку подчиненному, старший – младшему. Таким образом, мужчина-начальник

может протянуть руку аспирантке, но не наоборот, а женщина-врач – мужчине-ассистенту.

3. *Следует ли уступать место в транспорте/подавать руку женщине при выходе из транспорта/открывать перед женщиной дверь?*

По этим вопросам общественного консенсуса нет. Можно «по старинке» придерживаться правил галантного поведения. А можно стать радикальным феминистом, перестать уступать здоровым с виду женщинам место в метро, помогать им выйти из транспорта и т. д. Сегодня в любом случае вы рискуете столкнуться с недовольством и непониманием радикальной представительницы того или иного этического лагеря. И все же, на мой взгляд, стоит проявить галантность. Ведь при этом у женщины всегда остается возможность отказаться от предложенной ей помощи.

4. *Этично ли предлагать коллеге перейти на «ты»?*

Наиболее верный вариант – именно предложить. Иначе это может быть расценено как нарушение личных границ или даже форма домогательства. Хотя сегодня в ряде компаний (особенно стартапах) обращение «ты» принято в качестве базового и «выкание» будет восприниматься как нарушением корпоративного этикета.

5. *Уместно ли задавать вопросы о личной жизни/семейном положении?*

Такие вопросы и раньше считались «на грани фола», а сегодня – и подавно. Лучше не задавать, чтобы не поставить кого-то в неловкое положение или не влезть в дебри чужей-то личной жизни. Конечно, если вы не близкий родственник.

Этика медиаобщения

1. *Может ли работодатель ограничивать свободу наемных рабочих в соцсетях?*

Корпоративная этика отвечает на этот вопрос однозначно утвердительно. Другой вопрос, касается ли это ограничение вообще всего или только сферы деятельности компании. Обычной бизнес-практикой считается подписание соглашения о неразглашении,

в котором сотруднику запрещается обсуждать внутренние дела компании в публичном пространстве. И это снимает возможные этические коллизии.

2. *Можно ли постить двусмысленные мемы и ругать начальство?*

Инструкции по поведению в соцсетях со стороны работодателя, как правило, носят рекомендательный характер. В том числе и в экстренных ситуациях, когда компания оказывается в центре скандала. Дальше – вопрос вашей корпоративной лояльности... Но помните: указание в профиле аккаунта названия места работы приводит к тому, что вас будут воспринимать как представителя компании, независимо от вашего желания. И, скорее всего, не спасет даже дисклеймер, т. е. указание, что это ваше личное мнение, которое никак не согласуется с позицией компании.

На Западе уже более десяти лет существуют этические кодексы блогеров. От «минималистичного» Этический кодекс американского блогера, в котором три базовых принципа – быть честным и справедливым, минимизировать вред от распространяемой информации, быть ответственным за свои действия в информационном поле. До достаточно подробного Кодекса этики для блогеров, социальных сетей и создателей контента, предложенного М. Рэнд-Хендриксеном [8]. Основой его «краткой версии» стали 12 базовых постулатов: критичность ко всему, в том числе и к себе; предоставление оппоненту права высказаться; ответственность и правдивость; опора на факты, а не на субъективное личное мнение и т. д. Отметим, что этот Кодекс опирается на Кодекс этики норвежской прессы. Еще один пример – памятка по коммуникациям в соцсетях, которую выпустила для своих сотрудников (не только журналистов) корпорация ВВС:

1. «Всегда ведите себя профессионально, вежливо и с уважением к собеседнику: следуйте ценностям корпорации.
2. Исходите из того, что все, что вы скажете или опубликуете, будет рассмотрено критически.

3. Помните, что нет никакой разницы между восприятием личного и «официального» аккаунта в социальных сетях: отказ от ответственности не обеспечивает защиты.
4. Не критикуйте своих коллег публично. Уважайте конфиденциальность рабочего места и конфиденциальность внутренних объявлений.
5. Подумайте о том, что ваши лайки, репосты, ретвиты, использование хэштегов и то, за кем вы следите, говорят о вас, ваших личных предрассудках и мнениях.
6. Не предлагайте суждений, выходящих за рамки вашей специализации.
7. Не размещайте ничего, что нельзя было сказать в эфире или на платформах ВВС.
8. Не делайте ссылок на то, что вы не прочитали полностью.
9. Если вы знаете, что у вас что-то не так в соцсетях, исправьте это.
10. Не жертвуйте точностью ради скорости. Второе и правильное всегда лучше, чем первое и неправильное. Неточный пост – это проблема для вас, ваших коллег и компании» [10].

В России общепринятые в медиасреде этические нормы только формируются. (В отличие от законодательного регулирования блогосферы, которое проработано достаточно глубоко и полно.) Подтверждением тому служат многочисленные и регулярно вспыхивающие дискуссии о допустимости тех или иных заявлений в соцсетях, о корректности разных фотографий и т. д.

На наш взгляд, российская практика создания этических норм блогосферы неизбежно пойдет по западному пути, т. е. по пути принятия принципов профессиональной журналистской деятельности. (Кодекс профессиональной этики российского журналиста был одобрен Конгрессом журналистов в 1994 году.) Согласно общепринятому определению профессиональная этика – это юридически не фикси-

руемые, но общепринятые в определенной профессиональной среде и поддерживаемые общественным мнением моральные предписания – принципы, нормы и правила нравственного поведения. Два главных аргумента в пользу такого развития:

- в обоих случаях мы имеем дело с массовой коммуникацией, ведь публикация даже в закрытом блоге может быть увидена неопределенным кругом читателей; зачастую публикация блогера влияет на сознание многих людей, воздействует на все общество;
- блогерство в общественном сознании становится профессией, и уже сегодня каждый седьмой родитель, согласно опросам, мечтает, чтобы его дети выбрали этот профессиональный путь развития.

По нашему мнению, изучение ключевых этических требований, предъявляемых к журналистам, может помочь избежать многих проблем создателям и авторам своих медиа в соцсетях. Поэтому в рамках курса по выбору «Медиамастерская», который Центр медиапрактик реализует в НИУ ВШЭ уже более двух лет, особое внимание уделяется рассмотрению этических вопросов работы в социальных сетях.

На занятиях обучающимся рассказывают о ключевых моральных правилах, которым стоит следовать:

- быть объективным и следовать фактам;
- представлять интересы читателей/зрителей/слушателей;
- работая над материалом, журналист должен искать правду;
- исправлять допущенные ошибки;
- любое утверждение, способное причинить кому-либо вред, подкреплять фактами;
- избегать конфликта интересов.

Очень важно использовать в блогерской медиаактивности лучшие практики, которые десятилетиями вырабатывались в журналистике. Блогер, так же как и журналист, нахо-

дится в середине треугольника: *источники информации – редакция* (большинство новых медиа, даже если формально их ведет один человек, все равно делаются командами) – *читатели*. С каждой из этих групп у него возникают те или иные этические проблемы. Чтобы их минимизировать, полезно следовать ряду табу.

В профессии нельзя:

- искажать истину ради личной выгоды;
- становиться причиной событий, инициировать или провоцировать их;
- допускать плагиат;
- публиковать скрытую рекламу за деньги.

Во взаимоотношениях с источниками информации нельзя

- получать информацию обманом;
- нарушать соглашения с источниками информации;
- вторгаться в личную жизнь;
- использовать свою работу и положение для давления.

Во взаимоотношениях с аудиторией нельзя

- делать упор на сенсационность, которая может вызвать страх;
- пропагандировать жестокость и насилие.

Понятно, что жизнь богаче любых теоретических выкладок. И моменты истины и этического выбора в работе встречаются достаточно регулярно. Поэтому обучающимся предлагается чек-лист, содержащий 8 проверочных вопросов:

1. Не будет ли в дальнейшем мне стыдно за эту публикацию?
2. Смогу ли я смотреть в глаза герою публикации, не отводя взгляд?
3. Поймут ли мои читатели/зрители меня верно?
4. Не происходит ли в моих текстах и сюжетах героизация зла (бандитов, преступников и т. д.)?

5. Всегда ли я действую беспристрастно, не учитывая свою личную выгоду и корысть?
6. Не становлюсь ли я так или иначе рупором чьих-то идей и корыстных интересов, отдавая приоритет одним в ущерб другим?
7. Не становлюсь ли я орудием пропаганды или распространителем лжи?
8. Этично ли мое медиаповедение?

К практическому занятию слушатели готовят примеры неэтичного поведения журналистов и блогеров, которые затем коллективно разбираются. В частности, анализируются истории бывшего журналиста Spiegel Клааса Релотиуса, придумывавшего героев своих материалов, неэтичные вопросы известных журналистов и блогеров и многое другое.

По итогам изучения темы проводится онлайн-опрос, позволяющий определить

степень усвоения темы обучающимися. Мы просили ответить на вопрос, что студенты считают неприемлемым в медиа. Во всех четырех группах студентов, проходивших обучение в Медиамастерских НИУ ВШЭ в 2021/22 гг., наибольшее неприятие в медиа вызвали оскорбления, ложь (фейки), дискриминация по тем или иным признакам и плагиат.

Подводя итог сказанному, хочется отметить, что коллективное, открытое обсуждение допустимости тех или иных форм поведения в социальных медиа является первым этапом выработки этических норм, принятых всем обществом. Это помогает сформировать – пусть в небольшом публичном пространстве – какую-то позицию. В дальнейшем локально сложившееся понимание «что такое хорошо и что такое плохо» превратится в общепринятые этические нормы.

Список литературы

1. *Вартанова Е.Л.* Саморегуляция в информационном обществе // Вестник Московского государственного университета. Сер. 10: Журналистика. 2006. № 3. С. 8–19.
2. *Мареева Е.В.* Об ангажированности социально-гуманитарного знания в XXI веке // Актуальные проблемы педагогики и психологии: материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 09 февраля 2021 г.). Москва: Московский государственный институт культуры, 2021. С. 6–11.
3. *Наумова К.* Новая этика: как вести себя в эпоху соцсетей и гендерного равенства [Электронный ресурс]. URL: <https://style.rbc.ru/life/5d8cbc519a7947642c4c15e8>
4. *Сапрыкин Ю. Н.* Новая этика [Электронный ресурс]. // «Коммерсантъ Weekend» 2022. №4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5216200>
5. *Смеюха В.В.* Медиатизация общества: проблемы и последствия // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2015. №18 (215) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-obschestva-problemy-i-posledstviya>
6. *Чеботарева Е.* Новая этика в компаниях, или Как не потерять миллион долларов из-за твита [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409915-novaya-etika-v-kompaniyah-ili-kak-ne-poteryat-million-dollarov-iz-za-tvita>
7. *Шиповская Л. П.* Этика, ее предмет и роль в обществе [Электронный ресурс]. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-ee-predmet-i-rol-v-obschestve>
8. Code of Ethics for Bloggers, Social Media and Content Creators [Electronic resource]. URL: <https://github.com/mor10/CodeOfEthics>
9. *Fernández-Villaverde J, Greenwood J, Guner N.* From shame to game in one hundred years: an economic model of the rise in premarital sex and its de-stigmatization [Electronic resource]. // Journal of the European Economic Association, Vol. 12, Issue 1 2014. P. 25–61. URL: <https://doi.org/10.1111/jeea.12043>

10. Guidance: Individual Use of Social Media, BBC, 29 October, 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.bbc.co.uk/editorialguidelines/guidance/individual-use-of-social-media>
11. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change. In K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang. [Electronic resource]. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>

References

1. Vartanova E.L. Self-regulation in the information society // *Vestnik Mosk. state university Ser. 10: Journalism*. 2006. No. 3. Pp. 8–19. (In Russ.)
2. Mareeva E.V. On the engagement of social and humanitarian knowledge in the XXI century // *Actual problems of pedagogy and psychology: materials of the VI International scientific and practical conference (Moscow, February 09, 2021)* / scientific ed. T.V. Christidis. Moscow: MGIK, 2021. pp. 6–11. (In Russ.)
3. Naumova K. New ethics: how to behave in the era of social networks and gender equality - RBC - 2019 - 30 September. URL: <https://style.rbc.ru/life/5d8cbc519a7947642c4c15e8> (In Russ.)
4. Saprykin Yu. N - New ethics // “*Kommersant Weekend*” No. 4. 2022. 18 February // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5216200> (In Russ.)
5. Smeyukha V.V. Mediatization of society: problems and consequences // *Questions of journalism, pedagogy, linguistics*. 2015. No. 18 (215). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatizatsiya-obschestva-problemy-i-posledstviya> (In Russ.)
6. Chebotareva E. New ethics in companies, or How not to lose a million dollars because of a tweet - Forbes - 2020 - 28 Sept. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/409915-novaya-etika-v-kompaniyah-ili-kak-nepoteryat-million-dollarov-iz-za-tvita> (In Russ.)
7. Shipovskaya L. P. Ethics, its subject and role in society // *Service +*. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-ee-predmet-i-rol-v-obschestve> (In Russ.)
8. Code of Ethics for Bloggers, Social Media and Content Creators. URL: <https://github.com/mor10/CodeOfEthics>
9. Fernández-Villaverde J, Greenwood J.,Guner N. From shame to game in one hundred years: an economic model of the rise in premarital sex and its de-stigmatization // *Journal of the European Economic Association*, Vol. 12, Issue1 2014. P. 25–61. URL: <https://doi.org/10.1111/jeea.12043>
10. Guidance: Individual Use of Social Media, BBC, 29 October, 2020. URL: <https://www.bbc.co.uk/editorialguidelines/guidance/individual-use-of-social-media>
11. Krotz F. Mediatization: a concept with which to grasp media and societal change. In K. Lundby (ed.) *Mediatization: Concept, Changes, Consequences*. New York: Peter Lang. URL: <https://johnpostill.com/2010/03/01/notes-on-krotz-2009-mediatization/>

*

Поступила в редакцию 09.07.2022

РАЗВИТИЕ ЦИФРОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕЖДУНАРОДНОГО ОНЛАЙН-СОТРУДНИЧЕСТВА ВУЗОВ

УДК 378.1 : 001 : 004

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-150-158>

Т.Н. Калугина

Московский государственный институт международных отношений МИД,
Москва, Российская Федерация
e-mail: tnk77@mail.ru

Т.И. Чибисгулева

Московский государственный институт международных отношений МИД,
Москва, Российская Федерация
e-mail: tatiana.chibisguleva@gmail.com

Аннотация: Интенсивная цифровизация образования способствовала возникновению виртуальной мобильности студентов и новому этапу развития интернационализации высшего образования. В статье рассматриваются новые способы международного онлайн-сотрудничества вузов на примере виртуальных обменов студентами и совместного международного онлайн-обучения. Уделяется внимание преимуществам и недостаткам новых форматов обучения, приводятся результаты опроса студенческого мнения по поводу сетевого обучения «равный – равному». В связи с переходом сотрудничества вузов в цифровое поле и возникновением цифрового кампуса, возникает необходимость развития у студентов новой глобальной виртуальной компетенции, состоящей из трех основных аспектов, а именно: виртуальной самоэффективности, навыков работы с виртуальными медиа и виртуальных социальных навыков. Авторы подробно рассматривают компетенции, которые необходимы студентам для приобретения знаний и успешного опыта в рамках виртуальной студенческой мобильности.

Ключевые слова: интернационализация высшего образования, международное сотрудничество вузов, виртуальный обмен студентами, совместное международное онлайн-обучение, курсы СОП, цифровизация образования, виртуальная студенческая мобильность, глобальная виртуальная компетенция, сетевое обучение «равный – равному».

Для цитирования: Калугина Т.Н., Чибисгулева Т.И. Развитие цифровой образовательной среды как элемента международного онлайн-сотрудничества вузов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 150-158. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-150-158>

КАЛУГИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры английского языка №8, МГИМО МИД России

ЧИБИСГУЛЕВА ТАТЬЯНА ИГОРЕВНА – преподаватель кафедры английского языка №8, МГИМО МИД России

KALUGINA TATIANA NIKOLAEVNA – Sc in Cultural Studies, assistant Professor, English Department #8, MGIMO University

CHIBISGULEVA TATIANA IGOREVNA – Lecturer, English Department #8, MGIMO University

© Калугина Т.Н., Чибисгулева Т.И., 2022

DEVELOPMENT OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS AN ELEMENT OF INTERNATIONAL ONLINE COOPERATION OF UNIVERSITIES

Tatiana N. Kalugina

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russian Federation
e-mail: tnk77@mail.ru

Tatyana I. Chibisguleva

Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs,
Moscow, Russian Federation
e-mail: tatiana.chibisguleva@gmail.com

Abstract: The intensive pace of digitalization of education has contributed to the emergence of virtual mobility of students and a new stage in the development of the internationalization of higher education. The article discusses new ways of international online cooperation of universities on the example of Virtual exchanges and Collaborative international online learning. Attention is paid to the advantages and disadvantages of new learning formats and the results of a student opinion survey on peer-to-peer online learning are presented. In connection with the transition of university cooperation to the digital field and the emergence of a digital campus, there is a need to develop a new global virtual competence among students, which covers three main aspects, namely virtual self-efficacy, virtual media skills and virtual social skills. The authors thoroughly consider the competencies that are necessary for students to acquire knowledge and successful experience in the framework of virtual student mobility.

Keywords: internationalization of higher education, international cooperation of universities, virtual exchange, collaborative international online learning, COIL courses, digitalization of education, virtual student mobility, global virtual competence, peer-to-peer network learning.

For citation: Kalugina T.N., Chibisguleva T.I. Development of the digital educational environment as an element of international online cooperation of universities. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 150-158. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-150-158>

Интернационализация высшего образования продолжается уже более семидесяти лет. И хотя изначально задумывалось, что данный процесс будет происходить в парадигме сотрудничества, постепенно он сместился в сторону конкуренции – как национальных образовательных систем, так и университетов. Перемещение образования из категории ценности в категорию товара привело к коммерциализации высшего образования: «экспорт образования, рекрутинг талантов, прием иностранных студентов, приглашение профессоров из зарубежных вузов-партнеров, повышение привлекательности и узнаваемости университетов, конкуренция

за более высокое место в мировых рейтингах» [1, с. 45]. Хотя традиционные ценности, такие как сотрудничество, мир и взаимопонимание, развитие человеческого капитала и солидарность, все еще присутствуют в риторике международного образования, в начале XXI века они оказались отодвинуты на второй план. Несмотря на то, что такие задачи, как расширение международного сотрудничества и улучшение качества образования, провозглашаются вузами как основополагающие, университеты, разрабатывающие стратегии интернационализации, сосредотачивали больше усилий на формировании доходов. Их внимание концентрирует-

ся на конкурсе талантов, наборе иностранных студентов и преподавателей, необходимости использования английского языка для исследований и обучения, на участии в международных исследованиях и публикациях в международных журналах, входящих в базы данных Scopus и Web of Science, что приводит к повышению рейтинга университета и узнаваемости бренда. По мере приобретения глобального характера, формирования единых образовательных пространств и вовлечения все большего числа стран и вузов в данный процесс интернационализация высшего образования принимает прозападный характер и ее следует рассматривать с точки зрения англо-саксонской и преимущественно англоязычной парадигмы [11]. Использование национальных образовательных систем в качестве инструмента «мягкой» силы привело к образованию противостояния между «Глобальным Севером», представленным университетами стран Европейского Союза и Северной Америки, и «Глобальным Югом» [13].

Коммерческий и политический подход к международному сотрудничеству в сфере высшего образования противоречит более инклюзивному, менее элитарному подходу, удовлетворяющему потребности местных студентов и сотрудников и создающему возможности для этих групп. Поэтому последние несколько лет раздаются призывы вернуться к этике и ценности международного сотрудничества вузов. Развитие процессов регионализации образования и сотрудничество университетов, укрепление сотрудничества между вузами стран, принадлежащих к «Глобальному Югу», сместило фокус с копирования прозападной системы образования и запустило процесс «внутренней интернационализации» (Internationalization at Home), которую некоторые исследователи приравнивают к деколонизации образования [12;13]. Страны с низким и средним уровнем дохода также становятся более активными в определении политики интернационализации. Уход от интернационализации за границей с упором на небольшую элиту мобильных студентов, преподавателей, администраторов и программ и обращение к внутренней интернационализа-

ции для всех членов академического сообщества стал как никогда актуальным, особенно после пандемии Covid-19 [14].

Закрытие границ, вызванное распространением пандемии коронавируса, дало толчок ускорению процесса цифровизации образования и развитию виртуальной мобильности. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, что технологии смогли революционизировать традиционный процесс преподавания и обучения. За последние два года высшие учебные заведения пережили всплеск цифровизации, что привело к изменениям в преподавании, исследованиях и управлении университетами. Цифровые образовательные технологии предлагают возможность как для продвижения интернационализации, так и для открытия разнообразных форм участия и мобильности.

В ходе пандемии COVID-19 одной из стратегий обеспечения гибкости и безопасности профессорско-преподавательского состава и студентов во время локдаунов стало международное онлайн-сотрудничество в виртуальных группах. Изначально это были онлайн-лекции и семинары, компенсирующие возможность проведения очных занятий. Но со временем, в связи с сокращением возможностей академической мобильности, вузы столкнулись с необходимостью разрабатывать и реализовывать стратегии интернационализации, которые способствуют развитию межкультурного и международного обучения студентов высших учебных заведений без необходимости физического перемещения.

Сторонники онлайн-обучения не устают подчеркивать, что внедрение компьютерных технологий в образовательный процесс может устранить барьеры на пути к образованию, обусловленные пространством и временем, и значительно расширить доступ к обучению на протяжении всей жизни [7; 4]. И если еще два года назад цифровые технологии использовались в качестве вспомогательных инструментов, то теперь мало кто сомневается, что расширенное применение цифровых технологий в высших учебных заведениях останется благодаря очевидным преимуществам в их использовании. «Ин-

интерес студентов к академической мобильности увеличивается даже в условиях ковидных ограничений как в России, так и в других странах мира. Однако цифровая академическая мобильность в офлайн- и онлайн-формате воспринимается как ограничение в получении образования, предпочитают программы офлайн-формата с применением онлайн-программ в качестве дополнения» [2, с. 236]. Наиболее вероятно, что сохранится гибридный подход, при котором личное и цифровое взаимодействие работают вместе, дополняя друг друга.

Сегодня мы видим, что цифровизация глубоко меняет высшее образование: трансграничное сотрудничество и новые формы мобильности и обмена открывают разнообразные возможности в глобальном сетевом мире. Об это свидетельствует возникновение и уже достаточно широкое применение двух новых терминов – «виртуальная интернационализация высшего образования» [3; 5] и «цифровой кампус» [11]. Если трактовка первого термина подразумевает задействование цифрового поля, то цифровой кампус означает официальное онлайн-присутствие учебного заведения, включая его системы управления обучением, каналы социальных сетей, веб-сайт, культуру электронной почты, вебинары, цифровые протоколы и каналы коммуникации.

Цифровизация международного образования включает в себя не только структурную разработку и разработку учебных программ, но и необходимость вовлечения заинтересованных сторон в партнерские отношения [12].

Среди различных моделей цифрового сотрудничества, которые могут способствовать межкультурному обучению и обмену, наибольшее развитие получили сегодня проекты виртуального обмена (Virtual Exchange) и совместное международное онлайн-обучение (Collaborative Online International Learning). Многие исследователи и представители международных организаций утверждают, что данный формат обучения позволит развивать навыки международного и межкультурного онлайн-сотрудничества, а сама модель виртуальной академической мобильности станет более устойчивой и инклюзив-

ной, обеспечивая более широкий доступ для студентов, которые не имеют финансовых условий для получения значительного международного опыта в своем образовании [10].

Проекты виртуального обмена состоят из онлайн-мероприятий для студентов. Их цель – способствовать межкультурному диалогу, развитию социальных навыков, повышению толерантности, развитию критического мышления и медийной грамотности [8]. Так как данные проекты проходят в рамках программы Erasmus+ при поддержке Еврокомиссии, то направлены они, в первую очередь, на поощрение межкультурного диалога со странами Третьего мира, не связанными с программой, поэтому в список целей включены также продвижение гражданской ответственности и общих ценностей свободы, терпимости и недискриминации посредством образования; усиление молодежного измерения в отношениях ЕС с третьими странами [9]. Такой подход подчеркивает, что ЕС использует высшее образование как инструмент «мягкой силы». Проекты виртуального обмена позволяют каждому участнику получить доступ к качественному международному и межкультурному образованию (как формальному, так и неформальному) без физической мобильности. Хотя виртуальные дебаты или обучение полностью не могут заменить преимущества физической мобильности, участники виртуальных обменов получают возможность воспользоваться некоторыми преимуществами международного образовательного опыта.

Что же касается совместного международного онлайн-обучения, то Collaborative Online International Learning (COIL) объединяет аккредитованные курсы, связывая классы двух или более высших учебных заведений, каждое из которых находится в другой стране или культурной среде. Модель COIL не просто собирает студентов из разных стран в одном онлайн-классе. Скорее, COIL создает равноправную учебную среду с коллективным обучением, в которой преподаватели из двух культур работают вместе над разработкой общей программы, уделяя особое внимание экспериментальному и совместному обучению

студентов. Курсы предоставляют учащимся новые возможности для развития межкультурной осведомленности. Занятия могут проводиться полностью онлайн или, что чаще, предлагаются в смешанных форматах с традиционными очными занятиями, проводимыми в обоих университетах, в то время как совместная работа студентов происходит онлайн. Еще одной разновидностью СОИЛ являются виртуальные модули, представляющие собой записанный видеосюжет в определенном месте и на определенную тему. Например, Ассоциация обучения за рубежом (Study Abroad Association) разрабатывает асинхронный контент, посвященный различным предметным областям, обеспечивает виртуальное посещение мест, имеющих историческое и политическое значение, и предлагает виртуальные интервью и дискуссии с заинтересованными сторонами внутри страны. Таким образом, данные виртуальные блоки используются для создания интерактивного опыта международного обучения в рамках того или иного курса.

Разработчики образовательных программ в рамках вышеупомянутой виртуальной академической мобильности подчеркивают их следующие характеристики:

- Курсы СОИЛ нацелены на академическую свободу и создание студенческого сообщества, в котором обучающиеся будут учиться друг у друга по принципу сетевого обучения «равный – равному» (peer-to-peer leaning). Учащиеся не являются пассивными реципиентами знаний, а берут на себя активную роль в процессе приобретения знаний, поскольку они участвуют в обсуждениях, ищут информацию и обмениваются мнениями со своими сверстниками. Знания после их получения из материалов курса или от преподавателя не принадлежат одному конкретному учащемуся, а создаются совместно и распространяются среди сверстников.
- Проектный характер СОИЛ исключает прямое получение информации из внешних источников. Информация создается

взаимодействием студентов в группе, что позволяет коллективно генерировать новые идеи. Это способствует развитию критического мышления. Рецензирование проектов друг друга дает возможность совместно конструировать знания и в то же время позволяет установить автономию каждого. Такой подход, по мнению разработчиков, позволяет избежать академической нечестности студентов.

- Курс не ограничен рамками какой-либо академической дисциплины, что способствует междисциплинарному обучению студентов. Студенты налаживают связи и приобретают профессиональные навыки в ходе сопоставления двух несвязанных курсов.
- Общаясь со своими сверстниками из других стран на социальные темы, студенты не только развивают навыки социокультурного общения, но и повышают глобальную осведомленность.
- Проекты СОИЛ могут быть созданы как в онлайн, так и в гибридных классах, что поможет учащимся повысить цифровую грамотность и научиться использованию онлайн-инструментов и различных онлайн-платформ.

В связи с высокими темпами цифровизации высшего образования, многие университеты признают необходимость формирования у студентов компетенций международного онлайн-сотрудничества (International Online Collaboration Competences). Анализ зарубежных научных исследований позволил выделить глобальную виртуальную компетенцию, которая состоит из трех основных аспектов, а именно – виртуальной самоэффективности, навыков работы с виртуальными медиа и виртуальных социальных навыков. Для проведения совместных проектов и командного решения поставленных задач в рамках виртуального обмена ряд исследователей выделяет шесть кластеров компетенций: медиа, коммуникация, доверие, межкультурное общение, самоуправление и управление конфликтами [10].

Для успешной цифровой мобильности необходима, в первую очередь, естественно, ИКТ-компетенция. В ходе Совместного международного онлайн-обучения высшие учебные заведения сотрудничают с образовательными платформами, такими как Coursera или Podium. Coursera предоставляет возможность получения онлайн-степени, а Podium сочетает в себе элементы стажировок через свою флагманскую программу Global Tech Experience, которая предлагает асинхронное обучение с интерактивными виртуальными глобальными лабораториями и выделяет межкультурное обучение в качестве основной характеристики. Студенты развивают навыки работы с программным обеспечением, например, в таких системах, как Tableau, Shopify и Java, работая над реальными проектами с такими известными организациями, как Netflix, ЮНЕСКО и Airbnb. Они посещают еженедельную глобальную LiveLab, где они работают в международных командах, практикуя сотрудничество между культурами.

Второй важной компетенцией является межкультурная компетенция. Академическая мобильность подразумевает, что обучение студента будет происходить в поликультурной образовательной среде. Несмотря на то, что существует большое разнообразие определений данной компетенции, большинство исследователей сходятся на том, что межкультурная компетенция основана на открытости и уважении к другим культурам, аналитических и реляционных навыках, особенно – на способности понимать мировоззрение других.

Третьей необходимой компетенцией является коммуникативная и языковая компетенция. Не только низкий, но и средний уровень владения языком, на котором ведется обучение, может препятствовать усвоению материала и негативно сказываться на академических успехах студента. И вполне естественно, что слабое знание языка не позволит студенту участвовать в групповых проектах и выстраивать личностные контакты наравне с одноклассниками, у которых более высокие языковые навыки. В конечном итоге слабое знание языка будет препятствовать усвоению новых знаний.

Принимая во внимание принцип сетевого обучения, вполне ожидаемым стало включение в этот список компетенции сотрудничества. К этой сфере исследователи отнесли участие в совместном международном онлайн-обучении, сильное чувство ответственности перед командой, одинаковое отношение к различным мнениям и невосприимчивость к намекам и инсинуациям. Наиболее важным условием успешного онлайн-сотрудничества является межличностное доверие.

Последней, но отнюдь не маловажной компетенцией в списке, является предметно-ориентированная компетенция. К ней относятся профессиональный опыт и технические знания, необходимые для совместной работы и достижения общих целей, и существенные знания в форме предметных компетенций для взаимодействия в глобальнозависимом мире.

Важно отметить, что самодисциплина является обязательным условием для высокой успеваемости в рамках совместного международного онлайн-обучения. Приобретают первостепенное значение такие компетенции, как тщательное планирование задач, распределение времени и соблюдение сроков; умение ответственно подходить к учебе, не откладывать выполнение заданий на крайний срок, не прибегать к списыванию пр., так как уровень надзорного контроля со стороны преподавателя и социального контроля со стороны других членов команды снижается. Виртуальные студенты сталкиваются с такими трудностями, как преодоление стресса и неопределенности, разочарование предложенными условиями, решение текущих проблем, не имеющих отношения к учебе, творческое решение учебных задач и импровизация, видение новых и незнакомых ситуаций как возможности учиться, потеря энтузиазма после первых неудач или личных кризисов, принятие преждевременных решений.

Расширение международного онлайн-сотрудничества вузов и доступ к виртуальной мобильности, активное и сознательное участие студентов в программах COIL будет способствовать развитию глобальной виртуальной компетенции.

Интересно отметить, что в рамках совместного международного онлайн-обучения преподаватели тесно сотрудничают со всеми студентами, но в большинстве случаев эти студенты зачисляются, платят за обучение (если оно платное) и получают оценки только в своем учебном заведении. Эта нейтральная к доходам модель снижает административную сложность двусторонних институциональных соглашений, улучшая в то же время международные классы за счет совместной работы в рамках курса. Эти курсы не требуют высоких технологий, и они эффективно работают как порталы для повышения интереса студентов к обучению за границей.

Европейские, американские университеты и вузы региона АСЕАН активно развивают международное сотрудничество вузов для усиления цифровой трансформации высшего образования в рамках более широкого подхода к онлайн-обмену студентами. Исследования о результативности процесса создания цифровых кампусов и цифровой интернационализации образования выявили следующие проблемы:

- технологический разрыв, нехватка человеческих ресурсов и инфраструктуры, отсутствие знаний об электронных подписях, культура использования бумажных удостоверений, отсутствие государственной поддержки оцифровки и отсутствие единого стандарта для распознавания цифровых учетных данных являются общими препятствиями для признания цифровых удостоверений в регионе;
- разница во времени;
- доминирование английского языка как языка цифрового взаимодействия;
- трудности вхождения студентов в незнакомую цифровую среду принимающей стороны (в первую очередь это связано с разной рабочей культурой каждого вуза и культуры каждой страны);
- необходимость поддержки развития компетенций межкультурного обучения как у студентов, так и у сотрудников в цифровой среде.

Российские вузы только начинают изучать возможности международного онлайн-сотрудничества, поэтому студенты могут получить опыт приобщения к международному образованию по своей инициативе. Так как в российских вузах формат сетевого обучения *peer-to-peer learning* не применяется, было интересно узнать их оценку полученного опыта в рамках курсов СОП. С этой целью был проведен опрос группы студентов старших курсов бакалавриата, в ходе которого их попросили выделить преимущества и недостатки данного образовательного формата. К явным преимуществам было отнесено расширение круга знакомств, развитие навыков коммуникации, неформальная обстановка и креативный подход, скорость обработки и усвоения материала (последнее может объясняться разными подходами к объяснению одного и того же материала, а также необходимостью скорее разобраться в материале, чтобы передать знания следующему участнику). Также выделялось развитие как навыков самостоятельной, так и командной работы. Явными недостатками признавалось отсутствие возможности проверить достоверность информации, отсутствие единого видения и подхода к выполнению задания, трудность в понимании сложных тем (даже когда студент понимает принцип работы, он не способен качественно передать знания следующему участнику). Опрошенные студенты единогласно отвергли возможность перехода на формат *peer-to-peer learning* в российских вузах, объясняя это отсутствием строгой самодисциплины и мотивации у учащихся. Однако они не против частичного внедрения элементов сетевого обучения на семинарах. По их мнению, это будет способствовать созданию креативной атмосферы на занятиях и мотивации студентов к углубленному изучению материала.

Инновационные проявления экспериментального обучения в рамках цифровой интернационализации образования открывают перед учащимися уникальные возможности для обучения, в том числе доступ к международному образованию. Виртуальное обучение больше не является вынужденной краткосрочной альтернативой во время пандемии COVID-19, теперь оно становится мейнстримом.

Список литературы

1. Петряков П.А., Певзнер М.Н., Смертин И.В. Интернационализация высшего образования в кризисные времена: поиск оптимальной концепции // Человек и образование. 2022. № 2. С. 40–52. URL: <http://dx.doi.org/10.54884/S181570410020610-6>
2. Рябинина А.М. Тенденции академической мобильности в условиях пандемии COVID-19 на примере МГУ имени М.В. Ломоносова // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 216–238.
3. Спичева Д.И., Свиридова Д.Ю. Виртуальная интернационализация как новый формат коммуникации университета с иностранными абитуриентами и студентами в условиях пандемии // Коммуникология. 2021. Том 9. № 4. С. 124–134.
4. Ястребов О.А., Панова И.В. Цифровизация образования – новый этап развития классического вуза // Публичное право сегодня. 2022. № 3(13). С. 6–21.
5. Bruhn-Zass, E. *Virtual Internationalization in Higher Education*. 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/344424367_Virtual_Internationalization_in_Higher_Education
6. Chang, S., & Gomes, C. Why the Digitalization of International Education Matters. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 119–127. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221095163>
7. de Wit, H., Altbach, P. 70 Years of Internationalization in Tertiary Education: Changes, Challenges and Perspectives. 2021. *The Promise of Higher Education*. pp. 119–126. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67245-4_19
8. Erasmus-plus program guide. [Электронный ресурс]. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/node/2694/printable/pdf>
9. European Commission. European education and Culture Executive Agency. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eacea.ec.europa.eu/news-events/news/new-publication-erasmus-virtual-exchange-2021-11-30_en
10. Jones, E., & De Wit, H. *Globalized Internationalization: Implications for Policy and Practice*. 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Elspeth-Jones/publication/340377757_Globalized_Internationalization_Implications_for_Policy_and_Practice/links/5e85af8092851c2f5274a84d/Globalized-Internationalization-Implications-for-Policy-and-Practice.pdf
11. Kolm, A., de Nooijer, J., Vanherle, K., Werkman, A., Wewerka-Kreimel, D., Rachman-Elbaum, S., & van Merriënboer, J. J. G. International Online Collaboration Competencies in Higher Education Students: A Systematic Review. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 183–201. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153211016272>
12. Leask, B. Leading and managing internationalisation – crafting your own unique story: An interview with Betty Leask // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. 2022. No. 3(2), pp. 174–183. [Электронный ресурс]. URL: <https://dx.doi.org/10.52547/johepal.3.2.174>
13. Wimpenny, K., Finardi, K. R., Orsini-Jones, M., & Jacobs, L. Knowing, Being, Relating and Expressing Through Third Space Global South-North COIL: Digital Inclusion and Equity in International Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 279–296. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221094085>
14. Woicolesco, V. G., Cassol-Silva, C. C., & Morosini, M. Internationalization at Home and Virtual: A Sustainable Model for Brazilian Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 222–239. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221076898>

References

1. Petryakov P.A., Pevzner M.N., Smertin I.V. Internationalization of higher education in times of crisis: the search for an optimal concept // *Person and education*. 2022. No. 2. p. 40–52. URL: <http://dx.doi.org/10.54884/S181570410020610-6> (In Russ.)
2. Ryabinina A.M. Trends in academic mobility in the context of the COVID-19 pandemic on the example of Moscow State University named after M.V. Lomonosov // *Public administration. Electronic Bulletin*. 2022. No. 92. pp. 216–238. (In Russ.)
3. Spicheva D.I., Sviridova D.Yu. Virtual internationalization as a new format of university communication with foreign applicants and students in a pandemic // *Communicology*. 2021. Volume 9. No 4. C. 124–134. (In Russ.)
4. Yastrebov O.A., Panova I.V. Digitalization of education - a new stage in the development of a classical university // *Public law today*. 2022. No. 3(13). pp. 6–21. (In Russ.)
5. Bruhn-Zass, E. Virtual Internationalization in Higher Education. 2020. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/344424367_Virtual_Internationalization_in_Higher_Education.
6. Chang, S., & Gomes, C. Why the Digitalization of International Education Matters. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 119–127. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221095163>
7. de Wit, H., Altbach, P. 70 Years of Internationalization in Tertiary Education: Changes, Challenges and Perspectives. 2021. *The Promise of Higher Education*. pp. 119–126. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-67245-4_19
8. Erasmus-plus program guide. [Electronic resource]. URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/node/2694/printable/pdf>
9. European Commission. European Education and Culture Executive Agency. [Electronic resource]. URL: https://www.eacea.ec.europa.eu/news-events/news/new-publication-erasmus-virtual-exchange-2021-11-30_en
10. Jones, E., & De Wit, H. Globalized Internationalization: Implications for Policy and Practice. 2014. [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Elspeth-Jones/publication/340377757_Globalized_Internationalization_Implications_for_Policy_and_Practice/links/5e85af8092851c2f5274a84d/Globalized-Internationalization-Implications-for-Policy-and-Practice.pdf
11. Kolm, A., de Nooijer, J., Vanherle, K., Werkman, A., Wewerka-Kreimel, D., Rachman-Elbaum, S., & van Merriënboer, J. J. G. International Online Collaboration Competencies in Higher Education Students : A Systematic Review. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 183–201. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153211016272>
12. Leask, B. Leading and managing internationalization – crafting your own unique story: An interview with Betty Leask // *Journal of Higher Education Policy and Leadership Studies*. 2022. No. 3(2), pp. 174–183. URL: <https://dx.doi.org/10.52547/johepal.3.2.174>
13. Wimpenny, K., Finardi, K. R., Orsini-Jones, M., & Jacobs, L. Knowing, Being, Relating and Expressing Through Third Space Global South-North COIL: Digital Inclusion and Equity in International Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 279–296. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221094085>
14. Woicolesco, V. G., Cassol-Silva, C. C., & Morosini, M. Internationalization at Home and Virtual: A Sustainable Model for Brazilian Higher Education. *Journal of Studies in International Education*. 2022. No. 26(2), pp. 222–239. URL: <https://doi.org/10.1177/10283153221076898>

*

Поступила в редакцию 11.08.2022

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ ПРАЗДНИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

УДК 304.44

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-159-163>

Н. А. Гекман

Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация
e-mail: heckmann89@yandex.ru

Е. В. Дедюшина

Алтайский государственный институт культуры,
Барнаул, Алтайский край, Российская Федерация
e-mail: lena-dolphin@yandex.ru

Аннотация: Народная праздничная культура многофункциональна: она может решать различные социальные задачи, служит средством познанием окружающей действительности, способствует общению людей, несет определенную идею, помогает в воспитании. Многофункциональность народных праздников позволяет рассматривать их в качестве огромной силы, позитивно влияющей как на отдельную личность, так и на общество в целом. Обычаи и обряды отвечали и отвечают задачам преемственности поколений, формированию внутреннего единства и национального своеобразия духовной культуры русского народа. В статье анализируется сущность этнокультурных образовательных технологий и возможности их применения в процессе создания праздничных мероприятий. Данные методические рекомендации ориентированы не только на руководителей этнокультурных центров, но подходят и для руководителей театральных коллективов и др.

Ключевые слова: этнокультурные технологии, народное художественное творчество, молодежь, праздники.

Для цитирования: Гекман Н.А., Дедюшина Е.В. Использование этнокультурных технологий в процессе создания праздничных мероприятий // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 159-163. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-159-163>

ГЕКМАН НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества ФГБОУ ВО Алтайский государственный институт культуры

ДЕДЮШИНА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – старший преподаватель кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества ФГБОУ ВО Алтайский государственный институт культуры

GEKMAN NATALIA ANATOLYEVNA – Senior Lecturer of the Department of Artistic Culture and arts and crafts Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Altai State Institute of Culture

DEDYUSHINA ELENA VITALIEVNA – Senior Lecturer of the Department of Artistic Culture and arts and crafts Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Altai State Institute of Culture

© Гекман Н.А., Дедюшина Е.В., 2022

USING ETHNOCULTURAL TECHNOLOGIES TO CREATE CELEBRATIONS

Natalia A. Gekman

Altai State Institute of Culture,
Barnaul, Altai Territory, Russian Federation
e-mail: heckmann89@yandex.ru

Elena V. Dedyushina

Altai State Institute of Culture,
Barnaul, Altai Territory, Russian Federation
e-mail: lena-dolphin@yandex.ru

Abstract: Folk holiday culture is multifunctional, it can solve various social problems, serves as a knowledge of the surrounding reality, is a means of communication between people, carries a certain idea, helps in education. The multifunctionality of folk holidays allows you to consider them as a huge force that positively affects both an individual and society as a whole. Customs and rites answered and meet the tasks of succession of generations, the formation of internal unity and national originality of the spiritual culture of the Russian people. The article analyzes the essence of ethnocultural educational technologies and the possibility of their use in the process of creating festive events. These guidelines are aimed not only at leaders of ethnocultural centers, but also suitable for leaders of theater groups, etc.

Keywords: ethnocultural technologies, folk art creativity, youth, holidays.

For citation: Gekman N.A., Dedyushina E.V. Using ethnocultural technologies to create celebrations. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 159-163. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-159-163>

Для современной социально-культурной деятельности характерен все более возрастающий интерес к народным обычаям и традициям, праздничным обрядам и развлечениям, обусловленный тем, что они всегда закрепляют то, что достигнуто в общественной и личной жизни возможностью использования этнокультурных технологий – как в образовательном процессе, так и в досуговой сфере. Сама преемственность духовной культуры в прошлом достигалась путем неукоснительного соблюдения новыми поколениями обычаев и традиций своего племени, народа, сословия, класса [3].

Использование этнокультурных технологий при постановке массового мероприятия на основе народного праздника предполагает наличие четко сформулированной цели данного мероприятия, поскольку именно она в дальнейшем определит, какие именно этнокультурные технологии будут использо-

ваны. Например, если мероприятие проходит в учреждении дополнительного образования детей, то будет логично предположить, что целью мероприятия будет знакомство детей с культурой, песнями, играми и танцами выbranного этноса.

Определив цель мероприятия, необходимо сформулировать его задачи. Постановка задач может стать каркасом для написания сценарного плана. При постановке задач необходимо учитывать реальные возможности как организаторов, так и целевой группы мероприятия. Так, при организации мероприятия для людей с ограниченными возможностями стоит учесть данную специфику, т. е. мероприятие не должно включать в себя такие типы соревнований, которые могут вызвать затруднение у указанной группы людей [5].

Достаточно важным этапом при работе по подготовке мероприятия, основанного на народном празднике, является обоснова-

ние выбора праздника. Организаторы должны хорошо знать историю возникновения и развития выбранного праздника, так как в зависимости от достоверности информации и способа ее изложения будет зависеть реализация поставленной цели и задач. Немаловажную роль играет выбор места проведения мероприятия. Этот пункт напрямую связан с выбором концепции (стилизация или реконструкция), о чем будет сказано ниже. Выбор места проведения действия может быть продиктован обоснованием выбора народного праздника, на основе которого будет построено мероприятие. Так, если основой являются масленичные гуляния, а целью мы определили приобщение молодежи к народным традициям, мы не сможем провести наше мероприятие в школьном классе, поскольку это отрицательно скажется как на общей концепции действия, так и на его эмоциональной составляющей. Таким образом, если в основе мероприятия лежат площадные гуляния, то и местом проведения должна стать открытая площадка. Исключением могут быть те мероприятия, которые носят сугубо теоретический характер и могут быть проведены в таких интерактивных формах, как лекция-визуализация, семинар-дискуссия и т. д.

Ранее говорилось о необходимости определения концепции выбранного мероприятия. Способ стилизации представляется большинству организаторов наиболее приемлемым, поскольку является и наиболее легким. Стилизация, в отличие от реконструкции, не требует строгого соблюдения правил проведения и исполнения традиционных игр, песен и забав, которые были характерны для того или иного праздника. При стилизации народного гуляния могут быть использованы лишь основные элементы народного костюма, песен и игр, а сценография и общее оформление может носить условный характер. Стилизация направлена, как правило, на ассоциативное восприятие целевой аудиторией и подразумевает использование лишь малой части элементов традиционной народной культуры [6].

Если же организаторами мероприятия был выбран способ реконструкции народного праздника, то, в первую очередь, мы рекомендуем определить, будет ли реконструкция основываться на обобщенной традиции или будут учитываться региональные особенности, которые могут быть отражены в элементах народного костюма, текстах песен или правилах народных игр и забав [6].

При реконструкции народного праздника необходимо учитывать не только региональные особенности его проведения, но и хронологические рамки, поскольку мы не можем оставлять без внимания процессы трансформации, происходившие в народной культуре. В этом процессе важную роль играет использование технологий изучения этнопсихологических особенностей народов [5].

Определяя способ проведения мероприятия, мы тем самым определяем и его наполнение, а именно: музыкальное сопровождение, игры, воплощение ритуальной составляющей (а значит и его сакральный смысл), а также сценографию мероприятия. Замысел постановки спектакля, мероприятия или представления складывается у режиссера в результате тщательной и глубокой работы над материалом. Здесь имеют значение особенности художественного мышления режиссера, его культура, темперамент, вкус, то есть его творческая индивидуальность [5].

Режиссер нередко развивает авторский материал, усиливает те или иные сюжетные линии, выделяет идейные акценты и т. д. И, конечно, существенную помощь в этом может оказать музыка. Музыкальное решение режиссер начинает осмысливать только после того, как разработаны основные вопросы драматургии мероприятия. Музыкальное решение – сугубо творческая задача, и естественно, что режиссер вводит музыку, согласуясь со своим воззрением на ее роль в мероприятии.

Поскольку, как уже говорилось ранее, наиболее часто используется способ стилизации, то и наполнение мероприятия становится стилизованным. В качестве музыкального со-

проведения часто выступают музыкальные композиции, созданные на основе народных музыкальных традиций и определяемые как жанр – фолк-музыка. Во время проведения соревнований и народных игр в стилизованных народных праздниках достаточно часто используют современную динамичную и веселую музыку, либо музыку из детских мультфильмов, если мероприятие детское.

Если же говорить о реконструкции народного праздника, то к выбору музыкального сопровождения нужно подходить с осторожностью и ответственностью. На наш взгляд, необходимо основываться на музыкальной традиции того региона, в котором реконструируется праздник, либо использовать именно те песни и произведения устного народного творчества, которые характерны именно для этого праздника. Использование аутентичного фольклорного материала в реконструировании праздничных традиций может значительно сузить целевую аудиторию мероприятия.

Специфика сценографии театрализованного представления на основе народного праздника напрямую зависит также от цели и задач мероприятия, от выбранного способа проведения – реконструкции или стилизации народного праздника.

Сценография (театрально-декорационное искусство) – вид художественного творчества, занимающийся оформлением спектакля и созданием его изобразительно-пластического образа, существующего в сценическом времени и пространстве. Под сценографией понимают создание зрительного образа посредством декораций, костюмов, освещения и постановочной техники. Сценография может быть подробной, лаконичной или минимальной. Особая зрелищность, сложные эффекты требуют работы сценических механизмов, которые могут сменить декорации за занавесом или на глазах у публики [1].

«Изменчивое постоянство» – так можно охарактеризовать свойство любой декорации, к какому бы стилю или направлению она не принадлежала, поскольку это есть форма

проявления пространственно-временного статуса [7]. Сцена есть самое живое, самое последовательное воплощение пространственного постоянства и временного его изменения. Сценография стала не только необходимым, но и весьма влиятельным соинтерпретатором действия, визуальные ценности которого выдвинулись на первый план. Сценограф работает на перекрестке искусств: он человек театра и он архитектор, график, дизайнер. Каждый сценограф в каждой своей работе решает проблемы места действия, пространства. Он предполагает определенную интерпретацию действия, равно как и определенные условия игры для участников мероприятия. Художник занимается тем, что оформляет место в интересах постановки. Принцип выбора оформления соотносим с выбором костюмов и музыкального сопровождения. Поскольку, как уже говорилось ранее, наиболее распространенным способом является стилизация народного праздника, мы рекомендуем использовать в работе принцип минимализма, активизирующий у целевой аудитории ассоциативное восприятие [7].

Сценография театрализованного мероприятия на основе народного праздника может быть продиктована и местом проведения мероприятия. Предложенный план работы над созданием мероприятия на основе народного праздника не представляет собой единственно возможную логику работы. Рассмотренные выше пункты могут быть изменены и доработаны по усмотрению организаторов и участников мероприятия и носят лишь рекомендательный характер.

При работе над постановкой мероприятия, основанного на народном празднике, стоит помнить, что культура любого народа – синкретичное явление и рассматривать ее можно только целостно. Наиболее полное изучение фольклорных материалов, декоративно-прикладного творчества, традиционного народного костюма, ремесел и промыслов, ритуально-обрядовой культуры народа поможет в сценическом воплощении мероприятия, основанного на народном празднике.

Список литературы

1. *Березкин В. И.* Искусство сценографии мирового театра. Т. 5: Театр художника. Мастера. Москва : КомКнига, 2006. 600 с.
2. *Даль В. И.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. Санкт-Петербург: Издательство «Литера», 1996. 480 с.
3. *Забылин М.* Русский народ. Его обряды, предания, суеверия и поэзия. Москва : ТЕРРА; 1996. 320 с.
4. *Захава Б. Е.* Мастерство актера и режиссера. Москва, 2001. 233 с.
5. *Козлова Т. В.* Современные технологии организации массовых мероприятий: учебно-методическое пособие. Москва : АПРИКТ, 2006. 171 с.
6. *Лазарева Л. Н.* История и теория праздников : учебное пособие. Челябинск : ЧГАКИ, 2007. 278 с.
7. *Михайлова А. А.* Сценография: теория и опыт. Москва: Советский художник, 1989. 336 с.

References

1. Berezkin V. I. The art of scenography of the world theater. T. 5: Artist's Theater. Master. Moscow: KomKniga, 2006. 600 p.
2. Dal V.I. On beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people. St. Petersburg: Litera Publishing House, 1996. 480 p.
3. Zabylin M. Russian people. His rituals, traditions, superstitions and poetry. Moscow: TER-RA; 1996. 320 p.
4. Zakhava B. E. The skill of the actor and director. Moscow, 2001. 233 p.
5. Kozlova T. V. Modern technologies for organizing mass events: a teaching aid. Moscow: APRIKT, 2006. 171 p.
6. Lazareva L. N. History and theory of holidays: textbook. Chelyabinsk: ChGAKI, 2007. 278 p.
7. Mikhailova A. A. Scenography: theory and experience. Moscow: Soviet artist, 1989. 336 p.

*

Поступила в редакцию 01.08.2022

БИБЛИОТЕЧНАЯ ПОЛИТИКА В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1985–1991)

УДК 02(091)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-164-173>

М. Н. Глазков

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: mguci@mail.ru

Аннотация: В статье впервые в отечественном библиотековедении системно исследуется библиотечная политика времени «перестройки». Приведены данные библиотечной статистики по рассматриваемому периоду, изучены основные руководящие библиотечные документы тех лет. Так, тщательно проанализировано постановление Государственной межведомственной библиотечной комиссии «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1986–1990 годы и на период до 2000 года». Выявлены изменения основных параметров советской библиотечной политики. Показаны проблемы государственной библиотечной политики. Проанализирована реализация данной политики на практике и причины, которые вели к кризисным явлениям в библиотечной сфере. Дается сводная оценка состояния библиотечного дела в СССР в указанный период, статистические и содержательные характеристики. В заключение статьи делаются обобщающие выводы по теме исследования.

Ключевые слова: государственная библиотечная политика, история библиотечного дела СССР.

Для цитирования: Глазков М.Н. Библиотечная политика в позднесоветский период (1985–1991) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 164–173. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-164-173>

LIBRARY POLICY IN THE LATE SOVIET PERIOD (1985–1991)

Mikhail N. Glazkov

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: mguci@mail.ru

Abstract: In article library policy during the «perestroika» systematically investigated for the first time. Statistical data are provided on the period under review. We studied the main guidance library documents in 1985–1991. Resolution of State interdepartmental library commission «Main directions of librarianship development in the country in 1986–1990 and for the period up to 2000» has been thoroughly analyzed. Changes of soviet library policy main parameters have been identified. The problems of state library policy

---

ГЛАЗКОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук МГИК, академик Международной академии информатизации

GLAZKOV MIKHAIL NIKOLAEVICH – DSc in Pedagogy, Professor of Moscow State institute of Culture, Academician of International informatization academy

© Глазков М.Н., 2022

are shows. We analyzed realization of this policy on practice and reasons, which led to the crisis phenomena in library area. The article gives consolidated assessment of librarianship state in USSR in specified period, statistical and meaningful characteristics. Generalizing summary about research topic made in conclusion of the article.

Keywords: state library policy, history of librarianship in USSR.

For citation: Glazkov M.N. Library policy in the last period of USSR existence (1985–1991). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 164–173. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-164-173>

Много лет назад автор вступил на путь исследования истории библиотечного дела в советскую эпоху. Все началось с первого послереволюционного периода – Октября 1917–1924 гг. За 30 с лишним лет научного труда сделано немало, что нашло отражение в десяти авторских книгах и т. д. [6; 10; 5; 8]. И вот теперь мы, наконец, можем обратиться к завершающему хронологическому отрезку существования СССР, начавшемуся с прихода М. С. Горбачева к высшей власти и закончившемуся разрушением советского государства.

Период 1985–1991 гг. совершенно не изучен библиотековедением. Одно это требует его исследования, не говоря о значимости и «запутанности» периода горбачевской «перестройки». Замечу, что это время лично моего вступления в классическую библиотечную профессию. События тех далеких лет окрашены для меня в цвета очевидца.

Состояние отечественной библиотечной сферы к 1985 г. было неоднозначным. С одной стороны, имелись общемировые рекордные показатели библиотечной статистики. В начале 1980-х гг. количество библиотек всех типов и видов в СССР равнялось 350–360 тысячам. К 1983 году совокупный библиотечный фонд увеличился до 5 млрд экземпляров. Суммарное число читателей библиотек к 1986 г. составляло около 220–230 млн. человек [2, с. 325–326; 11; 8, с. 92–93; 15; 17, с. 33]. В марте 1984 г. Президиумом союзного Верховного Совета было утверждено «Положение о библиотечном деле в СССР», включавшее все передовые для социалистической библиотечной отрасли установления [17, с. 9–20].

С другой стороны, уровень государственной библиотечной политики со второй половины 1970-х гг. снижался. Более того, ряд важнейших направлений этой политики становился неадекватным, инерционным и даже деструктивным и фактически подрывал советское библиотечное строительство.

Вскоре после прихода М. С. Горбачева к власти были изданы документы, связанные с библиотечной политикой государства. Поначалу каких-либо кардинальных изменений в них не наблюдалось. Например, в постановлении ЦК КПСС от 12 июня 1985 г. «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» сохранялась сугубо советская дорогостоящая, но перспективная идея создания культурно-спортивных комплексов (КСК). В постановлении требовалось «завершить в основном в 1985–1987 годах организацию в городах и районах страны культурно-спортивных комплексов». Также было намечено укрепить дополнительно клубные учреждения, особенно на селе, квалифицированными кадрами, создать им необходимые жилищно-бытовые условия; расширить прием в институты культуры и физической культуры сельской молодежи; при распределении молодых специалистов «... в первую очередь учитывать потребности сельских районов страны, особенно Нечерноземной зоны РСФСР, Сибири и Дальнего Востока» [19, с. 582–586]. Понятно, что в новых условиях «перестройки» выполнение решения ЦК партии постепенно сошло на нет.

Даже на главном форуме СССР – XXVII съезде КПСС, прошедшем в феврале-марте

1986 г., – ничего нового и знаменательного для библиотечной сферы страны не прозвучало. Перед ней ставились стандартные, много раз прежде озвученные цели и задачи [17, с. 78–79].

«Ветер перемен» в библиотечной отрасли стал совершенно очевиден после январского 1987 г. Пленума Центрального комитета партии. Вообще этот Пленум, как считают современные историки [16; 18], явился поворотным и знаковым в рассматриваемый период. На нем произошли важные кадровые изменения. Так, кандидатом в члены Политбюро ЦК стал едва ли не главный «прораб» перестройки А. Н. Яковлев (всего через 5 месяцев переведен в полноправные члены этого высшего руководящего органа) и т. п.

Впрочем, подобные кадровые перестановки осуществлялись с первых месяцев прихода М. С. Горбачева к власти. К примеру, одного из главных его оппонентов Г. В. Романова убрали с поста члена Политического бюро ЦК КПСС уже в июне 1985 г. Но помимо очередных кадровых воздействий на январском 1987 г. Пленуме произошло коренное изменение избирательной системы страны. По предложению М. С. Горбачева, чтобы преодолеть факторы, «тормозящие перестройку» и активизировать «инициативу масс», вводились выборы в органы власти разного уровня на альтернативной основе согласно «демократическим принципам».

Сразу после январского Пленума и в духе его решений окончательно формируется так называемая «политика гласности», формальный отказ от цензуры и т. д. Можно говорить о начавшемся обвале каркаса советской идеологии, который к 1990–1991 гг. перешел в политическую капитуляцию перед коллективным Западом.

Библиотеки как идеологические учреждения не могли не отреагировать на принципиальные перемены в государственной политике. Вся их деятельность, начиная от комплектования фондов, организации массовых мероприятий и до индивидуального обслуживания читателей, оказалась серьезно скор-

ректирована. Впоследствии эти изменения только нарастали.

Наиболее крупным по своему содержанию документом наступившего «горбачевского» периода стало решение Государственной межведомственной библиотечной комиссии от 18 мая 1987 г. «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1986–1990 годы и на период до 2000 года» [17, с. 32–50]. Оно требует внимательного прочтения, аналитики и комментариев.

Как было принято в СССР, документ начинался с перечисления достижений библиотечной отрасли: «По сравнению с 10-й пятилеткой число читателей библиотек увеличилось более чем на 5 %, библиотеками пользуется более 230 млн читателей. Ежегодная книговыдача возросла почти на 11 % и превысила 6 млрд. экземпляров. <...> За годы 11-й пятилетки подготовлено около 106 тыс. специалистов с высшим и средним библиотечным образованием. В настоящее время почти 60 % работников массовых библиотек имеют специальное библиотечное образование» [17, с. 33–34].

Тем не менее идеологическая и воспитательная деятельность библиотек не соответствовала требованиям времени. Сами библиотекари плохо разбирались в литературе, которую надо было пропагандировать. Читательский спрос на художественную и детскую литературу удовлетворялся не полностью. Не был организован разумный и интересный досуг молодежи в библиотеках.

ГМБК подтвердила недостатки проведенной библиотечной централизации: «Распространенным явлением продолжают оставаться неравномерное распределение литературы между филиалами централизованных библиотечных систем, необоснованное направление в центральные библиотеки большей части новых поступлений». Межбиблиотечный абонемент по-прежнему работал с заметными сбоями. Библиотеки разных ведомств действовали рассогласованно. Не удалось преодолеть географическую неравномерность в размещении библиотечной сети по стране.

Острой оставалась проблема подготовки, распределения и закрепления библиотечных кадров. Их текучесть фактически не снижалась. Причиной являлось слабое материальное обеспечение (от зарплат до жилья), особенно молодых библиотекарей.

Имелись большие претензии к сфере управления библиотечным делом. «Не разработана методика межведомственного планирования развития библиотечного дела. <...> Нет должной координации в <...> выявлении, пропаганде и распространении передового библиотечного опыта. Отсутствуют современные научно обоснованные критерии оценки деятельности библиотек, что в значительной мере ограничивает возможность организации творческого соревнования между библиотекарями. <...> Органы культуры и методические центры традиционно измеряют деятельность библиотек по количественным показателям, что в ряде случаев приводит к припискам, искажению объективного состояния библиотечного обслуживания населения» [17, с. 35–36].

В завершении «негативной части» показывались недостатки профильных научных исследований и отмечалась хронически отстающая материально-техническая база библиотек. В целом в документе была дана адекватная картина состояния советской библиотечной сферы.

Однако разработчики комментируемого решения ГМБК от 18 мая 1987 г. еще были настроены оптимистично. Чего стоит хотя бы такой пассаж: «В 12-й пятилетке предстоит поднять на качественно новую ступень все библиотечное дело в стране, преодолеть ошибки и недостатки в работе, направить потенциал библиотек на выполнение задач, выдвинутых XXVII съездом КПСС».

Перед библиотеками СССР ставились на 1986–1990 гг. (и опосредовано на долгосрочную перспективу до 2000 г.) значимые и крупные задачи. Помимо общих благопожеланий (повысить, улучшить и т. п.), имелись, разумеется, конкретные цели. Любопытно, что одной из первых упоминалась следующая: «Углубить совместную работу библиотек,

телевидения, печати и радио по пропаганде лучших книг и возможностей библиотек» [17, с. 37]. Общество все яснее понимало значение СМИ, но развитие «перестроечного» телевидения и радиовещания пошло не по просветительскому направлению, а от слова «наоборот».

Очевидными причинами здесь стали коммерция и политика. Просвещение никогда не приносит сиюминутной коммерческой прибыли, а в годы перестройки все оказалось заточено именно под нее. Кроме того, политические манипуляторы, пришедшие к власти, были совершенно не заинтересованы в просвещении народа. Ведь малообразованными, непонимающими сути происходящего людьми всегда легче управлять.

Из других задач, заявленных ГМБК, обратим внимание на углубление политики библиотечной централизации в 1986–1990 гг. Так, надлежало «Закончить полную или частичную централизацию медицинских, сельскохозяйственных библиотек. Продолжить эксперименты по межведомственной централизации государственных детских и школьных библиотек».

Осознавая, что коренным недостатком провозглашенной централизации явился неэффективный и формальный межбиблиотечный абонемент, ГМБК подчеркнула его важнейшую функциональную роль: «Расширить и активизировать участие библиотек в единой общегосударственной системе МБА, добиться использования МБА всеми библиотеками системы МК СССР. На всех уровнях системы принять меры к сокращению сроков прохождения требований, повысить полноту удовлетворения заказов по МБА».

Вновь мы должны указать на невыполнение этого ключевого задания ГМБК даже массовыми библиотеками, не говоря уже о межведомственном МБА. Библиотечные работники так и не получили мотивацию на довольно затратные по времени и хлопотные операции по формированию, отправке заказов по МБА, получению литературы, контролю над ней и последующему ее возврату. Итог – единичные случаи применения МБА

в советских библиотеках, неинформирование и/или дезинформация библиотекарями читателей об их реальных правах и возможностях, предоставляемых межбиблиотечным абонементом.

Следует отдать должное анонимным специалистам-разработчикам документа. Они выделили практически все болевые точки библиотечной деятельности того периода, более того, квалифицированно обратились к перспективе. Так, в частности, надлежало «принять меры по созданию Государственной автоматизированной библиотечной системы (ГАБС) страны, включающей комплексное оснащение библиотек средствами автоматизации и механизации; координировать развитие автоматизированных информационно-библиотечных систем различных ведомств, обеспечить их взаимодействие с ГАСНТИ».

Актуальными для качественного углубления централизации были планы «создания новых типов библиобусов», ежегодных поставок библиотечной отрасли СССР по 1000 «автобиблиотек», включая 300 машин повышенной проходимости. В целом ставилась задача «технического перевооружения единой библиотечной системы страны» [17, с. 45].

Во второй половине 1980-х гг. библиотеки не могли стоять вне научно-технического прогресса, достижений «электронно-вычислительной и иной новой техники». Следовало принять меры «к широкому внедрению автоматизации процессов комплектования и обработки библиотечных фондов, обслуживания читателей, управления библиотекам». Сегодня мы знаем, что и эта задача не была выполнена в указанный срок. И дело далеко не только в отсутствии финансовых ресурсов. Нам очевидны просчеты на высшем управленческом уровне, в частности, в недооценке значимости компьютеризации библиотечного дела. Причем, подобные изъяны в государственной библиотечной политике закономерно рождают вопрос о низкой квалификации высоких руководителей или их сознательном бездействии.

В 2010-х – 2020-х гг. популярной у нас стала концепция библиотеки как «третьего места». Но данная идея отнюдь не нова и не оригинальна. В рассматриваемом документе, например, особо отмечалась задача «всемерного содействия» деятельности библиотек по организации досуга населения. При возможности следовало «создавать на базе библиотек центры эстетического воспитания, центры развития любительских интересов, центры досуга и др. <...> Провести Всесоюзный смотр-конкурс массовых библиотек под девизом «Книга, библиотека и досуг населения» [17, с. 39–40].

Комментируемое решение ГМБК вышло в свет в противоречивый 1987 год. В нем присутствуют составные части как советской, так и «перестроечной» эпох. К примеру, Государственная Комиссия требовала «поднять уровень атеистической работы библиотек», преодолевать «религиозные предрассудки», бороться против «реакционной сущности» разных религиозных течений, «оказывать наступательное противодействие зарубежной пропаганде в связи с 1000-летием введения христианства на Руси» [17, с. 39]. Однако уже через год высшая и формально еще коммунистическая власть не только санкционировала широчайшее открытое празднование этого исторического юбилея, но и сама участвовала в некоторых ключевых мероприятиях.

После январского 1987 г. Пленума ЦК КПСС не удивляет ряд «перестроечных» фрагментов документа ГМБК: «Последовательно проводить линию на демократизацию в библиотечном деле, усиление гласности работы библиотек, организацию общественного контроля за их деятельностью», «Расширять в библиотеках разных ведомств предоставление платных услуг читателям» [17, с. 48; 41].

И в то же время ГМБК обязывала «коренным образом углубить изучение процессов, характеризующих кризис буржуазного библиотековедения; развивать наступательный характер критики взглядов буржуазных идеологов в области библиотечного дела. <...> Развивать на равноправной и взаимовыгодной

основе связи с библиотеками капиталистических стран, используя их для ...разоблачения антинародной агрессивной сущности империализма, его политики и идеологии» [17, с. 49].

Итоговую характеристику данного решения ГМБК можно свести к следующему. Его содержание, несомненно, было конструктивным и актуальным для библиотечной деятельности в СССР. Если хотя бы часть планов оказалась реализована, советские библиотеки вышли бы на новый уровень библиотечного обслуживания народа. Однако комментируемый документ ГМБК – показательный пример невыполнения заявленных задач. Он, к сожалению, остался в библиотечной истории лишь набором правильных, позитивных фраз.

Пожалуй, последней попыткой как-то «сдвинуть» к лучшему проблему комплектования библиотек в советское время стало «Положение об издании и размещении общесоюзной Библиотечной серии», утвержденное Министерством культуры СССР и Госкомиздатом СССР 16 февраля 1988 года. Эта Серия предназначалась, в первую очередь, для государственных массовых и профсоюзных библиотек, а также – для библиотек университетов и вузов.

Задумывалось, что в «Библиотечную серию» войдут «лучшие книги в идейном, научном и художественном отношении по всем отраслям знания, рассчитанные на широкие круги читателей» [17, с. 279]. Ежегодно планировалось издавать от 70 до 100 названий с тиражностью, «удовлетворяющей потребности библиотек страны». Список выпускаемых книг утверждался совместным приказом Госкомиздата и союзного Министерства культуры.

«Библиотечная серия» формировалась по результатам анализа читательского спроса, состояния библиотечных фондов и заказов большинства библиотек страны. Государственная библиотека СССР им. Ленина представляла в Министерство культуры предложения к трехлетнему плану целевого издания книг для библиотек. Учитывая потенциально большую популярность серии, а зна-

чит – и быструю ее изнашиваемость, целевой выпуск предусматривался «...в улучшенном полиграфическом исполнении и, как правило, в твердых переплетках» [17, с. 281].

Планировались и меры контроля над изданием и поступлением в библиотеки литературы в рамках «Серии». Контролирующими органами становились Минкульт и Госкомиздат, аналогичные структуры в союзных республиках, ГБЛ и государственные республиканские библиотеки.

Но после 1988 г. в библиотечном деле СССР начался спад, переходящий в обвал. В экономике, идеологии и социуме страны пошли процессы столь разрушительной силы, что про «твердые обложки» и саму «Библиотечную серию» можно было забыть.

Характеризуя развал отрасли в 1989–1991 гг., начнем с финансирования библиотек. Оно и раньше было далеко не оптимальным, «остаточным». Но теперь пошел фактический отказ государственной власти от поддержки «нерентабельных учреждений», к которым, естественно, отнесли библиотеки. Он объяснялся, в том числе, общим экономическим упадком СССР в результате «перестроечных» экспериментов в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и т. п. Заметим, что обыденной и тривиальной стала практика невыполнения громогласно заявленных с высоких трибун целей и задач.

Крупные удары по союзной экономике были нанесены «странными» катастрофами в Чернобыле, Спитаке, Арзамасе и др. Все они требовали крупных, а подчас – гигантских ресурсов на преодоление последствий, заметно подрывали союзный бюджет. Например, Чернобыльский саркофаг стал одним из самых дорогостоящих объектов в Новой истории человечества.

Одновременно бывшие братские республики, вставшие на путь выхода из СССР, напоследок рвали бюджет умирающего государства по принципу «кто сколько проглотит». Высшая власть отстранилась от защиты общесоюзных интересов, фактически поощряя сепаратизм в любых проявлениях.

Неудивительно, что в бедственных обстоятельствах конца 1980-х гг. в отрасли снова появляются и поддерживаются прессой идеи платности библиотечного обслуживания. Их начинают пропагандировать даже некоторые библиотечные специалисты, не знакомые с профильной историей. Как хорошо известно нам, историкам, введение платности неотвратимо приносило немало вреда библиотечной сфере и в XIX, и в XX столетиях [6, с. 27–52].

Вот и в конце «перестройки» платность в библиотеках не помогла выйти из системного кризиса, а только углубила его. Скольконибудь серьезных финансовых средств библиотечным «менеджерам» собрать не удалось, зато малообеспеченные читатели, коих оказалось так много в массовых библиотеках, вынужденно отказывались от ставших платными библиотечных услуг.

Официальная статистика засвидетельствовала уменьшение числа читателей, посещений и книговыдач в стране уже в первые годы перестройки. Так, контингент читателей общедоступных библиотек в СССР уменьшился со 150 млн человек в 1985 г. до 141,5 млн. в 1988-м. Тогда же книговыдача снизилась с 3,2 млрд. на 300 млн. единиц. Если в 1986 г. библиотеки посетили 116,5 млн. человек, то в 1988 г. – только 103 млн. и т. п. [1, с. 119]. После 1988 г. «процесс пошел» еще резче.

В конце рассматриваемого периода начинается организация библиотечных общественных объединений. Однако хорошая в принципе идея не дала серьезных результатов. Библиотечные ассоциации не получили реальных полномочий и ресурсов, которые необходимы для эффективной деятельности. В связи с этим в рассматриваемый период библиотечным общественным структурам мало что удалось осуществить. Подчас они превращались в место периодических (примерно раз в месяц) встреч и разговоров небольшой группы местных библиотечных активистов.

Не хочу сказать, что они были вовсе бесполезными. Сам несколько лет участвовал в работе Московской библиотечной ассоциации, правда, чуть позднее: в середине 1990-х

гг. Но остается фактом, что противостоять нараставшему системному кризису отрасли в годы горбачевской «перестройки» библиотечные общественные объединения ни в коей мере не смогли.

Еще один процесс, запущенный в исследуемый период – это формальный отказ от идеологической цензуры в стране. Действительно, в русле политики «гласности» с 1987 г. в библиотечной сфере постепенно снимались советские догматические «перегибы», что, с одной стороны, положительно отразилось на содержании фондов библиотек и обслуживании читателей. В обществе появилось множество новых идей, оценок, подходов и т. п. 25 октября 1991 г. был ликвидирован Главлит СССР, цензурное ведомство, в свое время наводившее ужас на ученых, деятелей искусства, писателей и их читателей [4]. Однако в конкретно-исторических обстоятельствах «перестройки», как это ни печально, отказ от цензуры привел к разбалансированию сложившихся государственных и идеологических устоев, «раскачиванию лодки», дестабилизации ситуации в нашей стране, резкому взрыву сепаратизма и т. п., что стало одним из действенных факторов развала СССР.

Следует отметить и изменения в области международного библиотечного сотрудничества. Стали убираться разнообразные «завесы», ограничения, взаимные санкции. Тем не менее и здесь все было неоднозначно. Конечно, взаимодействие с ведущими библиотечными державами имело свои очевидные положительные стороны. Но довольно скоро выяснилось, что международное сотрудничество происходит не на равноправной основе. СССР отдавал больше, чем получал от зарубежных стран.

Руководители советского библиотечного дела, директора крупных библиотек, научно-административная элита стали ездить в заграничные командировки, участвовать в интернациональных мероприятиях за счет принимающей стороны, получать гранты. Но за подобные удовольствия приходилось время от времени «учитывать интересы» ино-

странного партнера. К сожалению, нередко они учитывались за счет интересов советской библиотечной сферы и отечественных читателей, которые фактически «обкрадывались» в разных формах.

Начались стажировки студентов и молодых специалистов в США, Европу и прочие богатые страны. Но немало наших соотечественников, прошедших данные мероприятия, в итоге уехали туда надолго или навсегда, укрепляя мощь коллективного Запада. Осуществлялась обширная «утечка мозгов и талантов», сильно ударившая по нашей науке, образованию, культуре, экономике и др.

Общий упадок СССР в годы «перестройки» запустил и такой ослабляющий отрасль процесс, как реституция библиотечных коллекций. Вопреки всем международным договоренностям, принятым на Ялтинской и Потсдамской конференциях в 1945 году [14; 12], от нашей страны начали требовать возврата фондов, вывезенных из Германии после Победы над нацизмом. Отметим, что перемещенные в Советский Союз коллекции явились законной и справедливой, хотя далеко не полной, компенсацией гигантского ущерба, нанесенного агрессией Третьего Рейха против нашей родины. Напомним, что военные потери совокупного советского библиотечного фонда составили, по разным оценкам, от 150 до 200 млн экземпляров. Для сравнения: в победивший СССР поступило из Германии около 10 млн. экземпляров. [12, с. 80, с. 119; 13].

Помимо вывода ценных библиотечных ресурсов из нашей страны реституция времени «перестройки» имела сильное негативное психологическое воздействие на библиотечную общественность. Последняя видела открытое разрушение отечественной библиотечной сферы, фактически поощряемое властями под предлогом соответствия неким «общечеловеческим ценностям». Библиотечный профессионалитет оказался на годы ввергнут в состояние депрессии и апатии, не мог активно противостоять разрастающимся деструктивным процессам.

Что касается подготовки библиотечных кадров, то в 1985–1991 гг. еще сказывалась положительная сила инерции. В «брежневском» СССР удалось окончательно сформировать действенную, классическую, очевидно, лучшую в мире систему библиотечного образования [7; 9; 3]. «Человеческий капитал» тяжело и долго приходится создавать, но он и более устойчив, разрушается заметно медленнее, чем материальные ресурсы.

Благодаря советским «золотым кадрам» педагогов, удавалось поддерживать профессиональное образование на достойном уровне, несмотря на усиливавшийся в стране системный кризис. Однако и здесь все больше проявлялись негативные последствия «перестроечных» парадигм. Часть преподавателей, особенно молодых, уходила в кооперативы и аналогичные коммерческие структуры, массово плодившиеся в тот период. В стране падал престиж высшего образования в целом, и библиотечного – в частности. «Свободные» СМИ пропагандировали идеологему о деньгах как главной ценности человеческой жизни. В результате выпускники школ гораздо реже мечтали стать космонавтами и учеными, открывая для себя бандитскую и бордельную «романтику».

Оборудование вузов и техникумов все больше отставало от достижений научно-технической революции, в учебных лабораториях не имелось средств автоматизации и компьютеризации и т. п. Ухудшалось состояние полиграфической базы образовательных учреждений, тиражи учебно-методической литературы издавались в недостаточном количестве. На фоне дестабилизации жизни в СССР высококвалифицированные педагоги задумывались о переезде в более благополучные страны, и довольно многие реализовали эти замыслы.

Исследуя «горбачевский» период истории в целом, особенно 1988–1991 гг., обнаруживаешь отсутствие крупных событий и конструктивных руководящих документов в библиотечной жизни нашей страны. Это говорит о кризисе отрасли, неприкрытом невнимании к ней со стороны власти. Можно вспомнить

разве что Указ Президента РФ Б. Н. Ельцина от 13 апреля 1991 г. «О необходимых мерах развития крупных библиотек» [1, с. 159]. Однако, по сути, и он явился набором популистских фраз и зримой помощью ведущим отечественным библиотекам не оказал.

В заключение следует признать выделенное время трагедийным как для всего

Советского Союза, так и для библиотечной сферы в частности. Разрушительные процессы в культуре, образовании, просвещении повлияли не только на жизнь современников «перестройки», но и на судьбу новых поколений граждан Российской Федерации конца XX–XXI вв. Из этого исторического опыта нам важно сделать верные выводы на будущее.

Список литературы

1. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в России: учеб. пособие. Ч. 2. Москва: Либерея, 2001. 160 с.
2. *Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. Москва: Книга, 1980. 352 с.
3. Библиотечное дело в Российской Федерации (май 1974 – февраль 1984): документы и материалы / авт.-сост. А. Л. Дивногорцев. Москва: Пашков дом, 2016. 310 с.
4. *Блюм А. В.* Закат Главлита. Как разрушалась система советской цензуры: Документальная хроника 1985–1991 гг. Книга: исследования и материалы. Сборник 71. Москва: ТЕРРА, 1995. С. 168–187.
5. *Глазков М. Н.* Государственная библиотечная политика в Советской России в контексте истории массовых библиотек (1925 – май 1941): Монография. Москва: Пашков дом, 2016. 271 с.
6. *Глазков М. Н.* Массовые библиотеки в контексте культурно-исторического пути России 1921–1941 гг.: Монография. Москва: МГУКИ, 2004. 236 с.
7. *Глазков М. Н.* Отечественная библиотечная наука и образование (1964–1982 годы) // Культура и образование. 2018. № 2. С. 70–81.
8. *Глазков М. Н.* Отечественные массовые библиотеки как объект государственной политики (1945–1985 гг.): учебное пособие. Москва: МГИК, 2021. 109 с.
9. *Глазков М. Н.* Расцвет библиотечной науки в период «застоя». Создание кузниц подготовки кадров // Библиотечное дело. 2020. № 5. С. 31–36.
10. *Глазков М. Н.* Репрессированные советские библиотечно-библиографические деятели 1930–1941 гг.: учеб. пособие. Москва: МГУКИ, 2014. 106 с.
11. *Карташов Н. С.* Актуальные проблемы советского библиотековедения // Актуальные вопросы библиотечной работы. Теория и практика. Москва: Книга, 1984. С. 13–30.
12. *Мазурицкий А. М.* Библиотеки в годы Великой Отечественной войны: учебное пособие. Орел: Орловский государственный институт культуры, 2020. 139 с.
13. *Мазурицкий А. М.* Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии: в 2 ч. Ч. 1. Книжные потери в военные годы. Москва: МГУКИ, 2010. 149 с.
14. *Мазурицкий А. М.* Вторая мировая война и книжные утраты России и Германии: в 2 ч. Ч. 2. Реституционные процессы в послевоенный период. Москва: МГУКИ, 2010. 164 с.
15. Народное образование и культура в СССР. Сборник статей. Москва: Финансы и статистика, 1989. 432 с.
16. *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. Москва: Крымский мост-9Д, 2011. 864 с.
17. Руководящие материалы по библиотечному делу: справочник. Москва: Книжная палата, 1988. 288 с.
18. *Спицын Е. Ю.* Россия – Советский Союз 1946–1991 гг. Полный курс истории России. Москва: Концептуал, 2015. 512 с.
19. Справочник партийного работника. Вып. 26. Москва: Политиздат, 1986. 670 с.

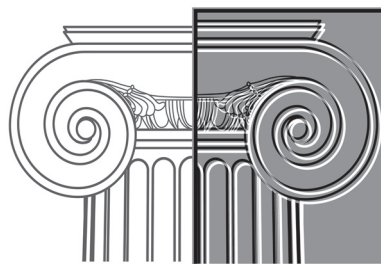

References

1. Abramov K.I. History of librarianship in Russia. Ch.2. Moscow: Publishing House «Libereya», 2001. 160 p. (In Russ.)
2. Abramov K.I. History of librarianship in USSR. Moscow: Publishing House «Kniga», 1980. 352 p. (In Russ.)
3. Librarianship in Russian Federation (may 1974 – february 1984): documents and materials. / A.L. Divnogortcev. Moscow: Publishing House «Pashkov Dom», 2016. 310 p. (In Russ.)
4. Blum A.V. Sunset of Glavlit. Documentary chronicle 1985 – 1991. The Book: investigations and materials. Coll. 71. Moscow: Publishing House «TERRA», 1995. Pp. 168–187. (In Russ.)
5. Glazkov M.N. State library policy in Soviet Russia (1925 – may 1941): monograph. Moscow: Publishing House «Pashkov Dom», 2016. 271 p. (In Russ.)
6. Glazkov M.N. Mass libraries in cultural and historical context Russia's way 1921 – 1941.: monograph. Moscow, 2004. 236 p. (In Russ.)
7. Glazkov M.N. Native library science and education (1964-1984) // Culture and Education. 2018. №2. Pp.70–81. (In Russ.)
8. Glazkov M.N. Native mass libraries as the object of state policy (1945-1985): study guide. Moscow: Publishing House «MGIK», 2021. 109 p. (In Russ.)
9. Glazkov M.N. Heyday of library sciences in «zastoy» period // Librarianship. 2020. №5. P.31 – 36. (In Russ.)
10. Glazkov M.N. Repressed library and bibliographic personnel 1930-1941: study guide. Moscow: Publishing House «MGIK», 2014. 106 p. (In Russ.)
11. Kartashov N.S. Actual problems of soviet library science // Actual questions of library work. Theory and practice. Moscow, 1984. P.13–30. (In Russ.)
12. Mazuritskiy A.M. Libraries during the Grate Native war years: study guide. Oriol, 2020. 139 p. (In Russ.)
13. Mazuritskiy A.M. Second World War and Russian and Germany book losses. Part I. Moscow: Publishing House «MGIK», 2010. 149 p. (In Russ.)
14. Mazuritskiy A.M. Second World War and Russian and Germany book losses. Part II. Moscow: Publishing House «MGIK», 2010. 164 p. (In Russ.)
15. Public education and culture in USSR. Statistical collection. Moscow, 1989. 432 p. (In Russ.)
16. Ostrovskiy A.V. Stupidity or treason? Investigation of USSR death. Moscow, 2011. 864 p. (In Russ.)
17. Guidance materials on librarianship: reference book. Moscow, 2011. 288 p. (In Russ.)
18. Spicin E.U. Russia – Soviet Union 1946 – 1991. Full course of Russian history. Moscow: Publishing House «Konceptual», 2015. 512 p. (In Russ.)
19. Reference book of party worker. Issue 26. Moscow: Publishing House «Politizdat», 1986. 670 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 07.08.2022

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ А.М. ЛЕСОВИЧЕНКО «ЕВРОПЕЙСКИЕ МУЗЫКАЛЬНО- КУЛЬТОВЫЕ КАНОНЫ»

УДК 78(049.32)

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-175-182>

Н. Е. Двинина - Мирошниченко

Московский государственный институт культуры,
Химки, Московская область, Российская Федерация
e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

Аннотация: В рецензии дан обзор идей и ключевых проблем исследования европейских музыкальных канонов, нашедших отражение в монографии доктора культурологии, профессора А.М. Лесовиченко; прослежены перспективные пути внедрения новаций научного исследования в современную методологию. Автор рецензии подчеркивает актуальность научного труда в контексте междисциплинарного синтеза, охватывающего широкое поле мировоззренческих, социокультурных, церковно-догматических и творческих взглядов на рассматриваемый комплекс проблем исследования культового искусства. Особое значение, по мнению автора, приобретает анализ музыкальной композиции как средства реализации мировоззренческой модели в символическом виде. Общие и различные принципы формирования канонического пространства рассмотрены на примере западной и восточной ветви христианского художественного творчества. Научное исследование представляет интерес для исследователей музыкальной культуры, истории и практики духовного музыкального творчества, философии искусства, искусствоведов, музыкантов-исполнителей.

Ключевые слова: канон, европейский музыкальный канон, экзегетический канон, культовое искусство, мировоззрение художественного творчества, традиция и авторство, А.М. Лесовиченко.

Для цитирования: Двинина-Мирошниченко Н.Е. Рецензия на монографию А.М. Лесовиченко «Европейские музыкально-культовые каноны» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 175-182. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-175-182>

REVIEW OF THE MONOGRAPH BY A.M. LESOVICHENKO “EUROPEAN MUSICAL AND CULT CANONS”

Natalya E. Dvinina - Miroshnichenko

Moscow State Institute of Culture,
Khimki, Moscow region, Russian Federation
e-mail: nataljadvinina@rambler.ru

ДВИНИНА-МИРОШНИЧЕНКО НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА – магистрант Московского государственного института культуры, член Союза московских композиторов, преподаватель Тверского музыкального колледжа

DVININA-MIROSHNICHENKO NATALYA EVGENYEVNA – master’s student of Moscow State Institute of Culture, the member of the Moscow Union of composers, teacher of the Tver musical College

© Двинина-Мирошниченко Н.Е., 2022

Abstract: The review provides an overview of the ideas and key problems of the study of European musical canons, which are reflected in the monograph of Doctor of Culturology, Professor A.M. Lesovichenko; promising ways of introducing innovations of scientific research into modern methodology are traced. The author of the review emphasizes the relevance of scientific work in the context of an interdisciplinary synthesis covering a wide field of worldview, sociocultural, church-dogmatic and creative views on the complex of problems in the study of cult art under consideration. Of particular importance, according to the author, is the analysis of musical composition as a means of realizing the worldview model in a symbolic form. The general and various principles of the formation of the canonical space are considered on the example of the western and eastern branches of Christian artistic creativity. The scientific research is of interest to researchers of musical culture, history and practice of spiritual musical creativity, philosophy of art, art critics, musicians-performers.

Keywords: canon, European musical canon, exegetic canon, cult art, worldview of artistic creativity, tradition and authorship, A.M. Lesovichenko.

For citation: Dvinina-Miroshnichenko N.E. Review of the monograph by A.M. Lesovichenko "European musical and cult canons". *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 175-182. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-175-182>

Монография Андрея Михайловича Лесовиченко «Европейские музыкально-культурные каноны» открывает читателю удивительный мир европейского канона, предлагая убедиться в его актуальности, соотнося события глубокой древности с современным христианским миропониманием. За кратким, подчеркнута музыкаведческим, названием работы кроется обширное и фундаментальное исследование проблем канонических форм музыкального искусства с точки зрения философии культуры, богословия, теории и практики духовного творчества от Средневековья до наших дней.

Книга А. М. Лесовиченко явилась результатом многолетней плодотворной работы по изучению различных аспектов музыкального канона. Научный труд А. М. Лесовиченко обобщает, подводит итоги исследований, отраженных в публикациях рубежа веков – «Вопросы взаимоотношений культового искусства и идеологии Средневековья» (1990), «К проблеме мировоззренческой детерминации средневековой культовой монодии Запада» (1990), «Диалектика статического и динамического в средневековом хорале» (1992), «Значение звукового начала в становлении христианского культа» (1996), «Григорианика и мировоззренческие принципы Средневековья» (1997), «Рефлексии о музыке

и практическое музицирование: антиномия западного средневекового сознания» (1999), «Западный музыкально-культурный канон и его историческая судьба» (2001), «Художественное творчество в системе музыкального культа» (2001), «Вопросы христианской одорологии» (2003), «О понятии канон в музыкознании» (2003) и, вместе с тем, открывает новые перспективные пути исследования исторического наследия европейской музыкальной культуры, намеченные, в частности, в работах: «Поющий Господу песнь новую» (2010), «Прп. Паисий Величковский и румынское церковнопевческое образование» (2014), «Западная медиовистическая проблематика в трудах советских музыковедов» (2014), «Преподобный Паисий Величковский и становление традиций богослужебного пения» (2017), «Проблема формирования музыкально-культурной терминологии» (2019) и др.

Непрерывный живой диалог между автором и его собеседником-читателем обусловлен особым подходом автора к изучению закономерностей канонов с позиции синтеза ментальных, мировоззренческих, семиотических, церковно-догматических, социокультурных, творческих, психологических установок на роль и значение канона в христианском мире разных эпох и разных культур. Гипер-

контекстуальность как главное и уникальное качество живой материи текста, самым непосредственным образом вовлекает читателя в мир жизни канона и его исторического развития на всех уровнях философского обобщения. Полное и глубокое вхождение и погружение в последовательно открывающееся перед нами мультитекстуальное множество проблем исследования музыкально-культурных канонов требует от читателя не сиюминутного поверхностного взгляда, а активной интеллектуальной деятельности.

Над-философский контекст музыкального анализа – как одно из главных неоспоримых достоинств монографии – включает в себя и опору на онтологические основания канона как культурной единицы и, вместе с тем, постоянно отсылает нас к антропологии – человеческому опыту переживания канона, жизненному опыту передачи и объяснения канонических закономерностей, следования канону, сакральному опыту слушания и исполнения. Неслучайно уже с первых страниц монографии автор подчеркивает неизменное присутствие импровизации как важной составляющей канона, тем самым настраивая камертон всей работы на интерес к неисчерпаемому многообразию внутреннего мира канона при всей его внешней строгости и стройности. Нечто механическое, повторяемое, шаблонное с первых страниц утверждается как прямой саморазумеющийся антипод канона. И это очень важная и значимая мысль работы. «Если творческая активность затихает, процесс создания нового образца приобретает чисто механический характер – значит, умирает мировоззрение, которое породило эту каноническую систему» [2, с. 25], – пишет А. М. Лесовиченко. Сама по себе нарочитая бездоказательность этого положения парадоксальным с точки зрения обыденной логики, но абсолютно естественным с точки зрения христианского мировоззрения образом вызывает безоговорочное доверие к автору, в совершенстве владеющему смыслами и категориями предмета своего исследования, к его знаниям, мудрости и смелости высказываний.

Особое значение для автора имеют труды отечественных религиозных мыслителей, ученых, исследователей философии искусства, среди которых золотые имена А. Ф. Лосева, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, С. С. Аверинцева, С. Н. Булгакова, А. В. Карташова, князя Евгения Трубецкого, отца Павла Флоренского. Универсальные принципы музыкального мышления, разработанные в трудах Б. В. Асафьева, Б. Л. Яворского, В. В. Способина, Е. В. Назайкинского, М. Г. Арановского, Ю. Н. Холопова и др. выдающихся музыковедов прошлого и современности, также составляют основу единого подхода к рассмотрению разнообразных явлений в области западно-европейского музыкального канона. Множественность философских контекстов в их взаимодействии и взаимопроникновении, кристаллизуясь в некие энергетические пучки авторской мысли, высвечивают лучи настоящих научных открытий, которые, несомненно, станут основой методологии будущих научных работ и расширят эстетическое пространство понимания канона.

Прежде всего, это кульминационная часть всей работы, находящаяся в точке «золотого сечения» монографии, ее четвертая глава «Экзегетический» музыкально-культурный канон». Можно прогнозировать интересный и обширный дискурс, взятый на вооружение будущими поколениями исследователей в связи с введенным новым термином, его стремительное «раскавычивание» и самое ближайшее и непосредственное введение в методологию исследования музыкальной культуры. Проникнув вглубь, в сердце, в ядро духовного значения канона, автор в одном единственном слове – экзегетический – удивительно емко сконцентрировал его обширный семантический потенциал. Хотелось бы также добавить, что за этим понятием стоит и прямое православное понимание канона, и характеристика канона как литургического жанра, изобретение которого, как известно, принадлежит перу великого гимнографа св. Андрея, архиепископа Критского. Здесь экзегеза – как истолкование библейских преданий через со-

бытия Нового Завета – становится отправной точкой для сочинения ирмоса и всех последующих тропарей канона, являя собой изложение догматического учения Церкви и своеобразно синтезируя хронологически предшествующие ему жанры: псалмопения и кондаки (единение Священного Писания и поэтической проповеди).

Безусловным достоинством монографии можно считать анализ музыкальной композиции как средства реализации мировоззренческой модели в символическом виде. Основной для автора становится модель позднего Средневековья, но культурологический концептуальный подход к анализу данной модели может быть проецирован и на область всех предыдущих и последующих эпох (Глава 4). Музыкальное искусство предстает перед нами как идеальное воплощение философских категорий вневременности, внеличности, скоротечности мира. Музыкальный жанр трактуется как ментальный ряд музыкального сознания [2, с. 157].

Интересной постановке вопросов, нестандартному видению и изложению взглядов, введению новых понятий и терминов содействуют и составленные автором схемы. В частности, одну из схем хотелось бы отнести к числу настоящих откровений и упомянуть, ни много ни мало, как «Бусы времени Лесовиченко». В ней классические свойства времени – длительность, однонаправленность, необратимость и вечность – неожиданно теряют свою динамику и обретают статику в точках сотворения и конца времени, в возвратном движении вращающейся спирали времени. Интерес представляют также схемы соотношения канона, традиции и авторского творчества.

Шаг за шагом мы оказываемся у порога новых открытий. Авторская мысль подводит к ним столь просто и естественно, что они воспринимаются как нечто абсолютно аксиоматичное: «В рамках традиционного творчества по сравнению с каноническим сильнее проявляется особенное. Особенное доминирует над всеобщим. В каноническом творче-

стве, напротив, сильнее всеобщее...» [2, с. 92]. Импровизационность канона закономерно предполагает помещение его по ту сторону традиции и авторского творчества, а также – противопоставление им. И здесь А. М. Лесовиченко оставляет множество «вопросов без ответа», которые обусловлены самой диалогичностью стиля монографии и высокой поэтикой слога.

«В этом вечном импровизационном обновлении музыки, основанной на достаточно статичном структурном материале, – сущность канонической деятельности, ее жизнеспособность, устойчивость» [2, с. 124], – пишет А. М. Лесовиченко. Взгляд автора, несомненно, перекликается с идеей Ю. М. Лотмана, трактующего каноническое искусство как информационный парадокс, где канонический текст выступает «возбудителем» [4, с. 319] информации. Вступая в диалог с исследователем, продолжая тщательный анализ аспекта импровизации, можно высказать предположение, что именно конец живого проживания и исполнения канона и его абстрактная фиксация переводят канон в разряд традиции; та же фиксация нотного текста характерна и для авторского творчества. Не ограничение ли свободы (импровизации, числа исполнителей, метрической, ритмической, интонационной, фактурообразующей и пр.), собственно, и становится одним из факторов удаления от общего делания – соборности (в контексте православной традиции) и начала светской формы жизни музыки? Множество внутренних комментариев, возникающих у читателя как сопутствующих мысли автора, развивающих и подтверждающих его положения, неизменно свидетельствуют об актуальности и жизненности темы монографии.

Сам стиль монографии А. М. Лесовиченко – удивительно легкий, искренний, сознательно избегающий ложной учености и с легкостью подводящий читателя к сложным философским проблемам, – закономерно напрашивается на сравнение со стилем великого А. Ф. Лосева. Анализируя форму изложения монографии, далекую от какого-либо мен-

торства и направленную на сотрудничество с читателем и совместный с ним поиск истины, мы видим желание автора максимально приблизиться к той синергетической форме взаимодействия исследователя и его оппонента, которая возможна только при непосредственном живом человеческом общении.

Разговорные краткие реплики-введения в новую тему («теперь месса», «панорамировать» и др.) или резкие характеристики («канонизация жизнеподобных мимикрий») [2, с. 17] очень важны. Они убеждают читателя в том, что автор сознательно «пробегает» общие места, стараясь донести до читателя только самое глубинное и значимое, максимально чутко и бережно относится к интеллектуальному времени читателя.

В этом контексте хотелось бы поделиться воспоминаниями о личном восприятии канонического пространства, в основе которого лежат две судьбоносные встречи. Прежде всего, – с Верой Борисовной Вальковой, у которой автор этой рецензии имела счастье слушать курс «Музыкально-теоретические системы», будучи студенткой Нижегородской государственной консерватории. Концентрируя общие впечатления, могу сказать, что это – спектральное ощущение разнообразия структур (в частности, византийских нетемперированных ладов) и представление о каноне как об идеальном Строении. С течением времени первоначальное представление о «каноне-Строении» дополнилось невыразимо благотворным ощущением «канона-Формы», исследуемого и преподаваемого замечательным хормейстером, методистом и регентом Алексеем Алексеевичем Гвоздецким в Гатчине. И вот, прибегая к иносказательной форме высказывания, мы вошли в Строение (= храм), облеклись в нужную Форму (особую форму = униформу = одежду = ризу), но только в сей момент началось, собственно, храмовое Действие. И с этим храмовым Действием, выразителем синтеза искусств, по мысли отца Павла Флоренского, без преувеличения можно сравнить монографию Андрея Михайловича Лесовиченко.

Стиль изложения требует к себе не внимания и тишины скучающей аудитории, а дебатов и, возможно, бурных несогласий. Автор монографии ни в коей мере не избегает острых полемичных тем, предлагая читателю противоречивые тезисы, а подчас и провоцируя на «праведный гнев». Так вопрос «Интересно, какой был бы путь у европейского искусства, окажись арианство доминирующей идеологией?!» [2, с. 71], – скорее всего, будет воспринят читателем-христианином как дерзкий и откровенный эпатаж. К слову говоря, число самих вопросов, как знаков пунктуации, также говорит о высоком накале полемики внутри текста: статистический срез подтверждает, что их около семидесяти.

Обращаясь к самой животрепещущей проблеме для исследователя – проблеме мировоззрения художественного творчества, автор, в частности, пишет: «С течением времени музыка приобретает свойства носителя информации любого типа, вплоть до сюжетной, вырабатывает средства процессуальности и конфликтности. Крайней точкой развития такого „самообеспечения“ становится появление сонатно-симфонического принципа, который не имеет никакого отношения к христианской культовой практике, да и вообще достаточно долго никак не соприкасается с религиозной идеей, осуществляясь подчеркнуто в мирской художественной жизни. Тем не менее, именно здесь определился итог действия христианских мировоззренческих доминант в музыкальном искусстве» [2, с. 41]. Разворачивающаяся внутренняя полемика не может оставить равнодушным никого: ни относящего себя к ряду светских музыкантов, ни считающего себя сопричастным миру культового музыкального искусства; ни тех, кто полностью уверен в том, что «именно здесь определился итог действия христианских мировоззренческих доминант», ни тех, кто глубоко убежден, что «появление сонатно-симфонического принципа... не имеет никакого отношения к христианской культовой практике», а значит, – и к христианскому мировоззрению.

В нарастающую полемическую волну, вероятно, должны включиться и сторонники формирования сонатного цикла как выразителя антирелигиозного (атеистического) мировоззрения, подтверждением которого выступают те самые законы диалектики, которые и определяют конфликтность драматургии. В самом упрощенном варианте – на уровне главной и побочной партий – воплощая в музыке закон единства и борьбы противоположностей, на уровне разработки тем и качественного тонального сдвига в репризе – переход количественных изменений в качественные, и, наконец, на уровне динамики чередования частей – демонстрируя закон отрицания отрицания.

С точки зрения христианского мировоззрения, эти законы можно трактовать как законы мира сего, в недрах которых, подчас болезненным и страшным образом, закаляются человеческие добродетели. И в этот момент нам вновь открывается широчайшее поле перспектив исследования мировоззренческих установок, сопряженных с полем музыковедческого анализа формообразования иных культовых и светских жанров. С какой позиции рассмотреть статику эпических форм, в частности большой строфической формы конца XIX в.? Или примеры позднего минимализма в творчестве Арво Пярта? По каким законам структурируются в форме самодостаточные необратимые ритмы Оливье Мессиана? Переводя их в плоскость канонического религиозного мировоззрения это – гипотетически – были бы инаковые законы мироздания: закономерность взаимообогащения противоположностей при их неслиянности; перехода качества в количество, ведь только глубокое качественное изменение дает яркий количественный всплеск; и, наконец, закон восхождения и совершенствования?...

Таким образом, если на диахронном срезе проблема «мировоззренческих доминант» сонатно-симфонического цикла весьма уязвима, то и на синхронном срезе она вряд ли может быть безоговорочно рассмотрена в пользу христианских, если принять во вни-

мание опыт сирийской, армянской, коптской и других восточных церквей, а также русскую старообрядческую традицию. Немаловажным аргументом оппозиции христианского мировоззрения и сонатно-симфонических формообразующих принципов выступает и мнение самого автора об устойчивости мировоззренческих посылов, обеспечивающих устойчивость канонической системы [2, с. 91]. А также – ранее введенное автором понятие «общехристианского культового канона» [2, с. 86], переживание которого связано с необходимостью «„довериться“ музыке, не следить за ней, а попытаться „погрузиться“ в нее» [2, с. 94], где сама музыка «несет на себе черты неподвижности, отсутствия развития» [2, с. 100].

Виртуальный оппонент, несомненно, возражает, что автор подчеркивает последующую исторически сложившуюся разность западной и восточной ветви христианства, где сама «метафизичность западного искусства требует динамического внешнего изменения вплоть до распада изначально заданной системы» [2, с. 80]. Но и в этом случае возникает закономерный вопрос: если каноническая система обнаружила свой распад, не говорит ли это о полной смене мировоззренческой доминанты? И каким образом музыкальный жанр «реагирует на изменения мировоззренческих доминант» [2, с. 141]: предваряет их появление, обнаруживает или констатирует? Вновь вопрос остается открытым...

Немалая часть книги посвящена осмыслению категории пространства и времени, а также – категории «тишины» в музыке, поэтому канон А. М. Лесовиченко «дышит» и «живет», и «звучит» со страниц монографии. Говоря об отношении автора к предмету своего исследования, хочется употребить те самые слова (в самом высоком их смысле), которыми А. М. Лесовиченко характеризует отношение к музыке св. Григория Нисского: «Он скорее ощущает, чем осмысливает идейную сущность» [2, с. 125]. Бытие канона, его историческая трансформация, оказываются напрямую связаны с пространственно-временным континуумом, который несет в себе «образ Бо-

жественной вневременности, и образ земного движения времени, и образ механистичности круговращения... именно образ, а не способ вхождения в реальное время» [2, с. 152].

Пожалуй, самое важное, что откроет для себя в монографии Андрея Михайловича Лесовиченко чуткий ко всему новому читатель, научная и светская аудитория, наконец, весь мир музыкальной культуры и искусства, это вербально невыразимую, неотделимую от интерпретации текста, невероятно огромную личную любовь и симпатию автора к канону. Неслучайно дважды в монографии звучит цитата из труда отца Павла Флоренского «Иконостас», в котором канон сравнивается с оселком, «на котором ломались ничтожества и заострялись настоящие дарования» [5, с. 76]. Этим высказыванием автор прочерчивает зримую черту, четко отгораживающую отечественное понимание канона от западноевропейской романтической эстетики, в которой канон трактовался как «средство, сковывающее творческий процесс, а потому ретроградное и вредное для художественного развития» [2, с. 22]. Русская ментальность отражается и в бережном отношении автора к специфике восточной нотации как к порождению духовно-мировоззренческого комплекса [2, с. 49]. Отраднo видеть русский перевод «Величит душа моя Господа», часто опускаемый исследователями при анализе «Magnificat».

Находясь в живом диалоге с автором монографии, хотелось бы высказать и некоторые возникшие в ходе прочтения мысли, затрагивающие самый сложный и самый глубокий аспект понимания канона – канона как трансцендентного опыта. Тем более, что именно «адекватное выражение сущности трансцендентного» [2, с. 82] совершенно справедливо выделено автором как главная цель восточной ветви христианского художественного творчества. Данный автором русский перевод 140 псалма «Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое...» и предваряющие его комментарии [3, с. 63] не передают в полной мере великопостное

состояние песнопения «Да исправится молитва, яко кадило пред Тобою...» и его роль и место в литургии Преждеосвященных. Сам по себе текст «Да исправится», впрочем, как и другие церковно-славянские тексты, мало подлежит русскому переводу, так как, собственно, за каждым словом и выражением стоит именно тот семантический контекст, который иными словами не может быть высказан. В данном случае, согласно одной из богословских трактовок, молитва должна не просто «направиться», но именно «исправиться» со стелющегося по земле рассеянного каинова моления на воскуряющуюся ввысь авелеву молитву «яко кадило».

Следующее высказывание автора «сакральное искусство связано с мистическим опытом... творца художественных образов» повествует о соотношении сакрального и мистического опыта. Сакральный опыт таинственен, но имеет причинно-следственные связи и может быть повторен. Мистический опыт – единичен, непредсказуем, непередаваем человеческим языком, единственный в своем роде. Сакральное искусство может вбирать в себя мистический опыт, но проводить прямую параллель можно только в исключительных и известных случаях (как, например, фигура святого Андрея Рублева). Таким образом, деятелем сакрального искусства, по нашему глубокому убеждению, выступает не «творец художественных образов» (светский художник), а именно проводник «застывших» слепков» [2, с. 69] сакрального опыта, в том числе сакрального опыта музыкального творчества. Сакральное искусство самоценно, и, по нашему мнению, не может быть рассмотрено как являющееся «одним из заместителей собственно мистики» [2, с. 70].

В заключение хотелось бы сказать несколько слов о восприятии рецензируемого научного исследования в «большом времени» (по известному выражению М. М. Бахтина). Ретроспектируя к началу нашей рецензии, можно с уверенностью сказать, что диалогический контекст монографии Андрея Михайловича Лесовиченко «Европейские

музыкально-культурные каноны» не имеет границ, «уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее» [1, с. 212]. Само исследование проникнуто и окутано той самой «музыкой интонационно-ценностного контекста» [1, с. 211], которая может быть охарактеризована категорией становления как «последнее основание искусства времени» [3, с. 323], по мнению А. Ф. Лосева. Замеча-

тельный труд А. М. Лесовиченко находится, несомненно, вне оценки современной критики как выдающееся научное исследование, которое всегда будет представлять интерес для новых поколений исследователей музыкальной культуры, философии искусства, искусствоведов, музыкантов-исполнителей и всех неравнодушных к истории и практике духовного музыкального творчества.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст-1974: Литературно-теоретические исследования. Москва: Наука, 1975. С. 203–212.
2. Лесовиченко А.М. Европейские музыкально-культурные каноны / 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2020. 223 с.
3. Лосев А.Ф. Основной вопрос философии музыки // Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. Москва: Издательство политической литературы, 1991. С. 315 – 335.
4. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия «Мир искусств»). Санкт-Петербург: Академический проект, 2002. С. 314–321.
5. Флоренский П.А. (прот. Павел Флоренский) Иконостас. Москва: Искусство, 1994. 254 с.

References

1. Bakhtin, M.M. K metodologii literaturovedeniya // Kontekst-1974: Literaturno-teoreticheskie issledovaniya [To the methodology of literary criticism // Context-1974: Literary-theoretical research], Moscow: Nauka. 1975. pp. 203–212. (In Russ.)
2. Lesovichenko A.M. Evropejskie muzykal'no-kul'tovye kanony / 2-e izd., ispr. i dop. [European musical and cult canons / 2nd ed., rev. and add.] Moscow: Urait. 2020. 223 p. (In Russ.)
3. Losev A.F. Osnovnoj vopros filosofii muzyki // Losev A.F. Filosofiya. Mifologiya. Kul'tura. [The main question of the philosophy of music // Losev A.F. Philosophy. Mythology. Culture.], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 1991. pp.315–335. (In Russ.)
4. Lotman Yu.M. (2002). Kanonicheskoe iskusstvo kak informacionnyj paradox // Lotman YU.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva (Seriya «Mir iskusstv») [Canonical art as an information paradox // Lotman Yu.M. Articles on the semiotics of culture and art (Series “World of Arts”)], St. Petersburg: Akademicheskij projekt. 2002. pp. 314–321. (In Russ.)
5. Florensky P.A. (Archpriest Pavel Florensky) (1994). Iconostasis. Moscow: Iskusstvo. 1994. 254 p. (In Russ.)

*

Поступила в редакцию 06.05.2022

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Предлагаем Вам опубликовать статьи в научном журнале «Вестник Московского государственного университета культуры и искусств».

В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 года № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК, журнал «Вестник МГУКИ» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).
- 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).
- 09.00.04 – Эстетика (философские науки).
- 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности (педагогические науки).
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования (педагогические науки).

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Не ранее чем через год после выхода в свет статьи в нашем журнале автор может опубликовать данный текст или его фрагменты в других изданиях.

Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками. При их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
2. Объём статьи не должен превышать 30 тыс. знаков, включая пробелы.
3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05–2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
4. К статье прилагаются:
  - а) аннотация (100–250 слов) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
  - б) сведения об авторе, включающие ФИО автора (авторов) полностью, на русском и английском языках (ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах); место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес.
5. Статьи принимаются в двух вариантах – печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.
6. Все статьи рецензируются и публикуются бесплатно.
7. Рецензирование статьи осуществляется редакционной коллегией журнала. Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать ЗАКОН РФ ОТ 27.12.1991 N 2124-1 (РЕД. ОТ 18.04.2018) «О СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ».

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов.

От авторов, предлагающих свои материалы к публикации в журнале, редакция ожидает соблюдения следующих принципов:

- оригинальности исследования;
- предоставления достоверных результатов проделанной работы, отсутствия ложных утверждений, безошибочности представления данных;
- объективного обсуждения значимости исследования;
- недопустимости личных, критических или пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других исследователей;
- полного исключения плагиата; признания вклада других лиц, обязательного наличия библиографических ссылок на все внешние источники информации, все публикации, существенные для данной статьи (включая его собственные ранее опубликованные статьи и научные материалы), избегая при этом самоплагиата (повторной, дублирующей публикации). Автор должен сообщить редколлегии журнала обо всех своих работах и работах своих соавторов, пересекающихся по тематике с представленной в редакцию статьёй и находящихся на рассмотрении в других изданиях;
- получения разрешения на использование (воспроизведение) чужих материалов, таблиц, изображений и обязательного указания автора этих материалов и/или владельца авторских прав на эти материалы;
- представления информации из конфиденциальных источников только с их разрешения;
- представления в качестве соавторов всех участников, внесших существенный вклад в исследование и написание статьи; одобрения окончательной версии работы всеми соавторами и их полного согласия с представлением её к публикации;
- выражения благодарности другим коллегам, не являющимся авторами данной статьи, но повлиявшим на её создание;
- раскрытия потенциальных конфликтов интересов (предоставление информации о работе по найму, консультировании, наличии акционерной собственности, предоставлении экспертных заключений, патентной заявке или регистрации патента, получении гонораров;
- чёткого указания в тексте рукописи сведений о полученных грантах, других источниках финансирования исследования, обо всех других формах поддержки, т. е. фактах, которые могут быть восприняты как оказавшие влияние на результаты или выводы, представленные в работе);
- незамедлительного сообщения об обнаружении существенных ошибок или неточностей в публикации и взаимодействия с редактором с целью скорейшего исправления ошибок или изъятия публикации, своевременного исправления ошибок и неточностей, выявленных рецензентом или редактором.

***

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора материалов. Статья, после её одобрения редколлегией журнала, может готовиться к публикации до полугода.